

ВОЕННАЯ

БИБЛИОТЕКА

ШКОЛЬНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЕТСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА»

ТОЛЬКО
ПОБЕДА
и ЖИЗНЬ!

1941
1942
1943
1944
1945

ТОЛЬКО ПОБЕДА и ЖИЗНЬ!

**ПУБЛИЦИСТИКА
ВОЕННЫХ ЛЕТ**

МОСКВА „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1985

9(С)27

Т55

Составитель С. К р а с и л ь щ и к

Вступление В. А м л и н с к о г о

Художник В. Т е р е щ е н к о

Т 4802010000—465 064—85
М101(03)85

Состав. Вступление. Оформление.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Эта книга обращена к вам, к тем, кто, взрослея, осмысливает и собственную жизнь, и нравственный, исторический опыт предыдущих поколений.

Эта книга — о войне. Многих из ее авторов — известных публицистов, писателей, поэтов тридцатых, сороковых, пятидесятих годов — уже нет в живых. Некоторые — Алексей Толстой, Илья Эренбург, Александр Фадеев — видятся сегодня как бы из дали истории. Других — Бориса Полевого, Константина Симонова — мы видели еще недавно. Немолодые люди, казалось, они рассчитаны надолго, может быть, навсегда...

Однако книги переживают людей, сохраняя в себе ту страсть, тот накал, ту музыку, что владела ими, когда они писали свои очерки, стихи, статьи. Ими владела «ярость благородная», как сказал один из авторов этой книги — Лебедев-Кумач, и вера в победу, в неисчерпаемые возможности народа, частью которого они были.

Какая музыка была,
Какая музыка играла,
Когда проклятая война
Тела и души нам топтала...

Мое поколение училось грамоте, чтению, к сожалению, не по букварям, не по нарядным детским книжкам сказок — по страницам газет, где сообщалось в первые годы войны об отданных врагу городах, позднее — о взятых назад. Имена авторов читали мы по складам: Шолохов, Эренбург, Симонов, Полевой.

Не детские считалки, не звонкие веселые стихи были нашим первым чтением, а «Священная война» Лебедева-Кумача или «Жди меня» Симонова. Мы не всегда понимали текст, но душой чувствовали смысл, детским сознанием ощущали, что главное — это мужество и верность — верность Родине, присяге, отцу, воюющему на фронте, верность — до конца.

Эшелоны эвакуации, ползущие медленно в Сибирь, на Урал, бомбежка во время этого долгого пути недалеко от Москвы, ожидание писем с фронта, постоянный страх, что придет не письмо, а зловещая «похоронка» — вот ощущения и впечатления детства.

Если авторы этой книги были участниками войны, ее солдатами, то мы были дети войны.

Эту книгу прочтете вы, дети мирного времени.

Она разбита на главы — по военным годам. Всего пять глав, а сколько вместили они трагедий, героизма, испытаний, потерь, душевного и физического напряжения, сколько страстей человеческих они вобрали. Этого бы с лихвой хватило на века.

Первый раздел — самый горький, самый тяжкий. Сорок первый год. Вспоминаю стихи Симонова.

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.

Она такой вдавила след
И столько назовет положила,
Что двадцать лет
и тридцать лет
Живым не верится, что живы...

У каждого из нас было свое двадцать второе июня.

У меня такое: я простужен, дома только отец, теплый воздух, запах листвы из открытых окон.

Отец читает мне лермонтовский «Воздушный корабль» и «Купца Калашникова». Мне еще нет шести, я многого не знаю, не понимаю, но тайна лермонтовских стихов завораживает меня и делает счастливым. Но вот отец замолкает. В открытые окна слышен знакомый торжественный и вместе с

тем как бы перебарывающий тревогу голос Левитана. Сообщение о чрезвычайном выступлении Наркома иностранных дел.

Еще несколько секунд детского неведения, детского счастья, уже тронутого предчувствием. На этом кончается детство, точнее — остается, но уже как бы в другом виде. Облик детства меняет разлука с родным городом, с отцом, с нормальными маленькими и большими радостями, что дарит человеку эта пора жизни. Таким остался в моей памяти тот «самый длинный день в году».

Константин Симонов в одной из своих статей сказал о людях литературы и искусства во время войны: «Они тоже не сгибались, тоже дрались, тоже были крепки духом... В самые трудные дни люди нашего искусства вместе с нашей армией, вместе с партией и всем народом единодушно и непоколебимо верили в победу».

Замечательная статья Алексея Толстого, написанная в сорок первом году, когда враги наступали и победа была еще очень и очень далекой, называлась: «Только победа и жизнь!». Этой верой пронизаны самые трагические страницы этой книги — очерк Лидова «Таня».

До сих пор я помню газету сорок второго года с очерком Лидова. Серая бумага, страшная фотография. Фотография эта говорила не меньше текста, говорила о том, что можно изломать плоть, тело, можно убить, повесить, но дух человеческий — высокий, мятежный — не сломить, не втоптать в снег, не раздавить гусеницами танка. Зоя Космодемьянская, Таня — как много говорило нам это имя в ту пору! Нет, я знаю, что ее помнят, любят, восхищаются ею и сейчас... Но круг героев стал шире, новые поколения узнали о других подвигах, потрясших сознание своим самопожертвованием. Тогда же были на устах только эти имена — Зоя Космодемьянская, двадцать восемь героев-панфиловцев, молодогвардейцы, Матросов, Гастелло, Талалихин...

Эти имена значили больше, чем реальные фамилии реальных людей. Они выросли до символов великого страдания и великого подвига.

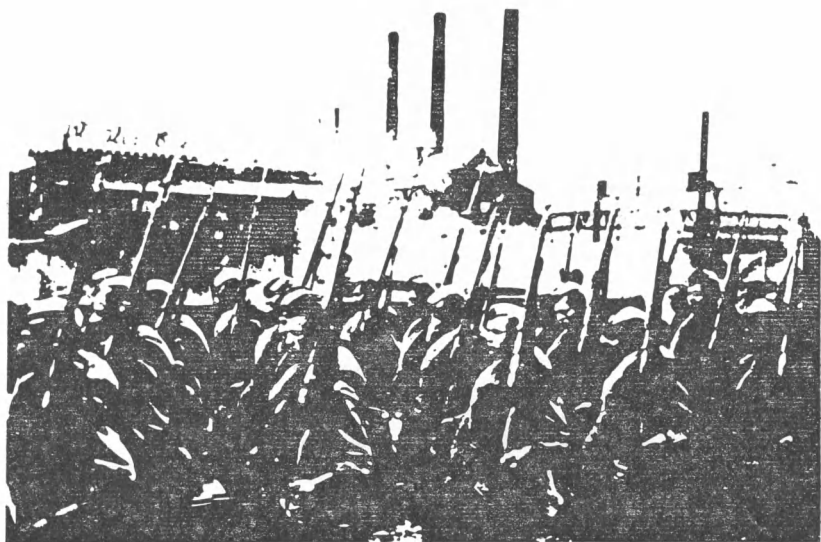
Движение книги — это движение к Победе. С каждым годом меняется настроение, дух, интонация очерков, стихов, статей, меняются даже их названия. Я уже называл статью Толстого. Там же, в разделе «Сорок первый», — «Священная война» Лебедева-Кумача. Слова этой песни и сегодня возвышают и трогают сердце. В сорок втором — «Наука ненависти» Шолохова, в сорок третьем — «Музыка победы» Федина, в сорок

четвертом — «Стихиям вопреки» Веры Инбер, в сорок пятом — стихотворение Наровчатова с желанным, выстраданным, с восклицанием, помноженным на рев орудий, на плач матерей, на последний выкрик «Ура!» солдат, штурмующих рейхстаг: «Победа!»

Эта прекрасная книга с документальной силой расскажет, сколько перетерпел, как выстоял и как победил советский народ — во имя прошлого, во имя будущего — ради жизни на земле.

Владимир Амлинский

1941

Степан ЩИПАЧЕВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Казалось, было холодно цветам,
и от росы они слегка поблекли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
и пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чем,
а славил бы всю жизнь свою дорогу,
когда б армейским скромным трубачом
я эти пять минут трубил тревогу.

1943 год

Илья ЭРЕНБУРГ

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

С негодованием, с гневом узнали мы о разбойном нападении германских фашистов на наши советские города. Не словами ответит наш народ врагу. Игрок зарвался. Его ждет неизбежная гибель.

Германские фашисты подчинили своему игу много стран. Я видел, как пал Париж, — он пал не потому, что были непобедимы немцы. Он пал потому, что Францию разъяели измена и малодушие. Правящая головка предала французский народ. Но там, где солдаты, брошенные всеми, вопреки воле командования, оказывали сопротивление, немецкие фашисты топтались перед ничтожными отрядами защитников. Население небольшого города Тура и два батальона трое суток защищали город от основных сил германской армии.

Советский народ един, сплочен, он защищает родину, честь, свободу, и здесь не удастся фашистам их низкая и темная игра.

Они разгромили свободолюбивую, веселую Францию, они поработили братские нам народы — высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков. Они угнетают норвежцев, датчан, бельгийцев. Я был в разоренных немцами странах. Повсюду я видел горящие гневом глаза, — люди ненавидят разбойников, которые разграбили их страны, убивают их детей, уничтожают их культуру, язык, традиции. Они только ждут минуты, когда зашатается разбойная империя Гитлера, чтобы подняться, все как один, против поработителей. У советского народа есть верные союзники — это народы всех поработенных стран — парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы. Все народы с нами. Как на освободительницу они смотрят на Красную Армию. В оккупированных фашистами странах уже зимой начались партизанские бои — смельчаки не могли больше выдержать неслыханного ига. В ноябре парижские студенты вышли на улицу с револьверами. Норвежцы по ночам истребляли отряды фашистов, поляки уходили в леса и оттуда совершали налеты на фашистских оккупантов. В Чехии рабочие ломали станки: «Ни одного снаряда для немецких фашистов». Теперь на них пойдут не тысячи смельчаков, но миллионы — народы Европы. Судьбе зазнавшегося фашистского палача пришел конец.

На стенах древнего Парижа в дни немецкой оккупации я часто видел надписи: «Гитлер начал войну, Сталин ее кончит». Не мы хотели этой войны. Не мы перед ней отступим. Фашисты начали войну. Мы ее кончим — победой труда и свободы. Война — тяжелое, суровое дело, но сердца наши закалены. Мы знаем, какое горе принес фашистский захватчик другим народам. Мы знаем, как он останавливается, когда видит достойный отпор. Мы не дрогнем, не отступим. Высокая судьба выпала на нашу долю — защитить нашу страну, наших детей и спасти измученный врагами мир. Наша священная война, война, которую навязали нам захватчики, станет освободительной войной порабощенной Европы.

22 июня 1941 года

Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

1941 год

Константин СИМОНОВ

ЧАСТИ ПРИКРЫТИЯ

«Наши части прикрытия, переходя в контратаки, задерживают противника до подхода наших главных сил».

Эту скромную, по-деловому звучащую фразу мы не раз читали в сводках Информбюро.

Но что скрывается за этой фразой, какие подвиги, какая железная выдержка стоят за простыми словами — «задержать противника до подхода наших главных сил», — это не все себе ясно представляют.

Военный язык лаконичен. В приказе сказано — задержать противника. Но слово «задержать» в нашей армии значит — задержать во что бы то ни стало. Слово «драться» в нашей армии значит — драться до последней капли крови.

Части прикрытия — это значит части, которые приняли на себя первый удар врага, первыми прощупали его стратегию и тактику, первыми на ходу, во время боя, научились новым приемам борьбы с ним.

Они задержали врага, они совершали иногда дорогого обходившиеся ошибки, они, исправляя эти ошибки, накопили новый боевой опыт, которым сегодня и завтра воспользуется вся армия для разгрома врага.

Это делает наша армия, которая сосредоточилась и развернулась, пока части прикрытия выигрывали для нее время, — время, настоящая цена которому познается только на войне.

Армия развернулась, части прикрытия отведены в армейский тыл на несколько десятков километров. Но фронт и тыл — между ними в этой войне нет четкой границы.

По ночам, когда кругом тишина, можно слышать далекую канонаду тяжелых орудий. Это бьет наша корпусная артиллерия.

Когда начинает темнеть, в лесу мелькают белые отсветы — точка, тире, точка, тире, — это немецкие диверсионные группы

пытаются снести друг с другом или подать сигнал своим самолетам.

Огоньки быстро потухают, наша разведка научилась точно работать: на третьем тире сигнаlistsу пришлось поднять руки вверх.

Части прикрытия комплектуются, восполняются потери. Взамен искалеченных в тяжелых боях орудий и пулеметов подвозятся новые.

Но если вы станете говорить с командирами и бойцами такой части, недавно вышедшей из боя, то меньше всего вы услышите разговоров о потерях; бойцы и командиры говорят об опыте боев, о слабых местах врага, о новой тактике, которую они выработали в боях и теперь применяют против него. И когда вспоминают о погибших товарищах, то вспоминают о них, не просто сожалея, а обсуждая и одобряя их поведение в бою, их опыт борьбы, который они ценой своей жизни передали другим.

Н-ский стрелковый полк вместе с другими полками дивизии был 22 июня поднят по тревоге и, приведя себя в боевую готовность, сделал за двадцать один час семидесятипятикилометровый марш.

Перегрузившись под обстрелом вражеской авиации на машины, полк на рассвете прибыл к месту сосредоточения.

Полк и подходившую танковую дивизию противника теперь разделяло расстояние всего в несколько километров.

С хода развернувшись, полк занял оборону вдоль пока-того берега реки Ш.

Чтобы дать полку возможность окопаться, а гаубичному дивизиону занять выгодные огневые позиции, 2-й батальон был выброшен вперед. На него была возложена почетная задача принять первый удар.

Стойкую пехоту, которая успела хоть немного закопаться в землю и укрепиться, трудно выбить с ее позиций, трудно, даже если против одного полка действует танковая дивизия.

Немцы понимали это не хуже нас, пока полк окапывался, каждые пятнадцать минут над его головой с ревом пикировали чужие бомбардировщики.

Но расчет врага на панику, на замедление темпа оборонительных работ был сорван. Маскируясь, укрываясь за деревьями, ложась и снова вставая, бойцы хладнокровно и быстро продолжали свое дело. Не было ни беготни, ни беспорядочной пальбы из винтовок, каждый был занят своим делом: бойцы — своим, зенитчики — своим.

И надо сказать, что зенитчики в первом бою действовали довольно удачно.

Спокойно выждав секунды, когда бомбардировщики переходили в пике, расчет крупнокалиберных зенитных пулеметов посылал очереди прямо в лоб, в моторную группу фашистских машин.

Один за другим три бомбардировщика, горя и с грохотом ломая деревья, обрушились в лес.

Тем временем 2-й батальон уже принимал неравный бой.

Противотанковые пушки били прямой наводкой по танкам. Отступая с рубежа на рубеж, пулеметчики метким огнем старались оторвать вражескую пехоту от танков, заставив ее лечь, не дать ей поднять головы.

Вот загорелся один танк, потом второй, третий, четвертый, остальные двигались уже медленнее, чем вначале, останавливаясь, чтобы пристреляться по нашим противотанковым пушкам, подтягивая свою не особенно храбро шедшую под огнем пехоту.

Между тем батальон, выполнив свою задачу и задержав противника, постепенно отходил за левый фланг полка.

К четырем часам дня бой разгорелся уже перед всем фронтом полка.

Теперь по числу атакующих танков уже легко на глаз можно было определить, что против нас в полном составе действует мотомеханизированная дивизия врага.

Узкая полоса реки с единственным мостом отделяла нас от противника. Танки, выходя на берег, стягивались к мосту, но жестокий артиллерийский огонь не пускал их на самый мост. Немецкая пехота, скопившись на опушке леса, пыталась короткими перебежками достичь берега реки и переправиться через нее вброд.

Загорелось еще несколько танков. С наших позиций было хорошо видно, как вела себя немецкая пехота. Под пулеметным огнем она пыталась, пусть медленно, но все-таки продвигаться.

Но когда справа и слева от нее черными факелами вспыхивали танки, она немедленно ложилась, и офицерам, видно, уже трудно было оторвать ее от земли. Вера в эти стальные машины, с которыми до сих пор так легко доставались победы, эта вера, оказывается, имела свою оборотную сторону.

Машины горели одна за другой. Немецкая пехота не привыкла к этому, она боялась, она не хотела сама идти вперед. Пусть первыми пойдут танки.

И танки снова шли, и снова сгучивались у моста, и снова загорались.

На помощь им пришла артиллерия. Подтянув к реке свою артиллерию танковой поддержки, немцы стали охотиться за нашими противотанковыми орудиями.

Соединенными усилиями танков и артиллерии к вечеру половина наших пушек была выведена из строя.

Но недаром славится русская артиллерия. Остальные наши пушки нащупали позицию врага и метким огнем к ночи разбили восемнадцать орудий противника и зажгли шестнадцать танков.

Помогая артиллерии, пулеметчики четко били по смотровым щелям танков, ослепляя врага.

Но потери все-таки сказывались. Наш огонь был уже реже, и, пользуясь этим, части немецкой пехоты доползли до берега реки и начали переходить ее вброд.

Заметив это, вторая рота полка вылезла из укрытий и перешла в стремительную контратаку.

Испугавшись штыкового удара, немецкая пехота с поспешностью ретировалась на тот берег.

Было уже темно. На несколько минут наступило затишье.

Но ровно в десять часов вечера, видимо, отчаявшись овладеть нашими позициями с налету, противник подвез гаубичную артиллерию и открыл ураганный огонь.

Разрывы шли сплошным огненным валом с берега реки в глубь леса и с флангов к центру наших позиций.

Нужна была железная выдержка, чтобы высидеть под этим огнем, зорко наблюдая за каждым движением врага.

Под прикрытием огневого вала немецкая пехота стала переправляться через реку.

Ровно в двенадцать часов ночи немцы перенесли артиллерийский огонь вглубь. Убеденные, что наши части уничтожены и деморализованы двухчасовым ураганным огнем, они наконец решились идти в атаку.

Но ровно в двенадцать часов командир полка, решив не дожидаться немецкой атаки, подтянул все силы, собрал всех уцелевших бойцов и, подняв их, с криком «ура!» сам повел в контратаку.

Грозное русское «ура» совершенно неожиданно обрушилось на переправившихся через реку немецких солдат.

Они в беспорядке, кто вброд, кто вплавь бросились обратно, не принимая штыкового боя.

Впрочем, далеко не все успели уйти за реку, многим поне-

воле пришлось все-таки испытать на себе силу русского штыка.

Так закончился этот трудный для полка день.

Немецкая танковая дивизия была задержана на двенадцать часов. Было выведено из строя до тридцати танков и восемнадцати орудий противника.

Мы тоже понесли серьезные потери. Но как ни были они тяжелы, — бойцы в эту ночь чувствовали себя победителями. Разбитые немецкие танки и орудия, уничтоженная немецкая пехота — все это только половина победы. Второй половиной победы был выигрыш времени. Двенадцать часов военного боевого времени! Бойцы знали, там, сзади, развертываются главные силы, используя эти двенадцать часов, выигранных ими в кровавом бою.

К рассвету полк оставил этот лес, изрешеченный снарядами, изрытый воронками, точно пристрелянный немецкой артиллерией.

Полк отошел назад, на новый рубеж обороны, где завтра ему предстоял такой же жестокий и героический бой.

А в сводке Информбюро утром появилась скупая фраза: «В течение прошлого дня наши части прикрытия сдерживали наступление противника до подхода наших главных сил».

5 июля 1941 года

Петр ПАВЛЕНКО, П. КРЫЛОВ

КАПИТАН ГАСТЕЛЛО

На рассвете 6 июля на разных участках фронта летчики собрались у репродукторов. Говорила московская радиостанция, диктор по голосу был старым знакомым — сразу повеяло домом, Москвой. Передавалась сводка Информбюро.

Диктор прочел краткое сообщение о героическом подвиге капитана Гастелло. Сотни людей на разных участках фронта повторяли это имя...

Еще задолго до войны, когда он вместе с отцом работал на одном из московских заводов, о нем говорили: «Куда ни поставь — всюду пример».

Это был человек, упорно воспитывающий себя на трудностях, человек, копивший силы на большое дело.

Чувствовалось — Николай Гастелло стоящий человек.

Когда он стал военным летчиком, это сразу же подтвердилось. Он не был знаменит, но быстро шел к известности.

С первого же дня Великой Отечественной войны капитан Гастелло во главе эскадрильи громил фашистские танковые колонны, разносил в пух и прах военные объекты, в щепу ломал мосты.

О капитане Гастелло уже шла слава в летных частях. Люди воздуха быстро узнают друг о друге!

Последний подвиг капитана Гастелло не забудется никогда.

26 июня во главе своей эскадрильи капитан Гастелло сражался в воздухе. Далеко внизу, на земле, тоже шел бой. Моторизованные части противника прорывались на советскую землю. Огонь нашей артиллерии и авиация сдерживали и останавливали их движение. Ведя свой бой, Гастелло не упускал из виду и бой наземный.

Черные пятна танковых скоплений, сгрудившиеся бензиновые цистерны говорили о заминке в боевых действиях врага.

И бесстрашный Гастелло продолжал свое дело в воздухе. Но вот снаряд вражеской зенитки разбивает бензиновый бак его самолета.

Машина в огне. Выхода нет.

Что же, так и закончить на этом свой путь? Скользнуть, пока не поздно, на парашюте и, оказавшись на территории, занятой врагом, сдаться в постыдный плен? Нет, это не выход.

И капитан Гастелло не отстегивает наплечных ремней, не оставляет пылающей машины. Вниз, к земле, к сгрудившимся цистернам противника мчит он огненный комок своего самолета. Огонь уже возле летчика. Но земля близка. Глаза Гастелло, мучимые огнем, еще видят, опаленные руки тверды. Умиравший самолет еще слышится руки умирающего пилота.

Так вот как закончится сейчас жизнь: не аварией и не пленом — подвигом.

Машина Гастелло врзается в «толпу» цистерн и машин — и оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух сражения: взрываются вражеские цистерны.

Запомним имя героя капитана Николая Францевича Гастелло. Его семья потеряла сына и мужа; семья, Родина приобрела героя...

10 июля 1941 года

ГОРОД В БРОНЕ

По Неве в тумане проходят корабли. Глухо звучат шаги ночного дозора: улицы стали напоминать совсем другие времена. Голос времен, как эхо, живет в пространствах ночи.

Броневи́к Ильича у Финляндского вокзала в свете бледного прожектора и бронзовый Киров на Новой площади врезаются в самое сердце. И проспект имени Газа говорит о непреклонном комиссаре, улица Ракова — о человеке, прошедшем жизнь, состоявшую из смертельных опасностей, во имя победы народа; проспект Огородникова — о железном путиловском рабочем, беспощадно разившем врагов народа.

Площадь Жертв Революции, молчаливая и пустынная, напоминает о великом долге каждого ленинградца быть на боевом посту в городе, где рождалась революция, бороться за свободу, честь, счастье, за будущее, как боролись они — павшие с оружием в руках, — и не бояться отдать, если нужно, жизнь за то, чтобы этот русский город был всегда русским, свободным, советским городом.

По улицам проходят обозы и пушки, проходят войска. С мужчинами рядом шагают женщины — сестры, жены. Так они пройдут до самого фронта. Фронт недалеко. И тут же под вой разрывов им скажут: довольно, вернитесь. Они ответят: мы остаемся, и останутся дружинницами. Будут выносить раненых и следить, чтобы их оружие было при них.

Город живет по-боевому. У бани женщины заинтересовались группой бородатых, серьезных людей с загорелыми, обветренными лицами.

— Откуда такие бородачи в наше время, да еще целая куча?

— Подождите, через часок все будем молодыми, — говорят, посмеиваясь, бородачи.

Это партизаны пришли помыться, попариться, побриться, отдохнуть в городе.

Вот женщины, много женщин склонились над шитьем. Почему такие серьезные у них лица, как будто они не шьют, а участвуют в сражении? Они готовят теплое белье, теплые вещи для бойцов. Все время открывается дверь, и новые и новые приносят узлы, чемоданы, пакеты с теплыми вещами, которые надо просмотреть, переделать, перешить. Зима на дворе. Наши бойцы ходят в теплой чистой одежде, в фуфайках,

перешитых добрыми руками. У этих женщин не у всех родные на фронте, но у них нет деления на своего и твоего. Все фронтовые стали родными, все стали близкими.

На заводах делают боевое оружие, снаряды, на заводах работают на фронт. Со скрежетом разрывается в цехе снаряд. Мгновение замешательства. Раздается тихий, но твердый голос руководителя:

— Товарищи, фронт ждет нашей помощи!

Люди становятся к станкам. Аварийная команда начинает исправлять повреждения.

А на фронте мастера огня засекают вспышки вражеских орудий, бьющих по городу. Ненавистью пылают сердца артиллеристов. Залп, еще залп — конец разбойничьей батарее.

Пробирается разведка. В ней все ленинградцы. Им знакома каждая дорога в этих местах. Люди сжимают оружие, как самое дорожное. Мстить, мстить врагу за все. За то, что сгорели пригородные чудные уголки, и за то, что убиты родные, истерзаны дети и женщины, за то, что в Пушкине на улице виселицы, и бомбы разбили большую залу Екатерининского дворца, за то, что бронзового позолоченного Самсона, украшение петергофских фонтанов, немцы распилили на части и увезли, за все страдания людей, за все поруганные памятники нашей родной старины, за ночные выстрелы по мирному населению — за все.

Тяжелые наши орудия бьют с фортов. И разбиваются немецкие штабы и танки, батареи и автоколонны.

Высоко в небе, где так не нужна луна, все залившая своим равнодушным светом, скрываются немецкие стервятники. Они бросают бомбы. Бомбы падают в каналы, взметывая воду выше домов. Бомбы ломают деревья, убивают старую ленинградскую слониху в зоопарке, падают на дома. Дома рушатся. Бойца аварийной команды вызывают на место попадания. Он видит, что завалило щель, где укрывались жильцы дома. Он работает без устали, осторожно и умело. Один живой ребенок извлечен из-под груд мусора и земли, второй, третий, четвертый, пятого он передает молча товарищам, и те чувствуют, что руки его ослабели.

— Заработался, устал?

Нет, на его руках лежит его 11-летняя дочь. Ее убили звери, умеющие летать. Начальник команды предлагает ему отдохнуть, прямо сказать — уйти со своим горем. Единственная дочь. Он говорит: нет, он не уйдет! Он будет работать. Его дочь умерла, но есть там, под землей, другие, живые, дети, их надо спасти, их можно спасти и их спасают.

Людей такого города нельзя сделать рабами. На родину нашу упало страшное, невыразимое простыми словами бедствие.

Нам много предстоит тяжелого. Надо пройти через все. Ничто не страшно человеку, стоящему за правду. Мы стоим за правду. В наш человеческий город пропустить зверей нельзя, мы их не пропустим! Их будут истреблять безжалостно, беспощадно. С ними нет другого разговора, как разговор пуль и снарядом, танком и минометом.

Так пусть будет больше орудий, пуль, танков и минометов! Вот почему по улицам маршируют штатские люди с винтовками на плече. Они стали бойцами все до единого. Вот почему праздник мы празднуем за боевой работой. То, что добыто народной кровью и потом, не отдадим врагу. Это все надо защищать до последнего вздоха. Вот почему Ленинград темен и суров. К нему подкрался враг с ножом, чтобы перерезать горло спящему. Но он застал Ленинград бодрствующим. Горе врагу!

Какой веселый гомон бывал в Ленинграде перед Октябрьскими праздниками в мирные времена! Как светились его выпуклые, длинные, круглые огни, как играли их отсветы в каналах и в широкой Неве, сколько народу толпилось перед витринами магазинов! Детвора заполняла его скверы и парки. Долго за полночь проносились шумные трамваи, сияли окна. Молодежь смеялась так заразительно, что самый суровый прохожий начинал невольно улыбаться. Нет, Ленинград не был холодным городом.

Приезжие бегали на Неву в белые ночи, смотрели разведенные мосты с поднятыми, повисшими в небе стенами, любовались прекрасными лунными ночами и зимними морозами, колдовскими сумерками. Он был бесконечным. Трамвай шел по городу часами, и город не кончался. Заставы его — прежние окраины — никто бы из людей десятого года не узнал в сороковом... Так они выросли, сами стали городом, зажили богато и предстательно.

Если смотреть на Ленинград с высот Пулковских холмов весенним вечером, то по всему горизонту лежал как бы огненный пояс. Золотая полоса огней с каждым годом все ближе продвигалась к югу, все ширилась и росла.

Теперь мы узнали, каков Ленинград во мраке затемнения. Узнали, как выглядят улицы без огней и без людей ночью. Как не нужна и прямо враждебна луна над городом. Как надо жить, стиснув зубы от великой ненависти к врагу, отказаться от всех мелочей жизни, забыть беспечную суету и взять в руки оружие.

Страна наша стала вооруженным лагерем, Ленинград — ее передовой пост. На посту часовые не спят. И Ленинград стоит, как закованный в броню часовой, и зорко всматривается в туманную ночь, в которой притаился враг, беспощадный, настойчивый, кровавый.

7 сентября 1941 года

Константин СИМОНОВ

* * *

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

1941 год

Алексей ТОЛСТОЙ

ТОЛЬКО ПОБЕДА И ЖИЗНЬ!

Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины — нашей Москвы, — гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле.

Встанем стеной против смертельного врага. Он голоден и жажен. Сегодня он решился напасть на нас и пошел на нас... Это не война, как бывало, когда война завершалась мирным договором, торжеством для одних и стыдом для других. Это завоевание такое же, как на заре истории, когда германские орды под предводительством царя гуннов Атиллы двигались на запад — в Европу для захвата земель и истребления всего живого на них.

Социалистическая Россия и фашистская Германия бьются насмерть, и весь мир внимает гигантской битве, не прекращающейся уже более ста дней.

Враг нас теснит. Над Москвой нависла угроза. Враг собрал оружие со всей покоренной Европы. У него пока еще больше танков. В эту битву он бросил все, что мог, и большего усилия, чем в эти дни октября, он повторить уже не сможет. Его тыл — как дупло гнилого дерева. Остановленный в эти дни, он именно сейчас, захлебнувшийся в своем наступлении, перейдет к обороне и изнеможет...

Наша задача в том, чтобы остановить гитлеровские армии перед Москвой. Тогда великая битва будет выиграна. Силы наши растут. День и ночь наши танки во все увеличивающемся количестве готовятся на машиностроительных заводах Союза. Заводы Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Брянска, Киева эвакуированы в глубь страны.

Настанет час, когда мы перейдем к решающей фазе войны — наступательному удару по германскому фронту. Но чтобы перей-

ти к этой фазе войны, нужно сейчас и немедленно остановить врага.

Ленинград нашел в себе величие духа. Ленинград сурово, организованно и твердо принял на себя чудовищный удар фашистских танковых и пехотных корпусов. Ленинградцы, красноармейцы, балтийские моряки отбросили их и жестко приостановили наступление.

На днях один из моих друзей прислал открытку из Ленинграда: «...настроение у нас бодрое, работаем. На кафедре у меня сквозняки, дырки в стенах. Лекции читаю. Оперирую. Вечером прихожу к сыну, приношу котлеты, кусок хлеба, вареной картошки, мы сидим в темноте в Военно-медицинской академии и смотрим в окно на черную Неву, на силуэты домов, на зарево по горизонту. Верим в скорую победу...»

Одесса остановила наступление вчетверо превосходящей по численности вражеской армии. Защитники Одессы оттянули большие силы врага, уложили на подступах к городу многие тысячи фашистских молодчиков.

Ленинград с честью выполняет свой долг перед Родиной — на подступах к нему враг захлебнулся в крови. Жребий славы и величия духа выпал теперь на Москву.

Много у нас в запасе сил и таланта, и земли, и нетронутых богатств. Не во всю силу понимали размер грозной опасности, надвигающейся на нас. Казалось, так и положено, чтобы русское солнце ясно светило над русской землей...

Черная тень легла на нашу землю. Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все-все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?

Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!

На днях я был на одном из авиационных заводов, где делают штурмовики, которых фашисты называют «черная

смерть». Они были сконструированы незадолго до войны. Их конструкция и вооружение улучшаются в процессе производства. Потери наших металлургических заводов не замедляют выпуска «черной смерти», он увеличивается с каждым днем: нехватка каких-либо материалов немедленно заменяется иными, местными материалами. Здесь, на заводе, неустанное творчество: инженеры, начальники цехов, мастера, рабочие изобретают, приспособливают, выдумывают... И тут же за воротами, на аэродроме, новые и новые грозные птицы, созданные творчеством русского народа, поднимаются в воздух и с тугим звуком натянутой струны улетают на запад — в бой...

На всех наших заводах идет та же напряженная творческая, изобретательская работа. Место уходящих на фронт занимают женщины и молодежь. Перебоев нет, темпы растут. Те, от кого зависит выполнение и перевыполнение ежедневного плана, или же те, кто на ходу перестраивают производство, работают по трое, по четверо суток, не выходя из цехов. У них потемневшие от усталости лица, усталые глаза ясны и спокойны. Они знают, что еще много-много дней не будет сна и отдыха, они понимают, что в этой войне русский гений схватился за жизнь и смерть с гигантской фашистской машиной войны и русский гений одержит победу.

Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя. Зубами перегрызть хрящ вражеского горла — только так! Ни шагу назад! Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить гитлеровские полчища!

Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали,
И умереть мы обещали
И клятву верности сдержали...

Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся — в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны.

Бессмертная слава погибших за Родину. Бессмертную славу завоюют себе живущие.

18 октября 1941 года

БОЕВАЯ ОРДЕНОНОСНАЯ

1

С глубоким и радостным волнением узнали все фронтовики, все советские патриоты о переименовании ряда дивизий в гвардейские дивизии. В боях за Родину, в боях против полчищ немецких захватчиков выросла и растет славная советская гвардия, нанося жестокие удары немцам и обращая их в бегство, наводя на них ужас.

В числе других переименована в 8-ю гвардейскую дивизию 316-я стрелковая дивизия, которой командует генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. Указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия награждена орденом Красного Знамени за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество.

Яркие страницы в героическую историю Красной Армии, в бессмертную эпопею защиты Родины вписали гвардейцы 8-й дивизии.

Вторая декада октября. Немецко-фашистские орды рвутся вперед. У врага — явное численное превосходство, особенно в танках. Участок дивизии исключительно важен. Здесь — одна из магистралей, автострада. Здесь железная дорога, узел больших.

Немцы все это учитывали. На это направление они бросили три пехотные дивизии, одну мотодивизию и одну танковую дивизию, много авиации.

Основные силы немецкой группировки действовали против 316-й стрелковой дивизии. Ее боевой участок оказался во много раз больше уставных норм и не был подготовлен к обороне. Работы по оборонительным сооружениям здесь были лишь намечены.

— Мы пришли и сели на колышки! — с усмешкой вспоминает Иван Васильевич Панфилов. — Разметка сделана, а копать еще не начинали!

Командование дивизии отчетливо представляло себе сложность обстановки.

Генерал-майор Панфилов — старый солдат, с 1915 года

В. Ставский погиб на фронте под Невелем в ноябре 1943 г.

он на войне, был унтер-офицером и фельдфебелем царской армии, дрался с немцами на Юго-Западном фронте. В гражданскую войну — Панфилов служил в дивизии Чапаева — командовал вначале взводом, потом батальоном. Два ордена Красного Знамени горят у него на груди. В ВКП(б) вступил в 1920 году на фронте. Сейчас ему уже 48 лет. В коротко стриженных волосах его — широкое серебро седины. Но карие глаза удивительно молоды и свежи. Панфилов подтянут, подвижен. На смуглом, чуть скуластом лице — выражение уверенности, силы, а в часто возникающей усмешке, усмешке бывалого, выдавшего всякие виды солдата, светится и природный глубокий ум, и проницательность, и неистребимо веселое лукавство.

Генерал-майор принял решение: вести активную оборону, закрыть фланги, на решающих направлениях создать сильные противотанковые узлы с глубиной. И — что он считал особенно важным — создать и держать в руке сильный резерв, заградительный отряд, с тем чтобы в любой миг бросить его на опасный участок.

В борьбе против атакующих немецких танков блестяще действовали три противотанковых полка, приданных дивизии, и поддерживающий пушечный полк.

Генерал-майор Панфилов, не выпуская из рук управления, смело подчинял на время стрелковые части и подразделения артиллерийским командирам, и в данной конкретной обстановке это было единственно правильным решением.

Также правильно и своевременно закрыл он свои фланги. А когда немцы угрозой нависли на левом фланге, он быстро и плотно закрылся резервом, заградотрядом. И тотчас же создал снова хотя и меньший, но стойкий резерв, оторвав буквально по роте всюду, где только была возможность. И когда танки врага просочились в обход к командному пункту дивизии, они напоролись на организованный отпор, ничего сделать не смóгли и отошли, оставив горящими несколько машин.

Пристального внимания заслуживают противотанковые узлы обороны дивизии, расположенные на решающем направлении, их значительная глубина. Это построение дало возможность наносить немцам тяжелые удары и огромные потери. Несмотря на все их численное и техническое превосходство, немцы были задержаны на несколько дней, которые нужны были командованию армии для соответствующих мероприятий.

8-я гвардейская дивизия молодая. Личный состав — в подавляющем большинстве — воюет впервые. Поэтому командование дивизии — и генерал-майор Панфилов, и комиссар дивизии старший батальонный комиссар Сергей Алексеевич Егоров — особое внимание обратило на изучение всего личного состава, на его подготовку. Во фронтовых условиях во всех частях и подразделениях была организована глубокая планомерная учеба.

«Воюя, учись воевать!» — эту заповедь крепко усвоили и осуществили на деле в дивизии. В частности, на фронте были проведены все учебные стрельбы.

Вместе с боевой подготовкой велась и ведется огромная политико-воспитательная работа. Командир и комиссар дивизии повседневно и неразрывно связаны со всей жизнью своих бойцов, командиров и политработников.

И в результате дивизия — все ее части, все подразделения стали на огневые рубежи крепким коллективом, сплоченным стальной волей к победе, беззаветной преданностью Родине. И они доказали это на деле.

Рота старшего лейтенанта Маслова первой столкнулась с противником. Боевое охранение отбросило разведку немцев.

Тогда противник подтянул двадцать танков и больше роты пехоты. Охранение с боями отошло в ротный узел обороны. На другой день немцы повели наступление, собрав в кулак до ста танков, подбросив на 80 грузовиках пехоту.

Старший лейтенант Маслов умело организовал оборону, замечательно использовал взвод станковых пулеметов, две пушки и два противотанковых орудия, которыми командовал младший лейтенант Иванов.

В этот день танки атаковали наш батальон прямо в лоб. Артиллеристы расстреливали их прямой наводкой. Несколько танков загорелось.

Группа стальных чудовищ зашла слева, прорвалась к окопам, под гусеницами стали гибнуть отважные бойцы, забрасывающие танки ручными гранатами и зажигательными бутылками. Но и танки останавливались, пылая.

Семнадцать танков было уничтожено в один этот день. Остальные в беспорядке отошли, бежали с поля боя. Но на другой день немцы снова пошли в атаку.

Рота Маслова была окружена. Глубоко и тщательно

зарывшись в землю, герои отбивали все попытки врага. Они отбивались три дня. Боеприпасы и продовольствие вышли. Осталось только по пять патронов и всего четыре гранаты. Эти гранаты Маслов сберег, чтобы оставшиеся в живых могли взорвать себя, если не удастся прорваться из вражеского кольца.

На пятый день Маслов с группой красноармейцев пробился с оружием в руках к своим.

Героически дрались и другие подразделения, как в эти дни, так и позднее.

Немцы бросили на позиции 8-й роты сорок танков, охватили фланги. Слева прямо в окопы ворвались танки.

Красноармеец Левкобылов, казах из Алма-Аты, колхозник, коммунист, ротный агитатор и редактор «Боевого листка», выскочил из окопа. Смуглое лицо его, прекрасные черные глаза пламенели.

— За Родину!

Пробежав с десяток шагов, он метнул гранату и сбил башенку немецкого легкого танка. Люк башни открылся. Левкобылов подбежал к танку вплотную и вторую гранату метнул прямо в люк.

Раздался взрыв. Левкобылов схватил зажигательную бутылку. В этот момент его прошла очередь из немецкого автомата. Левкобылов поднял руку с бутылкой. Гусеница вражеского танка своим последним судорожным движением раздавила героя.

Всюду пылали вражеские танки, расстрелянные нашими артиллеристами, зажженные бутылками, брошенными твердыми руками бойцов.

Но танков было еще много. Они осаждали и лезли на позиции, на окопы, обходили их.

Начальник штаба полка капитан Манаенков был на наблюдательном пункте батальона старшего лейтенанта Райкина. Отсюда они управляли боем, и тут они подверглись нападению слева — трех танков, справа — немецких броневиков.

Старший лейтенант Райкин был ранен автоматчиком в руку и в правый бок.

Капитан Манаенков бросил две гранаты. Без промаха. Сзади по капитану грохнули очереди автоматчиков. Подскочив, Манаенков расстрелял группу немецких автоматчиков из своего пистолета-пулемета и забежал в сарай. Вражеский танк, подойдя вплотную, бил из пушки. Сарай загорелся.

Стреляя из автомата, капитан Манаенков выбежал из сарая и упал, пронзенный многими десятками пуль.

На правом фланге батальона занимал огневые позиции взвод станковых пулеметов. Командир взвода, грузин, лейтенант Какулия выбрал эти позиции, чтобы отсюда вести фланговый огонь по пехоте противника, которая шла вслед за танками. Какулия безмолвно пропустил танки. Потом расстрелял и уничтожил немецких солдат.

Второй эшелон немецких танков обнаружил пулеметные точки Какулии. Немцы дали шквал огня из пушек и минометов.

Расчеты всех пулеметов Какулии были выбиты.

Какулия лег за пулемет и сам стал стрелять. Он стрелял до последнего патрона. Он погиб от взрыва немецкой мины. Его навеки застывшая рука сжимала ручку станкового пулемета.

Поле впереди окопов было усеяно немецкими трупами. Атака немцев провалилась.

3

Не пересказать всех подвигов бойцов, командиров и политработников 316-й стрелковой — ныне 8-й гвардейской дивизии.

Отбивая, изматывая, уничтожая живую силу противника, дивизия ведет бой второй месяц подряд.

В самые тяжелые для себя дни дивизия не давала немцам панцирным ордам продвинуться больше чем на километр — полтора. И это — ценой потоков немецкой крови, ценой многих десятков танков.

Немецкое командование давно уже заменило одну танковую дивизию, истрепанную на этих рубежах, другой, подтянуло из глубины ряд других дивизий. А славная дивизия Панфилова по-прежнему зорко и грозно обороняет дальние подступы к Москве. И в эти дни — вчера, позавчера, сегодня — гвардейцы изматывают и разят врага.

19 ноября 1941 года

У ГВАРДЕЙЦЕВ ДОВАТОРА

Нет, не легкая это задача — найти штаб генерал-майора Доватора. Водитель просто взмолился: пожалейте бедную «эмочку». Люди Доватора совершенно неуловимы. Можно представить себе затруднение немцев в те дни, когда гуляли казаки в их глубоком тылу, если здесь, по эту сторону фронта, мы потратили день на поиски штаба кавалеристов-гвардейцев. Наконец нам дали адрес, наиболее достоверный и точный:

— Ищите Доватора там, где по-настоящему жарко, где идет самая свирепая драка. Вот и все. Очень просто.

Положим, не так уж просто, потому что в последние дни жарко на всех фронтах под Москвой. Все же мы последовали разумному совету и действительно нашли гвардейцев на участке самого горячего боя. За лесом вставали дымные пожары, в воздухе было тесно от звуков артиллерийской пальбы, рева зениток, треска рвущихся бомб, скрежета танковых гусениц. Да, только здесь! Именно в такой обстановке, если позволено применить здесь это тихое, мирное слово, кавалеристы Доватора чувствуют себя как рыба в воде. Всегда появляются там, где никто их не ждал, а меньше всего — противник, и с марша бросаются в бой. Так было на днях, когда немцы прорвались у очень важного пункта и гвардейцы совершили 24-часовой марш на конях с фланга на фланг, через леса и затянутые тонким льдом реки, без привалов и отдыха, лишь бы поспеть туда, где опасно, где помощь нужна немедленно и запас времени для маневра исчисляется не в часах, а в минутах. Гвардейцы поспели, оседлали дорогу, приняли бой и задержали врага.

Они до сих пор вспоминают свой рейд по немецким тылам. Три тысячи всадников во главе с генерал-майором Доватором прорвались сквозь линию фронта и в течение многих дней наводили свои порядки за спиной у немецких генералов. Только в состоянии испуга можно было издать приказ, извещавший немецкие войска о том, что в их тыл прорвались не 100 тысяч казаков, как пронесся слух, а всего лишь 18 тысяч. На самом-то деле было три тысячи, — это и нравится гвардейцам больше всего.

Такая война пришлась гвардейцам по вкусу. Они дышали горячим воздухом настоящей опасности, они дрались во вражеском логове, вздымали на воздух склады с боеприпасами,

проскальзывали между заслонами и вдруг обрушивались на немцев в новом и самом неожиданном месте. Дважды разгоняли штаб 6-й германской армии. Топографический отдел этого штаба уничтожили начисто. В одной из засад взорвали 56 машин, начиная от легковых и кончая бензоцистернами. Это было сделано с лихостью чисто гвардейской, казачьей, доваторской.

Под самым носом у немцев, так сказать, на главной улице их далекого тыла, заминировали дорогу, пустили на воздух первую из машин, тем самым устроили грандиозную пробку и по неподвижной застрявшей колонне ударили из пулеметов. Неважный вид имела тогда главная улица немецкого тыла. А казаки ушли, перебрались с главной улицы в переулки, в глухие места, и были дни, когда на вражеской территории двигались они через села с песнями, в конном строю, поэскадронно и люди бежали из домов к ним навстречу, не веря глазам своим, как будто просыпаясь после страшного сна.

Германское командование вынуждено было создать специальный отряд по борьбе с группой Доватора. Назвали его карательным, чем привели конников в очень веселое расположение духа. Вскоре немецкий майор, возглавлявший отряд, был пойман казаками вместе со штабом. Майор бежал очень быстро, видимо, сказалась спортивная подготовка. За ним гнался 19-летний лейтенант Немков, кричал: «Хальт, хальт!» — и, наконец, устал. Ему надоело возиться с майором. Выстрелом из винтовки с колена он свалил резвого бегуна на землю, свалил навсегда. «Вот тебе и карательный отряд, — говорили казаки. — Нашли кого карать. Доваторцев! Вот чудак, честное слово, прямо умора!»

Закончив рейд, группа генерал-майора Доватора с боем перешла через линию фронта и соединилась с нашими частями. Этот рейд памятен многим, но больше всего — врагу.

Теперь гвардейцы Доватора сражаются за Москву. Вчера мы встретились с ними на одном из самых сложных участков фронта. День был на исходе, когда генерал-майор вернулся с переднего края в свой штаб. Не раздеваясь, он прошел к столу, развернул карту и, оживленно обводя взглядом своих командиров, стал объяснять обстановку и план следующей операции. Он говорил быстро и коротко, не задерживаясь на мелочах, стараясь, чтобы все поняли его главную мысль. Энергия его заразительна. Все повеселели, когда он появился в избе, — теперь будет дело для каждого, гвардейцы готовятся к новому бою. Тут же генерал-майор отменил решение о переводе штаба из села, только что подвергавшегося бомбежке.

— Отменить! — сказал Доватор так весело, что все вокруг него засмеялись. — Да ведь сейчас война для их летчиков окончена. Три часа — немцы сейчас будут обедать. Не любят они темноты. Темнота — наше время. Командный пункт остается здесь. Все!

И все поняли, что конечно же лучшее место для штаба именно здесь, поближе к войскам. Такой Доватор всегда. Речь его картинна и выразительна. О своих гвардейцах он говорит:

— Наше оружие? Винтовка! Клинок! Граната! Бутылка с горючей смесью. И наше лихое казачье «ура!». В том рейде это заменяло артиллерию, танки и авиацию. Есть у меня один командир. Пошел в атаку на танк. В конном строю! Вот чудак. Но что ж с ним поделывать, если танк он все-таки уничтожил. Я его спрашиваю: «Как же так, на танк идешь в конном строю?» А он мне: «Да черт его знает, вижу, прет на нас. Я крикнул «ура!» и «айда!» А ведь сам — старик, ветеран. Я его поругал, а сам думаю: красавец старик, настоящий гвардеец!

Дверь распахнулась. В избу вошел командир гвардейской дивизии Исса Александрович Плиев. Доватор просиял:

— Прямо из боя? Ну не убили там тебя немцы?

Гость помотал головой.

— Пятый месяц убивают, да все не убьют, понимаешь.

Они говорили как люди большой, прочной дружбы, два гвардии генерала, два командира, воспитавшие своим примером тысячи храбрецов. Доватор рассказывал:

— Характерный бой был здесь у Плиева. Удары по флангам — наше любимое дело. В сложной обстановке решаем перерезать коммуникации немцев. Плиев держит двухдневный бой, имея малые силы, держит успешно, и сам идет в атаку впереди своих конников. И выполняет задачу. А народ-то какой у него! Истребители в одном только деле десять танков подбили. До чего дошли — палкой стучат по танку, кричат: «Выходи, окаянный!» Честное слово, палкой по танку. Чтoб гранату не тратить. И выкурили! Спросите меня, пришлось ли когда-нибудь мне ездить восстанавливать положение в дивизии Плиева или в дивизии Мельника, комбрига. Не приходилось. Стойко дерутся гвардейцы, силой не вырвешь из боя. На днях разыграли бой, как на маневрах. Немцы два раза ходили в атаку, и все впустую. Тогда напились пьяными, все до единого, и в третью атаку. На горсточку казаков. А те дождались пьяной атаки, подпустили к себе, огнем 'обожгли, и сами в атаку. Так рота немецкая и осталась лежать, всю перебили. Это у Мельника в дивизии. А положение было трудное. Да и сейчас вот...

Генерал-майор снова склонился над картой. Она была перед ним как живая, с настоящими реками под коркой первого льда, с поросшими лесом высотами, с землей, которую нужно взять от врага. Доватор отдал последнее распоряжение командиру полка. Тот сказал коротко: «Будет сделано, как вы желаете». И, щелкнув шпорами, вышел.

Генерал-майор Доватор посмотрел ему вслед, улыбнулся, как улыбаются другу, и сказал:

— Знаете, что значат эти слова? Только одно — немцев оттуда он выбьет.

28 ноября 1941 года

Евгений ВОРОБЬЕВ

ПОЛОВОДЬЕ В ДЕКАБРЕ

1

После кратковременного и непрочного потепления набрал силу лютый мороз.

Длинной цепочкой, тающей в тумане, шли бойцы батальона, которым командовал лейтенант Юсупов. Шагали след в след по узкой тропке, проложенной через минное поле. По обеим сторонам лежал задымленный снег, пропахший минным порохом и гарью. Снег в рябых отметинах, проплешины чернеют там, где поземка еще не успела замести воронки. Саперы установили здесь ночью вежи — торчали воткнутые дулами в снег трофейные карабины, длинные деревянные рукоятки от немецких гранат, мины, уже обезвреженные и безопасные, и все это вперемежку с хвойными ветками.

Не забыть Истры в утро ее освобождения, 11 декабря. Неужели этот вот городок называли живописным и он привлекал московских дачников сочным зеленым нарядом, пестрыми дачами? Все взорвано, сожжено педантичными минерами и факельщиками. Уцелели лишь два кирпичных здания справа от дороги, а в центре городка остался в живых дом с разбитой крышей и зеленый дощатый киоск. Сплошное пожарище и каменоломня, все превращено в прах, обломки, головешки, пепел.

Молоденький сапер с миноискателем подошел к черному квадрату и тихо сказал:

— Кажется, здесь стоял домик Чехова. Мы приезжали сюда в мае. Экскурсия...

Больше он ничего не сказал и стал прислушиваться к миноискателю. Взрыв следовал за взрывом: наши саперы продолжали свое опасное дело.

Пора бы уже показаться на горизонте золоченым куполам Воскресенского монастыря. Не такой плотный туман, и дым на горизонте опал. Вот видны стены монастыря. Но где же знакомые купола? Куда они исчезли?

Стало очевидно, что храм Новый Иерусалим обезглавлен, разрушен.

Наше командование, и в частности комдив-девять Белобородов, знало, что интенданты эсэсовской дивизии «Рейх» устроили в храме склад боеприпасов. Наши летчики получили строжайший приказ — Новый Иерусалим не бомбить, чтобы не повредить этот памятник архитектуры. Гитлеровцы же, отступая, взорвали драгоценное сооружение, отмеченное гением безвестных крепостных зодчих, а позже — Казакова и Растрелли.

Лейтенант Юсупов встретил в городке комдива Белобородова, комиссара дивизии Бронникова и группу штабных командиров. Комдив перед утром оставил командный пункт в доме лесника, на кромке леса, подступающего с востока к городу. Комдив вошел в Истру с одной из головных рот, по тропке, которую проделали саперы из батальона Романова, соседа Юсупова...

2

Полмесяца назад наблюдательный пункт Белобородова находился еще далеко от Истры, на западной окраине Дедовска, в помещении сельского магазина. По соседству высилась давно остывшая труба текстильной фабрики. На каждый разрыв снаряда дом отзывался дребезжанием уцелевших стекол.

Рано утром 27 ноября мне посчастливилось привезти в 78-ю стрелковую дивизию радостную новость: дивизия стала девятой гвардейской, а полковнику Белобородову присвоено звание генерал-майора. «Красноармейская правда» еще печаталась, когда я ночью захватил с собой влажный оттиск первой полосы газеты.

Афанасий Павлантьевич Белобородов, черноволосый, широкоскулый, плечистый, взял в руки оттиск, остро пахнувший типографской краской, и медленно перечитывал приказ № 342 Народного Комиссара Оборона. Бронников читал через плечо комдива.

— Гвардейцы! И Ленин на знамени... Такая честь, — на лице комдива смешались счастливое волнение и озабоченность. — А мы ночью снова отошли на новый рубеж...

Прежде всего Белобородов поздравил с гвардейским званием Николая Гавриловича Докучаева. Ну как же! Командир полка Докучаев стал гвардейцем второй раз в жизни; он, рядовой Преображенского гвардейского полка, воевал еще в первую мировую войну.

В то утро командир новорожденной гвардейской дивизии как бы обрел новый запас сил, новую решимость, почувствовал новую ответственность. Заряд его энергии передавался всем, кто находился рядом...

В помещении вошел лейтенант в закопченном полушубке. Он стал в дальнем углу и безмолвно, выжидающе смотрел оттуда на комдива. Наконец тот сказал сердито:

— Не разрешаю! Можете идти. Занялись бы лучше более полезным делом!

Лейтенант в полушубке выслушал выговор, повеселел и вышел, не желая скрывать, что обрадован строгим запретом.

Бронников объяснил мне, что решается судьба Дедовской прядельно-ткацкой фабрики. Есть строгий приказ сверху. Все подготовлено к взрыву, фугасы заложены под стены и трубы. Но комдив задержал исполнение приказа, упрямо не позволяет саперам взорвать фабрику и клянется, что не ступит назад ни шагу...

Новое донесение с передовой сильно встревожило комдива. Он наскоро собрался, кивком позвал адъютанта и уехал на передовую. Бронников вздохнул: комдив не спал уже три ночи.

Фашисты наращивали силу своих ударов, и бои достигли крайнего напряжения. В Нефедьеве шел бой за каждую избу. Командир полка Суханов сидел, отрезанный от своих, на колокольне церкви в деревне Козино и корректировал огонь, вызванный им на себя.

— Понимаете, браточки? — устало, но твердо сказал комдив, стоя в окопе на околице деревни Нефедьево, наполовину захваченной противником. — Ну некуда нам отступать.

Нет такой земли, куда мы можем отойти, чтобы нам не стыдно было смотреть в глаза русским людям...

Дивизия еще ни разу не отступила без приказа, а отступая, не потеряла ни одного орудия.

В минуты, когда силы людей бывали напряжены до предела и положение становилось критическим, Белобородов не уходил с передовой. Он умеет подбодрить бойцов сердечным словом. Он может отдать боевой приказ тоном отеческого совета, не по-уставному назвать Иваном Никаноровичем капитана Романова, и от этого приказ ничуть не теряет в своей категоричности и суровости. Он может сперва расцеловать геройского разведчика Нипоридзе, а затем чинно объявить ему благодарность и сообщить, что тот представлен к награде.

Вот и под Нефедьевом присутствие комдива вселило в бойцов уверенность, влило новые силы, воодушевило. Наступила минута, когда батальон Романова с кличем «Вперед, гвардейцы!» рванулся в атаку. От избы к избе покатился вал рукопашной схватки.

Утром 3 декабря Нефедьево снова полностью перешло в наши руки, были вызволены с колокольни командир полка Суханов, его адъютант и радист...

3

И вот фронтовая дорога вновь привела меня в дивизию в дни наступления.

Генерал Белобородов был по-прежнему в форме полковника — четыре шпалы в петлицах. Он так и не нашел времени, чтобы съездить куда-то в армейский тыл на примерку, облачиться в генеральскую форму.

Девятая гвардейская дивизия перешла в наступление в ночь на 8 декабря. Мороз достигал 26—28 градусов, накануне прошли обильные снегопады, метели. Все это было весьма кстати, потому что фашистские танки и цуг-машины уже не могли двигаться напрямик по полям, как в середине ноября, когда снег в округе покрывал промерзшую землю таким тонким слоем, что темнели оголенные холмы и взгорки. Сугробы и крепкие морозы дальневосточникам на руку. Но в то же время снегопады и морозы несли с собой и для наших бойцов лишения и тяготы. Это могли бы подтвердить все те, кто под огнем, проваливаясь по пояс в снег, отбивал деревню Рождествено.

С начала наступления Белобородов и все командиры, в том числе командир полка Докучаев, богатырского роста, самый пожилой в дивизии, выглядели помолодевшими; все заново учились улыбаться, шутить.

Белобородов кричал в трубку телефона, прижимая ладонь к уху, чтобы не заглушала канонада, и поднимая при этом правую руку так, словно требовал, чтобы воюющие прекратили шум и грохот, — что за безобразие, в самом деле, не дают поговорить человеку!

— Что? Не слышишь? — комдив раскатисто засмеялся и подмигнул Бронникову, стоявшему рядом. — Когда тебя хвалю, всегда слышишь отлично. А когда ругаю, сразу глохнешь. Город пора брать, говорю. Что же тут непонятного? Не теряя времени, возьми город. Теперь понятно?..

На проводе был командир 258-го полка Суханов, а речь шла о наступлении на Истру.

После того как фашистов выбили из городка, они пытались остановить наступательный порыв наших бойцов и закрепились за рекой. Западный берег господствовал над местностью. Там, на холмах, поросших густым ельником, прятались вражеские наблюдатели, там скрывались их минометы, пушки, пулеметы. А перед лесистыми холмами простиралось открытое снежное поле.

Русло реки было сковано льдом. Вчерашние воронки уже затянуло тонким молодым ледком, а от сегодняшних шел пар.

Донесся зловещий гул, и поверх льда пошла вода. Она затопила воронки, свежие и старые. Бурное декабрьское половодье леденило все — и кровь в жилах тоже. Это выше по течению противник взорвал плотину Истринского водохранилища.

В те минуты кто-то помянул недобрым словом минеров, которые не успели взорвать плотину полмесяца назад, когда фашисты теснили дивизию на восток. Вражеские танки прошли тогда по целехонькой дамбе и устремились вдоль восточного берега реки к югу, к городу Истре, подавляя очаги сопротивления укрепленного района, угрожая дивизии окружением. Батальон из полка Коновалова еще бился на западном берегу. Командарм отдал Белобородову приказ отойти, но связной с этим приказом был убит. Дивизия в полуокружении, с оголенными флангами, удерживала Истру, пока батальон не отошел через реку.

Но тогда был ледостав, а сейчас при двадцатипятиградусном морозе белели гребешки волн — то ли пена это, то ли пороша, подмытая и унесенная водой.

Вода быстро прибывала, а шла зимняя река с таким напором, словно течение накапливало силу все долгие годы своего заточения за плотиной. Облако пара, послушное всем поворотам реки, ее излучинам, подымалось над течением, пар смешивался с дымом. Каждый разрыв мины, снаряда рождал свою маленькую снежную метель. Не успеет снег опасть, и вот уже новый разрыв взмывает черный снег, пропахший порохом и горелой землей.

Ни одной, даже утлой лодки, ни одного понтона не подтащили к заснеженному берегу вечером, ночью и на следующее утро. Можно ли поставить это в вину саперам дивизии? Кто мог вообразить, что в берегах, окованных льдом, неожиданно возникнет водная преграда?

Вода стала затапливать подходившие к реке овражки, лоштинки, а эти низинные места, хотя и намело туда много снега, были самыми удобными, скрытыми подходами к реке. Бойцы, спасаясь от зловредного, опасного наводнения, поневоле подымались на высоты, карабкались на оледеневшие взгорки и бугры (по дальневосточной привычке называли их сопками), им вода не угрожала. Но сухие сопки, увы, просматривались и простреливались противником. Лишь за монастырской стеной, высотой в четыре сажени, было безопасно. Но ведь не отсиживаться нужно было, а наступать!

Бойцы из роты Кочергина пытались перейти вброд — куда там! Дно реки превратилось в ледяной каток, и каждая свежая воронка, выдолбленная снарядом во льду и залитая теперь водой, стала невидимой и смертельной западней.

А немногие бойцы, которые форсировали Истру, не смогли удержаться на том берегу, их отбросили назад.

Тогда комдив поставил эту боевую задачу перед «романовцами», так в дивизии называли бойцов первого батальона 258-го стрелкового полка, батальоном командовал Иван Никанорович Романов.

Ночь напролет комдив просидел над картой, у полевого телефона. Он координировал действия артиллеристов, саперов и всех, кто обеспечивал операцию. В этой операции была та обдуманная дерзость, тот расчетливый азарт, какие в высшей степени свойственны старому комдиву и молодому генералу Белобородову.

Он ждал и никак не мог дожждаться условной ракеты с того берега. Не было еще в его фронтовой жизни сигнала, которого он ждал бы с такой тревогой и с таким скрытым возбуждением. Тревога всегда больше, когда комдив сам не испытывает тех

опасностей и невзгод, каким подвержены его бойцы и командиры.

Переправлялись кто как приспособился, на подручных средствах. Связисты догадались притащить половинки ворот и связать их проводом. Пулеметный расчет со своим «максимом» забрался на плотик из трех телеграфных столбов, скрепленных обмотками, обрывками проволоки. А самые отчаянные переправлялись вброд-вплавь, держась за плащ-палатки, туго набитые сухим сеном, за пустые бочки, за доски, за колеса, за снарядные ящики.

Нелегко дались дальневосточникам эти двести пятьдесят метров пути через оледеневшее русло реки и оледеневший берег. Тем больше обрадовали ракеты — белая и красная — с того берега, тем больше обрадовало первое благоприятное донесение, полученное от Романова!

— Держитесь, браточки, держитесь, земляки! Ай да Иван Никанорович, геройская твоя душа!.. — сказал Белобородов так, словно Романов мог услышать его с того берега.

Все раннее утро 12 декабря комдив и комиссар не уходили с берега. Белобородов вникал во все мелочи, связанные с организацией переправы. Под его присмотром саперы сколачивали первый плот из спиленных телеграфных столбов. Бревенчатый настил залили водой, лед накрепко схватил связанные бревна — на скользкий настил легче вкатить пушку. А как нужны были на том берегу пушки для стрельбы прямой наводкой!

Боец с забинтованной головой, подталкиваемый более робкими товарищами, подошел к комдиву:

— Разрешите, товарищ генерал, обратиться по причине сильного обстрела. Дальневосточники за вас беспокоятся. Чересчур опасно. Приглашаем к нам в землянку...

По-видимому, землянка эта, вырытая в крутости прибрежного холма, уцелела с осени, ее отрыли и оборудовали пулеметчики укрепленного района, которые так неудачно оборонялись здесь.

Первую полковую пушку уже удалось переправить на тот берег, дела шли на поправку, и настроение у комдива соответственно поднялось. Боец, сидевший на корточках при входе в землянку, перечитывал письмо. Выяснилось, что письмо от невесты; комдив подшучивал, неназойливо расспрашивал бойца о его мирном житье-бытье.

Бронников давно служит, дружит с Белобородовым и не помнит случая, чтобы комдив потерял самообладание даже в

самые критические минуты. Но когда комдив узнал о нерасторопности (трусости?) кого-то, кто оставил бойцов без хлеба, он был вне себя.

Был, правда, случай в 258-м полку, когда бойцы две суток не получали горячей пищи. Но тогда снарядом разбило походную кухню, тогда бойцы дрались в полуокружении, а сейчас...

— Ненавижу... — Белобородов даже побледнел от негодования. — Натощак воюют герои. А кто-то дрыхнет или прячется. Смотреть ни на кого не хочу и слушать ничего не буду!

Комдив вышел из землянки, не дослушав объяснений прибежавшего туда батальонного штабиста. Кто-то оказался недостойным звания гвардейца, а Белобородов — слишком горячий патриот своей дивизии, чтобы с этим примириться.

Позже комдив вновь стоял на берегу Истры, к нему подошел начальник штаба полка и доложил, что хлеб в батальон доставлен. А кроме того, прибыли старшины, повара и притащили термосы и бидоны. В термосах щи с мясом, в одном бидоне сладкий чай, а в другом — продукт номер шестьдесят один; в переводе с интендантского языка на русский этот продукт именуется водкой.

Комдив наблюдал за переправой, стоя у подножия заснеженного кургана, близ монастыря. Когда-то здесь произошло сражение войск молодого Петра с взбунтовавшимися стрельцами. Мы помним об этой кровавой странице русской истории прежде всего благодаря картине Сурикова «Утро стрелецкой казни». Но в то декабрьское утро никому в голову не приходило, что дивизия форсирует Истру в столь историческом месте.

Начальник дивизионной разведки Тычинин вручил комдиву захваченный его разведчиками и уже переведенный приказ командира дивизии СС «Рейх» Биттриха от 2 декабря. Фашистский генерал исчислил в часах и минутах темп наступления на Москву. Но Белобородов вместе со своими дальневосточниками властно перечеркнул все это аккуратное расписание.

Пушки, переправленные на западный берег, помогли Романову закрепиться. Саперы старшего лейтенанта Трушникова воспользовались тем, что напор воды ослабел. Они пустили в дело сваи разрушенного моста, навели переправу, и теперь уже на подмогу батальону Романова торопились новые роты. По шатким мосткам прогромыхали оружейные передки, груженные снарядами, и санитарные повозки, которые тоже ехали не по-рожняком, а везли ящики с патронами. На радостях Белобородов называл сапера Трушникова не иначе как Толей.

Я воспользовался минутным затишьем и спросил у Михаила

Васильевича Бронникова о судьбе прядильно-ткацкой фабрики, которая давно была подготовлена к взрыву и начинена минами.

Оказывается, на днях на командный пункт к Белобородову пришли из Дедовска рабочие. Они поблагодарили комдива за спасение фабрики. Уже возобновили работу! Сотканы первые метры ткани, из нее шьют обмундирование для бойцов, телогрейки, стеганные брюки, а также вещевые мешки.

Спросил я и про марш «Девятая гвардейская». Бронников сказал, что музыку пишет композитор Дунаевский. А на западном берегу Истры в те минуты звучала совсем другая музыка. Бойцы не маршировали, а ползли там по-пластунски, перебегали от укрытия к укрытию под аккомпанемент боя.

Комдив подбадривал тех, кто принял ледяную ванну, и бойцы по его приказу переобувались, наматывали сухие портянки, сушили валенки, наскоро обсыхали у догорающих домов. Роль костра играл и немецкий танк в низинке, близ берега. В такой мороз надобно согреться также изнутри, и старшины по приказу комдива выдавали всем невольным купальщикам двойную порцию водки.

Кроме бойцов в обледеневшей одежде, которым комдив приказал греться-сушиться, все остальные торопились на запад, подгоняемые ветром наступления. И только мне предстоял путь назад, в штаб армии. Там помогли связаться по телефону с Москвой, и мне выпала печальная обязанность первому сообщить в «Комсомольскую правду» о судьбе Истры и Нового Иерусалима...

12 декабря 1941 года

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

МОСКВА ФРОНТОВАЯ

Любимая! Еще раз — с Новым годом!
Бывало, вопреки всем непогодам,
Едва взмахнешь ты рукавом —
И пляс пошел, и песням нет конца там...
Так было и в двадцатом, и в тридцатом,
И год назад, в сороковом.

Ты шла как буря сменой поколений,
Не зная лжи, отчаянья и лени,
В колокола времен звоня;
Сгорев дотла, опять слагала песни,
Не сгинула на баррикадах Пресни
И хорошела от огня.

И вот враги подкрались издалече,
Чтоб онемечить, насмерть искалечив,
Твое прекрасное лицо.
И тыкались их волчьи морды в пене,
И лязгали клыками в нетерпенье,
Сдвигаясь в тесное кольцо.

Ты снилась им, Красавица! Но стужа
Охватывала фланги их все туже
Во всю стоверстную длину.
И, выйдя в правый бой, ты разметала
Обломки вражьих тел, куски металла
В Волоколамске и в Клину.

Сверкала ночь в мохнатых крупных звездах.
Крепчал мороз. Яснел прозрачный воздух.
Заиндевели провода.
И, час победы к родине приблизив,
Подкову волчьих вражеских дивизий
Ты разогнула навсегда.

Такой тебя запомню навсегда я:
Прифронтовая, грозная, седая,
Завьюженная до бровей.
Идут колонны танков. Это значит,
Что новый год по-праздничному начат
В железной кузнице твоей.

31 декабря 1941 года

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

...СЕГОДНЯ, В 4 ЧАСА УТРА, БЕЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ КАКИХ-ЛИБО ПРЕТЕНЗИЙ К СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ, БЕЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ, ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА НАПАЛИ НА НАШУ СТРАНУ, АТАКОВАЛИ НАШИ ГРАНИЦЫ ВО МНОГИХ МЕСТАХ И ПОДВЕРГЛИ БОМБЕЖКЕ СО СВОИХ САМОЛЕТОВ НАШИ ГОРОДА — ЖИТОМИР, КИЕВ, СЕВАСТОПОЛЬ, КАУНАС И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ.

НЕ ПЕРВЫЙ РАЗ НАШЕМУ НАРОДУ ПРИХОДИТСЯ ИМЕТЬ ДЕЛО С НАПАДАЮЩИМ ЗАЗНАВШИМСЯ ВРАГОМ. В СВОЕ ВРЕМЯ НА ПОХОД НАПОЛЕОНА В РОССИЮ НАШ НАРОД ОТВЕТИЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ, И НАПОЛЕОН ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ, ПРИШЕЛ К СВОЕМУ КРАХУ. ТО ЖЕ БУДЕТ И С ЗАЗНАВШИМСЯ ГИТЛЕРОМ, ОБЪЯВИВШИМ НОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ НАШЕЙ СТРАНЫ. КРАСНАЯ АРМИЯ И ВЕСЬ НАШ НАРОД ВНОВЬ ПОВЕДУТ ПОБЕДОНОСНУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ ЗА РОДИНУ, ЗА ЧЕСТЬ, ЗА СВОБОДУ.

...НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ. ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ. ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ.

22 июня 1941 года

ПЕРВЫЙ ТАРАН

22 июня 1941 года в 4 часа 20 минут немецкие захватчики произвели свой первый бандитский налет на аэродром. В первом воздушном бою были сбиты вражеские самолеты: один — заместителем командира полка капитаном Кругловым и второй, МЕ-110, таранием командиром звена младшим лейтенантом Кокоревым. Это был первый таран в Великой Отечественной войне, произведенный летчиком 124-го полка младшим лейтенантом Кокоревым в пять часов утра 22. 6. 1941 г. в районе Замбров. Героический поступок Кокорева показал, что, несмотря на попытку германских воздушных пиратов сломить боевой дух советских соколов, бандиты, воспитанные Гитлером, жестоко просчитались. Когда у Кокорева отказали пулеметы, а враг пытался уйти, Кокорев горел одним желанием — не дать удрать врагу безнаказанно. На своем самолете он врезался в хвост МЕ-110 и вогнал его в землю.

*Запись в истории 124-го истребительного авиационного полка
22 июня 1941 года*

УМИРАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!

*Надписи защитников Брестской крепости на ее стенах
22 июня — 20 июля 1941 г.*

Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941—3.15 ч. Умрем, но не уйдем!

Умрем, но из крепости не уйдем.

Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20.VII.41 г.

МЫ ПОМНИМ ТОГО ТРУБАЧА...

...Фашисты, взбешенные неудачей захвата крепости с ходу, как они рассчитывали, непрерывно день и ночь бомбили крепость и обстреливали ее из тяжелых орудий. Они сбрасывали с самолетов бочки, начиненные жидкостью, которая от удара мгновенно воспламенялась. Люди горели, но продолжали сражаться. Горящими факелами выбегали они за крепостные стены, чтобы погибнуть в неравном бою во славу Родины.

Фашистское командование было поражено упорством защитников. Немцы прекратили методический обстрел крепости. Над крепостью из установленных немцами репродукторов неслись слова: «Мужественные защитники крепости, немецкое командование предлагает вам жизнь, сопротивление бесполезно, сдавайтесь в плен, вам будет хорошо».

Мы, оставшиеся в живых, собрались в казематах разрушенного здания 333-го стрелкового полка. Из многочисленного гарнизона нас оставалось около трехсот человек. Каждый понимал — помощи ждать неоткуда. Фронт ушел за много километров, кругом враги. Мы решили дать последний бой. Стали прощаться. Многие знали друг друга до армии, учились когда-то в одной школе.

И вдруг в этой тишине мне почудилось — откуда-то издали доносится: «Это есть наш последний...» Смотрю, и бойцы, мои товарищи, тоже прислушиваются.

И вот я ясно различаю звуки трубы. Они несутся откуда-то из центра крепости, из сплошных развалин. Мы прильнули к амбразурам. И что же мы увидели? В ритм марша от подножия арочных ворот вверх поднимается красное знамя. Вот оно уже над самой вершиной ворот. Гордо развевается над Брестской крепостью. А труба все поет. И при восходе солнца, затемненного дымом большого пожара, мне послышались слова: «И если гром великий грянет над сворой псов и палачей, для нас все так же солнце станет сиять огнем своих лучей».

Машинально я поднял мундштук к губам и начал вторить неизвестному трубачу. Мне стали подпевать. Крепость снова ожила, и казалось, уже не один музыкант, погребенный под развалинами, подает нам призыв к бою, а весь грохот войны превратился в сплошную патриотическую симфонию, призывающую каждого, у кого еще билось сердце, чувствовать ответственность за судьбу Родины на первом рубеже.

И в последний день обороны, когда фашисты передали нам по

радио последний ультиматум: «Если вы не сдадитесь в 17.00, мы вас смешаем с землей», — тихо-тихо, со словами «Это есть наш последний и решительный бой» мы пошли на прорыв. Нельзя было петь во весь голос, чтобы враги не обнаружили нас раньше времени.

Из трехсот удалось прорваться девятерым. Те, кто остался в живых, помнят о мертвых. Мы помним того трубача, который, умирая под развалинами крепости, поднимал на борьбу своих товарищей...

Петр Клыпа,
*музыкант оркестра 333-го стрелкового полка
Брестской крепости*

Из директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б)

ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ

...Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требует от вас:

...Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое передвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым, предоставление под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

...Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все

коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

...При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться...

Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

29 июня 1941 года

ИЗ ИНФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ИНСТРУКТОРСКОГО ОТДЕЛА МГК ВКП (б)

На всех предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях Москвы проходят собрания по вопросу организации дивизий народного ополчения.

Собрания проходят с огромным патриотическим подъемом. Рабочие, служащие, советская интеллигенция в своих высказываниях выражают любовь и преданность своей Родине и готовность с оружием в руках защищать ее от вторгшихся на нашу землю полчищ фашистов.

На трансформаторном заводе имени Куйбышева на собрании присутствовало более 1500 человек. Призыв секретаря парт-

организации Барановой об организации добровольческих рабочих дивизий был встречен бурными аплодисментами. На митинге высказалось 13 человек. В своих выступлениях товарищи высказывали уверенность в победе и призывали разгромить фашизм. Синицын, беспартийный, в своем выступлении заявил: «Меня воспитало пролетарское государство. Сейчас я добровольно вступаю в ряды рабочей дивизии и, не щадя своей жизни, буду биться за счастье всего трудящегося человечества». Тут же после собрания началась запись в ряды добровольцев дивизии. К 18 часам 1 июля записалось 320 человек.

На собрании Института мировой литературы имени Горького собрались члены Ученого совета, профессора и научные сотрудники. После сообщения секретаря парторганизации об организации дивизий народного ополчения выступило 9 человек.

Благой, беспартийный, профессор, доктор наук, выступая на собрании, заявил:

«Сегодня утром, идя к поезду с дачи, я взял в руки кусок земли, рассматривал его и всем своим существом ощутил, что эта родная земля никогда не станет достоянием врага. Я никогда не служил в армии, но в ответ на наглое нападение фашистских полчищ прошу записать меня добровольцем в ряды московского военного формирования».

С большим воодушевлением проходят собрания во всех других организациях Москвы. Активно идет запись в дивизии народного ополчения.

2 июля 1941 года

Рабочие, крестьяне, интеллигенты подают десятки тысяч заявлений с просьбой отправить в ряды действующей Красной Армии или зачислить в народное ополчение.

Из сообщения Совинформбюро
3 июля 1941 года

В окопах и землянках, часто перед самым боем, воины писали заявления о приеме в партию. К концу 1941 года в армии насчитывалось 1234 тысячи коммунистов — в два с лишним раза больше, чем до войны. Почти каждый второй коммунист с оружием в руках защищал социалистическое Отечество.

В связи с вероломным, разбойничьим нападением германских фашистов на нашу страну ЦК ВЛКСМ требует от всех комсомольских организаций удесятенной бдительности, сплоченности, дисциплины, организованности.

ЦК ВЛКСМ требует, чтобы каждый комсомолец на своем посту работал так, как достойно для советского патриота, помогал бы обеспечить нашу Красную Армию, Военно-Морской Флот всем необходимым для победы над врагом, до полного его уничтожения.

Из постановления ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций в связи с войной советского народа против гитлеровских захватчиков»

22 июня 1941 года

ПОДВИГ ПИОНЕРА НА ГРАНИЦЕ

...Находясь в окружении вместе с бойцами 1-й комендатуры в селе Пархач, в отражении немецких атак участвовали семьи пограничников. Особенно отличился 12-летний пионер Шура Голубев — сын лейтенанта Голубева. Он подносил патроны и гранаты. А когда в последней атаке погиб помощник начальника резервной заставы, Шура Голубев под сильным огнем противника снял с погибшего пограничника оружие и доставил его капитану Строкову. Строков, поцеловав отважного мальчика, оставил ему в награду револьвер. Вооружившись, Шура появлялся всюду, где немцам удавалось приблизиться ко двору комендатуры, метко их разил. За проявленный в боях героизм Шура был награжден орденом Красной Звезды...

Из отчета о деятельности 1-й комендатуры
91-го пограничного отряда

27 июня 1941 года

ПРОВАЛ НЕМЕЦКОГО ПЛАНА ОКРУЖЕНИЯ И ВЗЯТИЯ МОСКВЫ

Поражение немецких войск на подступах Москвы

С 16 ноября 1941 года германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотные и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

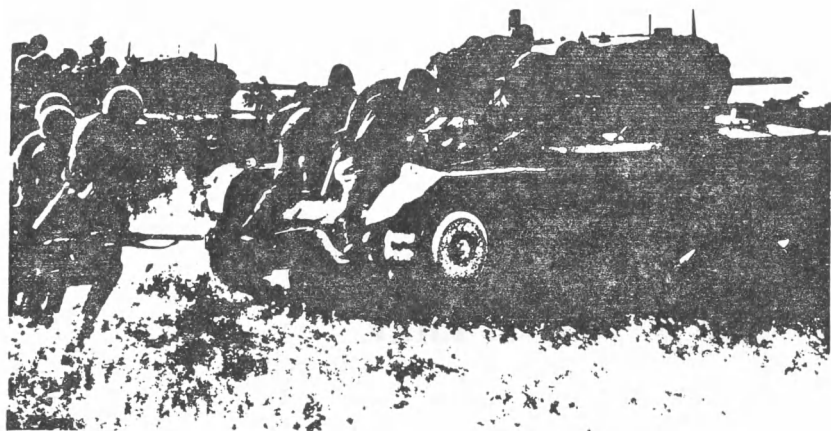
Противник имел целью путем охвата и одновременно глубокого обхода флангов фронта, выйти нам в тыл, окружить и занять Москву...

6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контр-наступление против его фланговых группировок. В результате нашего наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...

После перехода в наступление, с 6 по 10 декабря, частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов...

Совинформбюро
12 декабря 1941 года

1942

Петр ЛИДОВ

ТАНЯ

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Береи, немцы казнили восемнадцатилетнюю девушку-партизанку.

Еще не установлено, кто она и откуда родом. Незадолго до разыгравшейся в Петрищеве трагедии один из верейских партизан встретил эту девушку в лесу. Они вместе грелись в потаенной партизанской землянке. Девушка назвала себя Таней. Больше местные партизаны не встречали ее, но знали, что где-то здесь, неподалеку, заодно с ними действует отважная партизанка Таня.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Наступление немцев на нашу столицу, начавшееся 16 ноября, достигло к этому моменту своего предела. Неприятелю удалось на значительную глубину охватить Москву своими клещами, выйти на рубеж канала Москва — Волга, захватить Яхрому, обстрели-

Это первый очерк о Зое Космодемьянской. Петр Лидов писал его, не зная еще подлинного имени героини. Он погиб на боевом посту 22 июня 1944 года под Полтавой.

вать Серпухов, вплотную подойти к Кашире и Зарайску. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боев, а в Москве слышна была артиллерийская канонада.

Однако эти временные успехи дались врагу недешево. Войска генерала армии Г. К. Жукова оказывали ему сильнейшее сопротивление. Продвигаясь вперед, немцы несли громадные потери и к началу декабря были измотаны и обескровлены. Их ноябрьское наступление выдохлось, а Верховное Главнокомандование Красной Армии уже готовило врагу внезапный и сокрушительный удар.

Партизаны, действовавшие в захваченных оккупантами местностях, помогали Красной Армии изматывать врага. Они выкуривали немцев из теплых изб на мороз, нарушали связь, портили дороги, нападали на мелкие группы солдат и даже на фашистские штабы, вели разведку для советских воинских частей.

Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам. Вот тогда-то в Верейском районе и появилась Таня.

Небольшая, окруженная лесом деревня Петрищево была битком набита немецкими войсками. Здесь, пожирая сено, добытое трудами колхозников, стояла кавалерийская часть. В каждой избе было размещено по десять — двадцать солдат. Хозяева домов ютились на печке или по углам.

Немцы отобрали у колхозников все запасы продуктов. Особенно лют был состоявший при части переводчик. Он издевался над жителями больше других и бил подряд всех — и старого и малого.

Однажды ночью кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей.

На следующий вечер партизан снова пришел в деревню. Он пробрался к конюшне, в которой находилось свыше двухсот лошадей кавалерийской части. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к конюшне, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом пагнул, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизана ввели в дом, и тут разглядели, что это девушка,

совсем юная, высокая, смуглая, чернобровая, с живыми темными глазами и темными стриженными, зачесанными наверх волосами.

Солдаты в возбуждении забегали взад и вперед и, как передает хозяйка дома Мария Седова, все повторяли: «Фрау партизан, фрау партизан», — что значит по-русски — женщина-партизан. Девушку раздели и били кулаками, а минут через двадцать избитую, босую, в одной сорочке и трусиках повели через все селение в дом Ворониных, где помещался штаб.

Здесь уже знали о поимке партизанки. Более того, уже была предрешена ее судьба. Татьяну еще не привели, а переводчик уже торжествующе объявил Ворониным, что завтра утром партизанку публично повесят.

И вот ввели Таню. Ей указали на нары. Против нее на столе стояли телефоны, пишущая машинка, радиоприемник и были разложены штабные бумаги.

Стали сходиться офицеры. Хозяевам было велено уйти в кухню. Старуха замешкалась, и офицер прикрикнул: «Матка, фьюты!..» — и подтолкнул ее в спину. Был удален, между прочим, и переводчик. Старший из офицеров сам допрашивал Татьяну на русском языке.

Сидя на кухне, Воронины все же могли слышать, что происходит в комнате.

Офицер задавал вопросы, и Таня отвечала на них без запинки, громко и дерзко.

— Кто вы? — спросил офицер.

— Не скажу.

— Это вы подожгли вчера конюшню?

— Да, я.

— Ваша цель?

— Уничтожить вас.

Пауза.

— Когда вы перешли через линию фронта?

— В пятницу.

— Вы слишком быстро дошли.

— Что ж, зевать, что ли?

Татьяну спрашивали, кто послал ее и кто был с нею. Требовали, чтобы она выдала своих друзей. Через дверь доносились ответы: «Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет». Потом в воздухе засвистели ремни и слышно было, как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил из комнаты в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши. Даже нервы фашиста не выдержали...

Четверо мужчин, сняв пояса, избивали девушку. Хозяева насчитали двести ударов. Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «Нет», «Не скажу», — только голос ее звучал глуше, чем прежде.

Два часа продержали Татьяну в избе Ворониных. После допроса ее повели в дом Василия Александровича Кулика. Она шла под конвоем, по-прежнему раздетая, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в избу, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Она тяжело дышала, волосы ее были растрепаны и черные пряди слиплись на высоком, покрытом каплями пота лбу. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями хотели от нее добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи и подошел было к кадуске с водой, но часовой опередил его, схватил со стола лампу и, подойдя к Татьяне, поднес ей лампу ко рту. Он хотел этим сказать, что ее надо напоить керосином, а не водой.

Кулик стал просить за девушку. Часовой огрызнулся, но потом нехотя уступил. Она жадно выпила две большие кружки.

Вскоре солдаты, жившие в избе, окружили девушку и стали над ней издеваться. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пиллой.

Хозяева просили немцев не мучить девушку, пощадить хотя бы находившихся здесь же детей. Но это не помогло.

Лишь вдоволь натешившись, солдаты ушли спать. Тогда часовой, вскинув винтовку на изготовку, велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Так, босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти часов вечера до двух часов ночи и через каждый час выводил девушку на улицу на пятнадцать-двадцать минут. Никто в точности не знает, каким еще надругательствам и мучениям подвергалась Татьяна во время этих страшных ночных прогулок...

Наконец на пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила.

Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застав, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

— Позавчера — это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело...

В десять часов утра пришли офицеры. Старший из них снова спросил Татьяну:

— Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

— Сталин находится на своем посту, — ответила Татьяна.

Продолжения допроса хозяева дома не слышали — им велели выйти из комнаты и впустили их обратно, когда допрос был уже окончен.

Принесли Татьянины вещи: кофточку, брюки, чулки. Тут же был ее вещевой мешок, и в нем — сахар, спички и соль. Шапка, меховая куртка, пуховая вязаная фуфайка и валеные сапоги исчезли. Их успели поделить между собой унтер-офицеры, а валяжки достались повару с офицерской кухни...

Татьяна стала одеваться, хозяева помогли ей натянуть чулки на почерневшие ноги. На грудь девушки повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Зажигатель домов». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружили десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые из пришедших потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под петлей, спущенной с перекладки, были поставлены один на другой два ящика. Отважную девушку палачи приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака» — немцы любят фотографировать казни и порки. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанности палачей, знак обожждать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Что смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ...

Офицер снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул офицеру:

— Абер дох шнеллер!¹

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами!

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!

Палач уперся кованым башмаком в ящик. Ящик заскрипел по скользкому, утопанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену на фашистской дыбе, ни единым звуком не высказав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить. Память о ней да живет вечно!

¹ Скорее же!

Площадь быстро опустела. Люди торопились по домам, и в тот день никто не выходил уже на улицу без крайней надобности. А те, кому нужно было пройти мимо виселицы, низко опускали голову и убystряли шаг.

Целый месяц провисело тело Татьяны, раскачиваемое ветром и осыпаемое снегом. Когда через деревню проходили немецкие части, тупые фигуры окружали эшафот и долго развлекались возле него, тыкая в тело палками и раскатисто гогоча. Потом они шли дальше, и в нескольких километрах от Петрищева их ждало новое развлечение: здесь, у здания участковой больницы, висели трупы двух повешенных немцами мальчиков. Так шли они по русской земле, залитой кровью, утыканной виселицами и вопиющей о мщении.

...В ночь под Новой год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над телом Тани. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января переводчик распорядился спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Здесь, на отшибе, стояло здание начальной школы. Немцы разорили его, содрали полы и из половиц построили в избах нары, а партами топили печи. Между этим растерзанным домом и опушкой леса, среди редких кустов, была приготовлена могила. Тело Тани привезли сюда на дровнях, с обрывком веревки на шее, и положили на снег. Глаза ее были закрыты, и на мертвом смуглом лице выделялись черные дуги бровей, длинные шелковистые ресницы, сомкнутые губы да фиолетовый кровоподтек на высоком челе. Прекрасное русское лицо Тани сохранило целостность и свежесть линий. Печать глубокого покоя лежала на нем.

— Надо бы обернуть ее чем-нибудь, — сказал один из рывших могилу крестьян.

— Еще чего, — прогнусавил переводчик. — Почести ей отдавать вздумал?..

Юное тело зарыли без почестей под плакучей березой, и вьюга заваяла могильный холмик.

А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Нападение русских было внезапно, и немцы покидали Петрищево в спешке. Если прежде они любили твердить колхозникам: «Москау — капут!», то теперь они знаками показывали, что русские их бьют, а они, немцы, собираются в Берлин. Пока же они отходили в направлении на Дорохово.

Дойдя до соседней деревни Грибцово, немцы подожгли ее. Грибцово сгорело все целиком. Погорельцы потянулись в Петрищево искать приюта. И из других окрестных деревень, подожженных фашистами, тянулись сюда обездоленные семьи, волоча за собой на салазках закутанных плачущих детей и остатки домашнего скарба.

Лишь на другой день отступившие немцы спохватились, что Петрищево-то они и не подожгли. Из Грибцова был послан отряд в двадцать четыре человека. Этим людям приказали вернуться и сжечь Петрищево. С неохотой возвращались фрицы и думали: а что, как мы провозимся здесь, отстанем от своих да попадем в лапы к русским? И решили не возиться с поджогом, а рысцой пробежав по деревне, только переколотили палками все окна в домах и тут же скорее понеслись вдогонку за своей частью.

Хорошо, что трусливые фашисты не отважились выполнить приказание своего начальства. Хотя одна деревня в округе уцелела. И уцелели свидетели кошмарного преступления, содеянного гитлеровскими гнусами над славной партизанкой. Сохранились места, связанные с ее героическим подвигом, сохранилась и святая для русских людей могила, где покоится прах Татьяны.

Войска храброго генерала Леонида Говорова быстро прошли через Петрищево, преследуя отступающего врага на запад, к Можайску и дальше — к Гжатску и Вязьме. Но бойцы найдут еще время прийти и сюда, чтобы до земли поклониться праху Татьяны и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню, и учителям, воспитавшим ее, и товарищам, закалившим ее дух.

И скажет тогда любимый командир:

— Друг! Целясь в фашиста, вспомни Таню. Пусть пуля твоя полетит без промаха и отомстит за нее. Идя в атаку, вспомни Таню и не оглядывайся назад...

И бойцы поклонятся над могилой страшной клятвой. Они пойдут в бой, и с каждым из них пойдет в бой Таня.

Немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, а миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке...

27 января 1942 года

Зоя

Отрывок из поэмы

Стала ты под пытку Татьяной,
онемела, замерла без слез.

Босиком,

в одной рубашке рваной

Зою выгоняли на мороз.

И своей летающей походкой

шла она под окриком врага.

Тень ее, очерченная четко,

падала на лунные снега.

Это было все на самом деле,

и она была одна, без нас.

Где мы были?

В комнате сидели?

Как могли дышать мы в этот час?

На одной земле,

под тем же светом,

по другую сторону черты?

Что-то есть чудовищное в этом.

— Зоя, это ты или не ты?

Снегом запорошенные прядки

коротко остриженных волос,

— Это я,

не бойтесь,

все в порядке.

Я молчала.

Кончился допрос.

Только б не упасть, ценой любовью...—

Окрик:

— Рус! —

и ты идешь назад.

И опять глумится над тобою

гитлеровской армии солдат.

Русский воин,

юноша, одетый

в справедливую шинель бойца,

ты обязан помнить все приметы

этого звериного лица.

Ты его преследовать обязан,
как бы он ни отступал назад,
чтоб твоей рукою был наказан
гитлеровской армии солдат,
чтобы он припомнил, умирая,
на снегу кровавый Зоин след.

Но постой, постой, ведь я не знаю
всех его отличий и примет.
Малого, большого ль был он роста?
Черномазый,

рыжий ли?

Бог весть!

Я не знаю.

Как же быть?

А просто.

Бей любого!

Это он и есть.

Встань над ним карающей грозой.
Твердо помни:

это он и был,
это он истерзанную Зою
по снегам Петрищева водил.
И покуда собственной рукою,
ты его не свалишь наповал,
я хочу, чтоб счастья и покоя
воспаленным сердцем ты не знал.
Чтобы видел,

будто бы воочью,
русское село,—

светло, как днем.
Залит мир декабрьской лунной ночью,
пахнет ветер дымом и огнем.
И уже почти что над снегами,
легким телом устремясь вперед,
девочка

последними шагами
босиком в бессмертие идет.

Май — сентябрь 1942 года

ЗАВЕЩАНИЕ ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ ГЕРОЕВ

...Это было 16 ноября 1941 года. Панцирные колонны врага находились у Волоколамского шоссе. Они рассчитывали, не оставив заведенных моторов, ворваться в Москву. 316-я стрелковая дивизия, позже 8-я гвардейская Краснознаменная имени генерала Панфилова, преградила им дорогу. Приказ — задерживать немцев во что бы то ни стало. И на пути гитлеровцев выросла непреодолимая стена советской обороны.

Полк Капрова занимал оборону на линии: высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось пехотное подразделение. В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населенных пунктах Красиково, Ждано, Муровцево они сконцентрировали свыше 80 танков, два полка пехоты, шесть минометных и четыре артиллерийские батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов. Грянул бой.

Теперь мы знаем, что, прежде чем двадцать восемь героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, отразили мощную танковую атаку, они выдержали многочасовую схватку с вражескими автоматчиками. Используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка, туда устремилась рота фашистов. Они не думали встретить серьезное сопротивление. Бойцы безмолвно следили за приближающимися автоматчиками. Точно распределили цели. Немцы шли, как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже только 150 метров. Вокруг царила странная, неестественная тишина. Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский молодецкий посвист. Это было так неожиданно, что на какое-то мгновение автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулеметы и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов.

...Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому двадцатью восемью гвардейцами. Бойцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой. Вдруг они услышали знакомый голос:

— Здорово, герои!

К окопу добрался политрук роты Клочков. Только теперь мы узнали его настоящую фамилию. Страна прославляла его под именем Диева. Так назвал его однажды красноармеец украинец Бондаренко. Он говорил: «Наш политрук постоянно дие», — по-украински значит «работает». И верно, никто не знал, когда

Клочков спит. Он всегда в движении. Деятельного и неутомимого, его любили бойцы, как старшего брата, как родного отца.

В тот день Клочков первый заметил направление движения танков противника и поспешил в окоп.

— Ну, что, друзья, — сказал политрук бойцам. — Двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много!

Люди улыбнулись.

Добираясь к окопу, Клочков понимал, что ждет его и товарищей. Но сейчас он шутил и, ловя на себе одобрительные взгляды красноармейцев, думал: «Выдержим до конца». Вот все они были перед ним — люди, с которыми ему предстояло разделить и смерть и славу.

...Пусть армия и страна узнают наконец их имена. В окопе были: Клочков Василий Георгиевич, Добробабин Иван Евстафьевич, Шепетков Иван Алексеевич, Крючков Абрам Иванович, Митин Гавриил Степанович, Касаев Аликбай, Петренко Григорий Алексеевич, Есибулатов Нарсутбай, Калейников Дмитрий Митрофанович, Натаров Иван Моисеевич, Шемякин Григорий Мелентьевич, Дутов Петр Данилович, Митченко Николай, Шапоков Душанкул, Конкин Григорий Ефимович, Шадрин Иван Демидович, Москаленко Иван, Емцов Петр Кузьмич, Кожебергенов Аскар, Тимофеев Дмитрий Фомич, Трофимов Николай Игнатьевич, Бондаренко Яков Александрович, Васильев Илларион Романович, Болотов Николай, Безродный Григорий, Сенгирбаев Мустафа, Максимов Николай, Ананьев Николай.

Был еще и двадцать девятый. Он оказался трусом и предателем. Он один потянул руки вверх, когда из прорвавшегося к самому окопу танка фашистский ефрейтор закричал: «Сдавайся!» Он стоял жалкий, дрожащий, отвратительный в своей рабской трусости. Перед кем падаешь на колени, тварь? Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев одновременно, не сговариваясь, без команды выстрелили в изменника. Это сама Родина покарала отступника.

Бой длился более четырех часов, и бронированный кулак фашистов не смог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали вражеские машины, зажигали их бутылками с горючим. Уже четырнадцать танков неподвижно застыли на поле боя. Но уже убит боец Емцов, истекает кровью Петренко, лежа на соломе, покрывающей дно окопа, мертвы Конкин, Тимофеев и Трофимов. В этот миг, в сумеречной дымке показался второй эшелон танков. Среди них — несколько тяжелых. Тридцать новых машин на-

считал Клочков. Сомнений не было — они шли к железнодорожному разъезду, к окопу смельчаков. Ты немного ошибся, славный политрук Диев! Ты говорил, что танков придется меньше чем по одному на брата. Их уже больше чем по два на бойца. Родина, мать Отчизна, дай новые силы своим сыновьям, пускай не дрогнут они в этот тяжелый час!

Воспаленными от напряжения глазами Клочков посмотрел на товарищей.

— Тридцать танков, друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!

Танки двигались к окопу. Раненый Бондаренко, пригнувшись к Клочкову, обнял его невредимой рукой и сказал: «Давай поцелуемся, Диев». И все они, кто были в окопе, перещеловались, и вскинули ружья, и приготовили гранаты. Танки все ближе и ближе. Вот они уже у самого окопа. Им навстречу поднимаются бесстрашные.

Тридцать минут идет бой, и нет уже боеприпасов у смельчаков. Один за другим они выходят из строя. Гибнет Москаленко под гусеницами танка, царапая голыми руками его стальные траки. Прямо на дуло вражеского пулемета идет Кожебергенов. Подбито и горит около десятка танков. Клочков, сжимая последнюю связку гранат, бежит к тяжелой машине, только что подмявшей под себя Безродного. Политрук успевает перебить гусеницу чудовища и, пронзенный пулями, опускается на землю.

Убит Клочков. Нет, он еще дышит. Рядом с ним, окровавленным и умирающим, голова к голове, лежит раненый Натаров. Мимо них с лязгом и грохотом движутся танки врага, а Клочков шепчет своему товарищу: «Помираю, брат... Когда-нибудь вспомнят нас... если жив будешь, скажи нашим...» Он не кончил фразы. Так умер Клочков, чья жизнь была отдана мужественному деянию на поле битвы.

Все это рассказал Натаров, лежавший уже на смертном одре. Его разыскали недавно в госпитале. Ползком он добрался в ту ночь до леса, бродил, изнемогая от потери крови, несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков. Умер Натаров — последний из павших двадцати восьми героев-панфиловцев¹. Он передал нам, живущим, их завещание... Смысл

¹ Впоследствии выяснилось, что четверо из 28 героев остались живы. Раненные на поле боя, они попали в госпитали. Позднее им были вручены ордена Ленина и Золотые Звезды Героев Советского Союза. Таких же высоких наград посмертно были удостоены и все погибшие герои.

этого завещания был понят нашим народом еще в ту пору, когда мы не знали всего, что произошло у разъезда Дубосеково. Нам известно, что хотел сказать Ключков в тот миг, когда неумолимая смерть витала над ним.

Сам народ продолжил мысли умиравшего и сказал себе от имени героев: «Мы принесли свои жизни на алтарь Отечества. Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего идем на смерть, мы выполнили свой воинский долг, мы преградили путь врагу! Идите в бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но мы победили».

22 января 1942 года

Михаил СВЕТЛОВ

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Отрывок из поэмы

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни
Песнею о двадцати восьми!

Проходи, мой стих, путем победным,
Чтобы, изучая не спеша,
Не дымком воспоминаний бледным —
Дымом артиллерии дышать!

Проплывут гвардейские знамена,
И ракеты вспыхнут на пути,
Каждого гвардейца поименно
Пригласив в бессмертие войти.

Вытирая о ступеньки ноги,
Он взойдет тихонько по крыльцу,
Он войдет и встанет на пороге
Песни, посвященной храбрцу.

Бледный и усталый от сраженья,
Он войдет и скажет на ходу:
— Я в грязи, а здесь — стихотворенье!
Лучше я, товарищи, уйду!

Оставайся! Мы тебя не пустим!
Здесь твой дом! И здесь твоя семья!
Лучшая учительница чувствам —
Русская застенчивость твоя!

Домовитый, мужественный, честный,
По-хозяйски посмотри вокруг,
Песня без хозяина — не песня!
Будь ее хозяином, мой друг!

Потому что каждая страница —
Мужества широкие поля,
Песнями, легендами, пшеницей
Русская богатая земля!

Заходи же! Ты имеешь право!
Оставайся! Ты — хозяин тут,
Потому что реки нашей славы
В океан бессмертия текут!

И опять идут за ротой рота
В смертный бой, и вперед, взгляни, —
Партии раскрытые высоты,
Комсомола яркие огни!

1942 год

Александр ФАДЕЕВ

ДЕТИ

Ленинградцы и прежде всего ленинградские женщины могут гордиться тем, что в условиях блокады они сохранили детей. Значительная часть детей была эвакуирована из Ленинграда — речь идет не о них. Речь идет о тех маленьких ленинградцах, которые прошли все тяготы и лишения вместе со своим городом.

В Ленинграде создана была широкая сеть детских домов, которым голодный город отдавал лучшее из того, что имел. За три месяца я побывал во многих детских домах в Ленинграде. Но еще чаще, присев на скамейке где-нибудь в городском скверике или в парке в Лесном, я, не замечаемый детьми, часами наблюдал за их играми и разговорами. В апреле, когда я впервые увидел ленинградских детей, они уже вышли из самого трудного периода своей жизни, но печать тяжелой зимы еще лежала на их лицах и сказывалась в их играх. Это сказывалось в том, что многие дети играли в одиночку, и в том, что даже в коллективную игру дети играли молча, с серьезными лицами. Я видел лица детей, полные такой взрослой серьезности, видел детские глаза, исполненные такой думы и грусти, что эти лица и эти глаза могут сказать больше, чем все рассказы об ужасах голода.

В июле таких детей было уже немного, главным образом из числа сирот, родители которых погибли совсем недавно. У подавляющего большинства детей вид был вполне здоровый, и по своему поведению, по характеру игр, по смеху и веселости они не отличались от всяких других нормальных детей.

Это результат великого святого труда ленинградских женщин, многие из которых добровольно посвятили свои силы делу спасения и воспитания детей. Рядовая ленинградская женщина проявила здесь столько материнской любви и самоотверженности, что перед величием ее подвига можно преклониться. Ленинградцы знают примеры исключительного мужества и героизма, проявленного женщинами — работниками детских домов во время опасности.

Утром в Красногвардейском районе начался интенсивный артиллерийский обстрел участка, где расположены ясли № 165. Заведующая яслями Голуткина Лидия Дмитриевна вместе с сестрой-воспитательницей Российской и санитаркой Анисфоровой под огнем стали выносить детей в укрытие. Обстрел был так силен и опасность, угрожавшая детям, была настолько велика, что женщины, чтобы успеть снести всех детей в укрытие, сваливали их по несколько человек в одеяло и так кучами и выносили. Артиллерийским снарядом выбило все рамы и внутренние перегородки тех домиков, в которых были расположены ясли. Но все дети — их было 170 — были спасены.

Сестра-воспитательница Российская лишь после того, как все дети были укрыты, попросила разрешения пройти к своему собственному дому, где находились трое ее детей. Приближаясь к дому, она увидела, что он горит. На помощь детям Российской пришли другие советские люди и вынесли их из огня.

Я не преувеличу, когда скажу, что я видел сотни женщин, молодых и старых, показавших такое знание детской души и такой педагогический талант, какие могут сравниться со знаниями и талантами величайших педагогов мира.

Я предоставляю слово одной из них.

«Двадцать четвертого февраля 1942 года в суровых условиях блокированного Ленинграда начинает свою жизнь наш дошкольный детский дом № 38 Куйбышевского района.

У нас сто детей. Недавно, совсем недавно перед нами стояли печальные сторбленные дети. Все как один жались к печке и, как птенчики, убирали свои головки в плечики и воротники, спустив рукава халатиков ниже кистей рук, с плачем отвоевывая себе место у печки. Дети часами могли сидеть молча. Наш план работы первого дня оказался неудачным. Детей раздражала музыка, она им была не нужна. Детей раздражала и улыбка взрослых. Это ярко выразила Лерочка, семи лет. На вопрос воспитательницы, почему она такая скучная, Лерочка резко ответила: «А почему вы улыбаетесь?» Лерочка стояла у печи, прижавшись к ней животиком, грудью и лицом, крепко зажимая уши ручками. Она не хотела слышать музыки. Музыка нарушала мысли Лерочки. Мы убедились, что многого недоумали: весь наш настрой, музыка, новые игрушки — все только усиливало тяжелые переживания детей.

Резкий общий упадок был выражен не только во внешних проявлениях детей, это было выражено во всей их психофизической деятельности, все их нервировало, все затрудняло. Застегнуть халат не может — лицо морщит. Нужно передвинуть стул с места на место — и вдруг слезы. Коля, взяв стул в руки, хочет его перенести, но ему мешает Витя, стоящий у стола. Коля двигает стул ему под ноги. Витя начинает плакать. Коля видит его слезы, но они его не трогают, он и сам плачет. Ему трудно было и стул переставить, ему так же трудно и говорить.

Девочка Эмма сидит и горько плачет. Эмме пять лет. Причину ее слез мы не можем выяснить, она просто молчит и на вопросы взрослых бурно реагирует — все толкает от себя и мычит: «м-м-м»... А позже узнаем, что ей трудно зашнуровать ботинок, и она плачет, но не просит помощи. У детей младшей и средней группы все просьбы и требования выражаются в форме слез, капризов, хныканья, как будто дети никогда не умели говорить.

Мы долго боролись с тем, чтобы дети без слез шли мыться. Дети плакали, обманывали, ссорились и прятались от воспитателя, объясняя это тем, что вода холодная. Валя тоже плачет,

объясняет это тем, что она чистая. Она сквозь слезы говорит: «Меня мама не каждый день мыла, я совсем чистая». Шамиль из средней группы после сна сядил за стол, и только вместе со стулом можно было его перенести к умывальнику. Исключительно бурную реакцию проявили дети, когда была организована первая баня в детдоме. Все малыши как один криком кричали, не желая купаться. Коля кричит: «Мылом не хочу мыться, не буду мыться!» Валя: «Мне холодно, не буду мыться!»

Дети очень долго не хотели снимать с себя рейтузы, валенки, платки и шапки, хотя в помещении было тепло. Дети украдкой ложились в постель в верхнем платье, в чулках, в рейтузах. Трудно было отучить детей от привычки спать под одеялом, закрываясь с головой, в позе спящего котенка. Странная поза, излюбленная у детей, — лицо в подушку, и вся тяжесть туловища держится на согнутых коленях, попка вверх. «Так теплее», — говорят дети.

Больно было видеть детей за столом, как они ели. Суп они ели в два приема: вначале бульон, а потом все содержимое супа.

Кашу и кисель они намазывали на хлеб. Хлеб крошили на микроскопические кусочки и прятали их в спичечные коробки. Хлеб дети могли оставлять как самую лакомую пищу и есть его после третьего блюда и наслаждались тем, что кусочек хлеба ели часами, рассматривая этот кусочек, словно какую-нибудь диковину. Никакие убеждения, никакие обещания не влияли на детей до тех пор, пока они не окрепли.

Но были случаи, когда дети прятали хлеб и по другой причине. Лерочка обычно и своей нормы не поедает — оставляет на столе и часто отдает детям. И вдруг она спрятала кусок хлеба. Лерочка сама огорчена своим поступком, она обещает больше этого не делать. Она говорит: «Я хотела вспомнить мамочку, мы всегда очень поздно в постельке кушали хлеб. Мама нарочно поздно его выкупала, и я хотела сделать, как мамочка. Я люблю свою мамочку, я хочу о ней вспоминать».

Лорик пришел к нам на второй день после смерти мамы. Ребенок физически не слабый, но его страдания, его печаль ярко выражены во всем его поведении. Лорик не отказывается ни от каких занятий, но нужно видеть, как трудно ему сосредоточиться, как ему не хочется думать по заданию, ведь он живет своими мыслями, а задание педагога мешает ему думать о своей маме. Лорик никому не говорит о маленькой пудренице, которую он приспособил для медальона и носит на тесемочке на шее. Одиннадцать дней Лорик прятал ее, и вот в бане он не знал,

как ее уберечь, куда спрятать, он бережно держал эту вещь, смутился страшно, когда заметил, что я наблюдаю за ним. Я ничего ему не сказала, не спросила ни о чем. Сам Лорик раскрыл мне свою тайну. «У меня моя мама, я берегу ее, — шепотом сказал он мне. — Я сам это сделал, сам тесемочку привязал». Он открыл крышку круглой пудреницы, посмотрел, крепко поцеловал и не успокаивался, пока сам не увидел место, где будет храниться эта пудреница, пока он вымоется в бане. После этого случая Лорик стал более откровенным. В этот же день он подробно все рассказал и о смерти мамы, и о смерти тети, и о том, почему не хотел никому показывать портрет. «Я хотел только один... только один... — и больше не нашел слов сказать. — Этот портрет мне сама мама дала перед смертью». И у Лорика на глаза навертываются слезы.

Одиннадцать дней страданий, воспоминаний о маме не давали проявиться богатейшим его качествам: логичной речи, богатому разнообразному творчеству, исключительной способности в рисовании. Лорику стало легче после того, как он открыл свою тайну, он ожил, сам берет материалы, быстро увлекается работой и увлекает товарищей.

Леня, семи лет, отказывается снимать вязанный колпак, даже не колпак, а бесформенную шапку, которая сползает ниже ушей и уродует его. Мы долго не могли узнать причины, почему Лене нравится эта шапка. Причина оказалась та же — Леня хранил ее как память об умершем брате. Леня говорит: «Я берегу ее, это память мне от брата, и картинки тоже я берегу. Они у меня спрятаны, а когда мне скучно, я их вынимаю и смотрю».

Женя, шести лет, пришел в детский дом и в этот же день показал всем портрет мамы и мелкие фотоснимки ее же, но сказал: «Рассказывать не буду, пускай папа рассказывает». Женя скучает, ночью долго не засыпает, лежит с открытыми глазами молча. Ночью просит няню поднести свет, чтобы посмотреть на портрет мамы. На вопрос няни, почему он не спит, Женя отвечает: «Я думаю все о маме. А вот Вова (его младший брат, трех лет) спит, он, наверное, забыл про маму. Разрешите мне к Вовочке на кроватку лечь, тогда я засну, а так я до утра не засну. Я сам не хочу думать, а все думаю да думаю».

Лера — девочка глубоких и устойчивых переживаний. Лишенная полноценной семьи (отец уже до войны имел другую семью и навещал Лерочку лишь изредка), она была страстно привязана к матери. Тридцатилетняя женщина, нежно любившая дочь, увлекавшаяся рисованием, пляской, рукоделием, сделалась для Леры идеалом всего прекрасного. Горе своей потери

девочка переживает чрезвычайно тяжело и упорно. Она болезненно цепляется за все, что хотя бы немногим напоминает ей мать и былую жизнь дома. Проникается симпатией к тем людям, которые случайно назовут ее так, как называла мать. Может целый день рисовать: она занималась этим с мамой.

С ребятами Лера скрытна, замкнута, ко многим относится с пренебрежением, подмечая их недостатки и давая им прозвища: «Я презираю Леню, он ест так противно, да и вообще мямля какая-то, просто петух бесхвостый». Или: «Этот Боря ходит, как крадется, он по шкафам лазает, а говорит так, что ничего не поймешь... крыса». С избранными взрослыми Лера любит поговорить и рассказать про свои переживания. Она сообразительна и наблюдательна. Ее рассуждения и рассказы всегда последовательны и логичны. Ее рисунки и аппликативные работы оригинальны по замыслу. В своих эмоциях Лера сильна и страстна. Она способна утром поколотить девочку, которая мешала ей спать ночью.

Но Лера честна и в своих поступках всегда сознается, причем их обосновывает — не в оправдание себе, а скорее желая сама выяснить причину. Она сильна и страстна не только в злом, но и в хорошем. Это милая девочка, с большими вдумчивыми, полными печали серыми глазами. Она дичилась нас первое время, пряталась в угол, опустив головку, что-то переживала про себя, но никому ничего не говорила. Но после того, как она поделилась своим горем в первый раз, ей стало легче. На Леру легко влиять лаской, разумной беседой.

Вот перед нами чудный мальчик, его имя Эрик. Дети и взрослые любят его за исключительную нежность, которую он проявляет ко всем. Но Эрик не любит никаких занятий. Он говорит: «Что-то не хочется» или «Я плохо себя чувствую». Молчаливый, он часто подходит к окну или выходит на балкон. Его взоры сейчас же устремляются на противоположный дом, откуда его привели и где он потерял маму. Однажды во время дневного сна Эрик, закрывшись с головой, тихо плачет. Воспитательница встревожена — не болен ли ребенок, но Эрик объясняет: «Я вспомнил, как у нас мама умерла, мне жалко ее, она ушла за хлебом рано утром и целый день до ночи не возвращалась, а дома было холодно. Мы лежали в кроватке вместе с братом, мы все слушали — не идет ли мама. Как только хлопнет дверь, так и думаем, что это наша мамочка идет. Стало темно, а мама наша все не шла, а когда она вошла, то упала на пол. Я побежал через дом и там достал воды, и дал маме воды, а она не пьет. Я ее на кровать притащил, она очень тяжелая, а потом соседки сказали, что она

умерла. Я так испугался, но я не плакал, а сейчас не могу, мне ее очень жаль».

Я привел здесь эти отрывки из официального отчета заведующей детским домом № 38 для того, чтобы показать, какой высоты понимания детской психики и любви к детям достигли лучшие женщины Ленинграда, посвятившие себя делу спасения детей-сирот и делу их воспитания. Я должен сказать здесь, что детский дом № 38 примечателен именно тем, что через него прошли в подавляющем большинстве дети, оставшиеся без родителей, и что к тому времени, когда этот отчет попал мне в руки, все эти дети были уже нормальными детьми!

В то же время этот официальный отчет заведующей детским домом № 38 является одним из тех великих и страшных счетов, которые наш народ должен предъявить и предъявит врагу. Пусть позор преступления против жизни, счастья и души наших детей навеки ляжет проклятием на головы убийц. Вся подлая животная жизнь всех этих гитлеров и герингов и сотен тысяч и миллионов немцев, развращенных ими и доведенных ими до последней степени вырождения и зверства, не стоит единой слезинки нашего ребенка. За каждую эту слезинку они должны заплатить и заплатят потоками своей черной крови.

А в памяти человечества навеки сохранится прекрасный и величественный облик ленинградской женщины-матери как символ великой и бессмертной всечеловеческой любви, которая — придет время! — будет господствовать над всем миром.

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

АРМИЯ

Мне скажут — Армия...

Я вспомню день — зимой,
январский день сорок второго года.

Моя подруга шла с детьми домой —
они несли с реки в бутылках воду.

Их путь был страшен, хоть и недалек.

И подошел к ним человек в шинели,
взглянул — и вынул хлебный свой паек,
трехсотграммовый, весь обледенелый.

И разломил, и детям дал чужим,
и постоял, пока они поели.

И мать рукою серою, как дым,
дотронулась до рукава шинели.
Дотронулась, не посветлев в лице...
Не ведал мир движенья благодарней!
Мы знали в сё о жизни наших армий,
стоявших с нами в городе, в кольце.
...Они расстались. Мать пошла направо,
боец вперед — по снегу и по льду.
Он шел на фронт, за Нарвскую заставу,
от голода качаясь на ходу.
Он шел на фронт, мучительно палим
стыдом отца, мужчины и солдата:
огромный город умирал за ним
в седых лучах январского заката.
Он шел на фронт, одолевая бред,
все время помня — нет, не помня — зная,
что женщина глядит ему вослед,
благодаря его, не укоряя.
Он снег глотал, он чувствовал с досадой,
что слишком тяжелеет автомат,
дошел до фронта и пополз в засаду
на истребление вражеских солдат...
...Теперь ты понимаешь — почему
нет Армии на всей земле любимей,
нет преданней ее народу своему,
великодушной и непобедимей!

Январь 1942 года

Петр ПАВЛЕНКО

СИБИРЯКИ

Они прибыли в разгар великой битвы за Москву. В вагонах, запорошенных снегом, звучало неторопливо: «На тихом берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой». Из вагонов на жестокий мороз степенно выходили в распахнутых ватниках, в гимнастерках с раскрытыми воротами, деловито умывались на ледяном ветру.

— Однако климат у вас легкий, — говорили москвичам покровительственно. Обтирались снегом до пояса.

— Снежок холодит, снежок и молодит. Снегом мойся — никакого этого вашего обморожа не будет.

И в эту же ночь зазвучал сибирский говор на дорогах к западу от Москвы. По деревням Подмосковья разнеслось сразу:

— Сибиряки подошли!

Они ударили по немцу с ходу. Пехотинцы, разведчики, артиллеристы, они влили в ряды защитников Москвы свежую сибирскую мощь. Заскрипели лыжи, привезенные из родной тайги. Заработали тасжные охотники-следопыты.

В одних ватниках, скинув шинели, ударили в штыки пехотинцы.

— Сибирь — грудь нараспашку! — говорили о себе с гордостью.

Медленен, даже угрюм и неразговорчив сибиряк, когда делать нечего. Но в бою нет злее, упорнее и веселее его. Опасность захватывает его целиком, и весь он в ней.

Сибирский говор промчался за Кубинку, раздался у Волоколамска, где сибиряки-артиллеристы громили немецкие дзоты, и прозвучал у Наро-Фоминска и Рузы и дальше к Можайску, и еще за Можайск — на запад.

Немцы очень быстро узнали о приходе сибиряков, вернее, почувствовали его на себе. Входя в деревню, обязательно расспрашивали жителей — не сибиряки ли тут действуют. Качали головами, если оказывались сибиряки. Да как тут не закачать?

— Зимой и конь того не осилит, с чем сибиряк справится, — говорит лейтенант Анатолий Кузнецов, разведчик из дивизии, которой командовал славно погибший полковник Виктор Иванович Полосухин.

На карте лейтенанта, размеченной незадолго до своей гибели покойным командиром, только и есть что стрелки, ведущие в немецкие тылы.

— Я у них, подлецов, во втором эшелоне абсолютно свой человек, все тропки знаю. Лес! Меня в нем не возьмешь...

Как-то тридцать два его разведчика с младшим лейтенантом Карепиным трое суток пробивались лесом к штабу немецкой дивизии.

Разведчик огромного таланта и редкой изобретательности, любитель рукопашного боя, Карепин носил прозвище «шумового мастера».

— Вперед идет, — говорили о нем, — как лисица, снега не пошевелит, а назад прет, как медведь. Такого шума даст — у немцев в ушах скребет. Они уж знают. «Сибырак, сибырак!» — закричат и скорее мордами в снег.

Трое суток с боями прорывался Карепин к пункту, где рассчитывал найти штаб немецкой дивизии. Трое суток сбивал немецкие дозоры, уходил от преследования и наконец ворвался в штаб.

Штабную избу забросали гранатами, охранение разогнали. Ведя бой, собрали в охапку все штабные документы, запихали их в семь портфелей и один чемодан и с этим грузом, отбиваясь от немецкой комендантской роты, снова три дня возвращались к себе. По дороге взорвали у немцев мост.

Напорист и азартен в бою сибиряк. Любит взять оп, что не дается сразу, хорош на тяжелое дело.

Старший сержант Кудашкин отправился с двумя бойцами добывать «языка». Немцы укрепились на берегу реки. Кудашкин с бойцами подполз с противоположного берега. У него был автомат, у бойцов — винтовки. Видят — на берегу блиндаж, у блиндажа пулемет, а рядом с ним, точно заяц, прыгает немецкий часовой.

Кудашкин говорит:

— Этого положим на месте. Вылезет из блиндажа второй — и его положим, а третьего — их тут трое, не меньше, — третьего в ноги, чтоб не ушел, и возьмем его в качестве «языка».

Кудашкин начал действовать.

Часовой упал, не шевелится. Замертво упал и второй, третьему дали, как условлено, по ногам. Только двинулись к речке, как выскочил из блиндажа четвертый, бросился к пулемету и открыл огонь. Старшего сержанта Кудашкина ранило в локоть левой руки.

Пришлось отойти, залечь в снег.

Бойцы говорят:

— Товарищ старший сержант, идите во взвод, перевяжитесь.

— Нет, я его так не оставлю, — отвечает Кудашкин. — Меня уж злость взяла, я его так не оставлю.

А четвертый немец палит — головы от снега не поднять. Лежат.

Один из бойцов замечает, что в тыл к ним тихо заходит пятерка немцев. Медленно идут гуськом по глубокому снегу, внимательно всматриваясь в местность.

— Ну так мы этих и возьмем, — решает Кудашкин. — Я бью головного, вы второго и третьего, а последних двух испытаем. Либо залягут, либо побегут, тогда и посмотрим, как с ними быть.

Первые три немца пали замертво, уцелевшие сначала легли, а затем панически побежали назад.

Кудашкин вскочил.

— Хальт! — закричал он. — Сдавайся!

Двое немцев подняли руки. Разведчики повели их в штаб. Но, придя в штаб и ожидая перевязки, Геннадий Кудашкин опять вспомнил того пулеметчика, что прострелил ему руку, и злость, совсем было утихшая, снова поднялась в нем.

— Я его, гада, все-таки так не могу оставить, — сказал он тем двоим бойцам, что ходили с ним. — Сходим-ка еще раз. Надо его успокоить.

Не ожидая, когда его перевяжут, вернулся Кудашкин к реке. Немец прыгал у пулемета и хлопал руками по бокам. Кудашкин узнал его — это был тот самый, что ранил его. Он внимательно прицелился, и немец навсегда перестал прыгать на русском снегу.

— Теперь пойдем, товарищ старший сержант, перевязать вас надо, — сказали бойцы.

Но боевой азарт уже овладел всем существом Кудашкина. Он распахнул ворот шинели. В бою мороза не чувствуешь. Сибирское охотничье упорство играло в Кудашкине.

— Зачем отходить? — сказал он. — Надо пулемет забрать. Я ему, гаду, и мертвому пулемета не оставлю.

И Кудашкин с бойцами стал переползать реку.

Но пулемет не был одинок.

Стоило разведчикам вылезти на открытый лед, как два соседних пулемета скрестили над ними светящиеся линии огня.

Укрыться было негде. Трое разведчиков оказались хорошей мишенью.

— Не вышло дело, — со злостью и раздражением сказал Кудашкин. — Ползем назад.

Взяв двух «языков», убив шестерых и ранив одного немца, сибиряк Кудашкин возвращался недовольный собою. Он считал, что задача дня была им не выполнена, как надо.

В санбате, где он, мрачно хмурия брови, рассказал о своей «неудаче», сержант Борзов и боец Прокопьев в один голос спросили его:

— Ты не из Сибири, Кудашкин?

— А вы как признали?

— Да ведь характер не скроешь. Сибиряка сразу узнать можно — упорный человек.

6 марта 1942 года

КОМИССАРЫ

Восенные корреспонденты немецких газет всегда находят несколько «теплых» строк для русской артиллерии и для комиссаров. Известна точность огня нашей артиллерии. Но почему немцев так возмущают комиссары? Обычно гитлеровцы уверяют, что «комиссары насильно гонят солдат вперед...». Это плохая выдумка: даже наивные немки понимают, что насильно народ не заставишь воевать. Немцы, кроме того, знают, что комиссары идут не позади, а впереди бойцов. Гитлеровцам ненавистны комиссары, потому что они как бы олицетворяют душу нашего народа.

Институт военных комиссаров свидетельствует о важности человеческого начала. Командир вырабатывает план атаки. Он живет в мире огневых точек, простреливаемых дорог и блиндажей. Для него холмик, речка, овраг — нотные знаки величественной партитуры. Карта с синими кружками и красными стрелами говорит ему о самом сокровенном. Он знает, что завтра в восемнадцать ноль-ноль первая и третья роты должны занять березовую рощу и выйти к скрещению двух проселочных дорог. План обсуждается в штабе батальона: в маленьком блиндаже при тусклом свете коптилки. И здесь вмешивается комиссар: «Вместо первой роты нужно пустить вторую...» Для комиссара бойцы — живые люди. Он помнит их лица. Он слышит их разговоры. Он знает лихорадку смелости и малодушия. Он подготавливает мужество и стойкость, как интендант подготавливает склады продовольствия.

«Человек решает все» — с этой мыслью мы вышли против германской мощной армии. Мы сохранили веру в человека, когда танковые колонны Гитлера двигались на восток. Мы думали о нашей пехоте, которая задерживает продвижение моторизованных частей противника, о наших рабочих, которые на Урале изготавливают танки, о наших будущих танкистах. И роль комиссаров в Красной Армии определяется советским подходом к понятию человека.

Пройдите в роту, стоящую на передовых позициях. Вот в блиндаже заместитель политрука читает бойцам статью из «Красной звезды». Еще недавно этот заместитель политрука был простым солдатом. Политрук его отметил: он был сообразительней и развитее товарищей. Это комсомолец, слесарь. Он много читал, задумывался над книгами, над людьми, над жизнью.

Он не только прочитает статью, он сможет связать ее с окружающей действительностью. Если речь идет о моральном лице гитлеровской армии, он напомним о том, что видели сами бойцы. Если статья посвящена ночной разведке, он ее оживит рассказом о недавнем подвиге младшего лейтенанта того же батальона. Он ответит на все вопросы. А вопросов немало: «Много ли у Гитлера австрийских солдат?.. Какие у немцев новые пулеметы?.. Правда ли, что Петэн продан немцам?.. Почему англичане не воюют по-настоящему?.. Что делают американцы со своими самолетами?..»

Заместитель политрука несколько месяцев спустя станет младшим политруком. Он будет комиссаром роты. Часть политруков прошла трехмесячные курсы, другим боевой опыт заменил лекции. Конечно, командир батальона разбирается лучше в чисто военных проблемах, нежели комиссар батальона, но и комиссар — военный человек, он может свободно командовать ротой, а в случае необходимости заменить командира батальона. Комиссар полка может командовать батальоном.

Редко увидишь комиссара на командном пункте. Обычно он ведет в бой самую слабую единицу — роту или батальон. Этим объясняются большие потери среди комиссаров — они не только говорят о военной доблести, — они ее показывают на своем примере. Обычно в части имя комиссара — символ отваги.

В одной из танковых бригад я встретился с комиссаром батальона Медянцевым. Он много мне рассказывал о храбрости бойцов своего батальона. О себе он молчал. Но бойцы мне рассказали, что комиссар недавно спас один танк. «Подъем был. Танк соскользнул с дороги. Здесь левая гусеница свалилась. Машина и застряла. А положение было скверное. Немцы стреляют по танку: у них два орудия там были. А кругом немецкие автоматчики. Комиссар тут как тут. Говорит: «Надо гусеницу нацепить и вытащить машину». Сам с нами работал, прямо под пулями. А полчаса спустя танк уже был в бою...»

Конечно, не дело комиссара дублировать командира. Но я уже говорил, что комиссары — люди с военным образованием, многие из них обладают и военными талантами. Встретился я с комиссаром танковой роты Будниковым. Было это в январе. Наши части наступали. Предстояло овладеть сильным узлом сопротивления. К селу вела одна дорога, и она была сильно укреплена противником. Комиссар предложил идти в обход по снегу, проверил местность, доказал осуществимость маневра. И маневр действительно удался. Наши потери были ничтожны, а немцы оставили две роты убитыми и пленными.

Сущность работы комиссара — это ее конкретность. Перед лицом смерти неуместны абстрактные разговоры или сухие доклады. Вот шли в январе бои за Можайск. Полковой комиссар при мне беседовал с бойцами. Он рассказывал им о славном прошлом Можайска. Он говорил о том, как в Можайске немцы мучают русских людей. Когда наши бойцы вошли в Можайск, они уже знали, что увидят на одной из площадей виселицу...

Человечность института комиссаров связана с человечностью нашей армии. Когда я разговариваю с немецкими пленными, я вижу перед собой не людей, а усовершенствованные автоматы. Они отучены от мысли, стерилизованы от чувств. Они еще повинуются своим командирам — это автоматизм поступков. Но стоит одному из них задуматься, и он погиб для германской армии: он готов сдаться в плен или дезертировать. Взвешивая накануне майских боев шансы сторон, нужно помнить, что никакое вооружение не может заменить душу армии.

16 апреля 1942 года

Евгений ПЕТРОВ

НА МУРМАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Метель продолжалась три дня. Военные действия не затихали. Они, конечно, потеряли в стремительности, но самый тот факт, что они велись, дает вам представление о неслыханном в истории ожесточении, с каким проходит эта титаническая война не на жизнь, а на смерть.

По утрам дежурный телефонист снимает в штабной землянке телефонную трубку и, нисколько не удивляясь, слышит строгий командирский голос: «Откопайте меня, я уже проснулся».

Командирскую палатку откапывают. Командир выходит из нее, низко согнувшись. Он разгибается и поводит богатырскими плечами. Он бодр и полон решимости. Он снимает гимнастерку и долго с удовольствием трет лицо и шею свежим сухим снегом. То, что это не декабрьский снег, а майский, даже веселит командира...

Красноармейцы раскапывают палатки соседей. Начинается боевой полярный день, ничем, впрочем, не отличающийся от ночи. Разведчики в белых маскировочных халатах с автоматами

на шее отправляются в разведку. В такую бурю можно подойти незамеченным хоть к самому генералу Шернеру.

Олени увозят в тыл раненых. Артиллерия бьет по заранее пристрелянным целям. Пехота все больше смыкает кольцо вокруг небольшого горного пространства, где на вершинах, среди камней, сосредоточилась довольно крупная немецкая часть. Этот выступ командование для удобства называет аппендиксом. Этот аппендикс требовал незамедлительной операции, и она была проведена с удивительным упорством. Немцев отрезали и уничтожили. Человек тридцать солдат во главе с обер-лейтенантом сдались в плен.

Сейчас еще трудно сказать, сколько немцы потеряли убитыми, так как трупы завалены снегом. Но, судя по показаниям пленных, они потеряли не менее батальона. Всего же за последнюю неделю немцы потеряли на этом узком участке фронта (он не превышает от берега Баренцева моря и сорока километров) больше четырех тысяч человек. Это колоссальные потери.

Интересно, что потери эти пали главным образом на 6-ю горноегерскую дивизию, которая сменила разбитые части 2-й и 3-й дивизий. То были герои Нарвика. После разгрома их увели в Норвегию на отдых и переформирование.

Солдат 6-й дивизии немцы торжественно называют героями Греции и Крита. Итак, героев Нарвика сменили герои Крита. Но они не оказались более счастливыми. Русские хорошо отомстили за своих друзей-англичан, которые пали смертью храбрых в неравном бою с превышающим по численности врагом...

Интересна история 6-й германской горноегерской дивизии. С наглостью и самоуверенностью бандитов, знающих, что они не встретят серьезного сопротивления, вторглись немецкие солдаты в пределы несчастной отважной Греции. Они прошли страну с такой быстротой, с какой нож проходит сквозь масло. «Мы прорвали линию Метаксаса», — говорили они с гордостью во время парада в Афинах. 6-я дивизия шла во главе войск. Она была признана лучшей среди лучших. Это были наглые здоровые парни.

Я рассматривал фотографии, найденные в их карманах. Они любили сниматься на Акрополе, на фоне Парфенона. Надо видеть этих людей в стальных шлемах с идиотски выпученными глазами рядом с классическими колоннами, под сенью которых прогуливались когда-то мудрецы и поэты. Однако любовь к истории недолго занимала господ командиров и солдат знаменитой дивизии...

Последняя операция, проведенная в Греции командованием 6-й дивизии, была поистине очаровательна: оно просто-напросто обокрало в Афинах королевскую конюшню. Так как немецкие интенданты очень аккуратны и умеют считать трофеи, пришлось взамен королевских коней поставить в стойла своих потрепанных в походе немецких одров.

На наш фронт дивизия явилась с такой же самоуверенностью, как и в Грецию, да еще с королевскими лошадьми. Лошади быстро подошли. После Греции они совершенно не выдерживали полярного климата. Их новые хозяева, непобедимые герои Греции и Крита, были разбиты так же, как и герои Нарвика.

Сейчас, во время майских боев, Шернер бросил на фронт все свои силы. Здесь сейчас весь горнооергерский корпус. От дивизии осталась лишь одна сомнительная слава. Героев Нарвика и Крита уже нет. Они либо лежат в лапландских снегах, либо отлеживаются в норвежских госпиталях. Новый состав дивизии совсем не похож на старый. «Весенний немец», как выражаются у нас на фронте, это беспредельно утомленный (хотя он пришел на фронт совсем недавно), совершенно не верящий в победу, отупевший и, конечно, глубоко несчастный человек. Он еще далек от панического бегства. Он сражается в силу своей покорности и привычки подчиняться. Но среди пленных невозможно найти убежденных гитлеровцев. В свое время их было довольно много. «Весенний немец» — плохое пуншечное мясо.

15 мая 1942 года

Михаил ШОЛОХОВ

НАУКА НЕНАВИСТИ

На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела, и смолистый аромат расщепленных снарядами сосен не мог заглушить удушливо-приторной, острой вони разлагающихся трупов. Казалось, что даже земля с бурыми,

опаленными и жесткими краями воронок источает могильный запах.

Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых, глянцеви́то-клейких листьях.

Мы проходили через поляну. Шедший впереди меня связной красноармеец слегка коснулся рукой ствола березы, спросил с искренним и ласковым удивлением:

— Как же ты тут уцелела, милая?..

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая, истекающая смолой макушка, то по-иному встречается со смертью дуб.

На повресе немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весной дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...

Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами, лейтенант Герасимов сидел у входа в блиндаж и обстоятельно рассказывал о сегодняшнем бое, о танковой атаке противника, успешно отбитой батальоном.

Худое лицо лейтенанта было спокойно, почти бесстрастно, воспаленные глаза устало прищурены. Он говорил надтреснутым баском, изредка скрещивая крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье.

Но вдруг он умолк, и лицо его мгновенно преобразилось: смуглые щеки побледнели, под скулами, перекатываясь, заходили желваки, а пристально устремленные вперед глаза вспыхнули такой неугасимой, лютой ненавистью, что я невольно повернулся в сторону его взгляда и увидел шедших по лесу от переднего края нашей обороны трех пленных немцев и сзади — конвоировавшего их красноармейца в выгоревшей, почти белой от солнца, летней гимнастерке и сдвинутой на затылок пилотке.

Красноармеец шел медленно. Мерно раскачивалась в его руках винтовка, посверкивая на солнце жалом штыка. И так же

медленно брели пленные немцы, нехотя переставляя ноги, обутое в короткие, измазанные желтой глиной сапоги.

Шагавший впереди немец — пожилой, со впалыми щеками, густо заросшими каштановой щетиной, — поравнялся с блиндажом, кинул в нашу сторону исподлобный, волчий взгляд, отвернулся, на ходу поправляя привешенную к поясу каску. И тогда лейтенант Герасимов порывисто вскочил, крикнул красноармейцу резким, лающим голосом:

— Ты что, на прогулке с ними? Прибавить шагу! Веди быстрее, говорят тебе!..

Он, видимо, хотел еще что-то крикнуть, но задохнулся от волнения и, круто повернувшись, быстро сбежал по ступенькам в блиндаж. Присутствовавший при разговоре политрук, отвечая на мой удивленный взгляд, вполголоса сказал:

— Ничего не поделаешь — нервы. Он в плену у немцев был, разве вы не знаете? Вы поговорите с ним как-нибудь. Он очень много пережил там и после этого живых гитлеровцев не может видеть, именно живых! На мертвых смотрит ничего, я бы сказал — даже с удовольствием, а вот пленных увидит и либо закроет глаза и сидит бледный и потный, либо повернется и уйдет. — Политрук придвинулся ко мне, перешел на шепот: — Мне с ним пришлось два раза ходить в атаку; силища у него лошадиная, и вы бы посмотрели, что он делает... Всякие виды мне приходилось выдывать, но как он орудует штыком и прикладом, знаете ли, — это страшно!

Ночью немецкая тяжелая артиллерия вела тревожащий огонь. Методически, через ровные промежутки времени, издавка доносился оружейный выстрел, спустя несколько секунд над нашими головами, высоко в звездном небе, слышался железный клекот снаряда, воющий звук нарастал и удалялся, а затем где-то позади нас, в направлении дороги, по которой днем густо шли машины, подвизавшие к линии фронта боеприпасы, желтой зарницей вспыхивало пламя и громово звучал разрыв.

В промежутках между выстрелами, когда в лесу устанавливалась тишина, слышно было, как тонко пели комары и несмело перекликались в соседнем болотце потревоженные стрельбой лягушки.

Мы лежали под кустом орешника, и лейтенант Герасимов, отмахиваясь от комаров сломленной веткой, неторопливо рассказывал о себе. Я передаю этот рассказ так, как мне удалось его запомнить.

— До войны работал я механиком на одном из заводов Западной Сибири. В армию призван девятого июля прошлого года. Семья у меня — жена, двое ребят, отец-инвалид. Ну, на проходах, как полагается, жена и плакала, и напутствие сказала: «Защищай родину и нас крепко. Если понадобится — жизнь отдай, а чтобы победа была нашей». Помню, засмеялся я тогда и говорю ей: «Кто ты мне есть, жена или семейный агитатор? Я сам большой, а что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!»

Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: «Смотри, — говорит, — Виктор, фамилия Герасимовых — это не простая фамилия. Ты — потомственный рабочий; прадед твой еще у Строганова работал; наша фамилия сотни лет железо для родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным. Власть — твоя, она тебя командиром запаса до войны держала, и должен ты врага бить крепко».

«Будет сделано, отец».

По пути на вокзал забежал в райком партии. Секретарь у нас был какой-то очень сухой, рассудочный человек... Ну, думаю, уж если жена с отцом меня на дорогу агитировали, то этот вовсе спуска не даст, двинет какую-нибудь речугу на полчаса, обязательно двинет! А получилось все наоборот. «Садись, Герасимов, — говорит мой секретарь, — перед дорогой посидим минутку по старому обычаю».

Посидели мы с ним немного, помолчали, потом он встал, и вижу — очки у него будто бы отпотели... Вот, думаю, чудеса какие нынче происходят! А секретарь и говорит: «Все ясно и понятно, товарищ Герасимов. Помню я тебя еще вот таким, лопухим, когда ты пионерский галстук носил, помню затем комсомольцем, знаю и как коммуниста на протяжении десяти лет. Иди, бей гадов беспощадно! Парторганизация на тебя надеется». Первый раз в жизни расцеловался я со своим секретарем, и, черт его знает, показался он тогда мне вовсе не таким уж сухарем, как раньше...

И до того мне тепло стало от этой его душевности, что вышел я из райкома радостный и взволнованный.

А тут еще жена развеселила. Сами понимаете, что провожать мужа на фронт никакой жене не весело; ну, и моя жена, конечно, тоже растерялась немного от горя, все хотела что-то важное сказать, а в голове у нее сквозняк получился, все мысли вылетели. И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и быстро так говорит:

«Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фрон-

те». — «Что ты, — говорю ей, — Надя, что ты! Ни за что не простужусь. Там климат отличный и очень даже умеренный». И горько мне было расставаться, и веселее стало от милых и глупеньких слов жены, и такое зло взяло на немцев. Ну, думаю, тронули нас, вероломные соседи, — теперь держитесь! Вколем мы вам по первое число!

Герасимов помолчал несколько минут, прислушиваясь к вспыхнувшей на переднем крае пулеметной перестрелке, потом, когда стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась, продолжал:

— До войны на завод к нам поступали машины из Германии. При сборке, бывало, раз по пять ощупаю каждую деталь, осматриваю ее со всех сторон. Ничего не скажешь — умные руки эти машины делали. Книжки немецких писателей читал и любил и как-то привык с уважением относиться к немецкому народу. Правда, иной раз обидно становилось за то, что такой трудолюбивый и талаптливыи народ терпит у себя самый паскудный гитлеровский режим, но это было в конце концов их дело... Потом началась война в Западной Европе...

И вот еду я на фронт и думаю: техника у немцев сильная, армия — тоже ничего себе. Черт возьми, с таким противником даже интересно подраться и наломать ему бока. Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты. Признаться, особой честности я от этого противника не ждал, какая уж там честность, когда имеешь дело с фашизмом, но никогда не думал, что придется воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия Гитлера. Ну, да об этом после...

В конце июля наша часть прибыла на фронт. В бой вступили двадцать седьмого рано утром. Сначала, в повинку-то, было страшновато малость. Минометами сильно они нас одолевали, но к вечеру освоились мы немного и дали им по зубам, выбили из одной деревушки. В этом же бою захватили мы группу, человек в пятнадцать, пленных. Помню как сейчас: привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к тому времени остыли от боя, и вот каждый тащит пленным все, что может: кто — котелок щей, кто табаку или папирос, кто чаем угощает. По спинам их похлопывают, «камрадами» называют: за что, мол, воюете, камрады?..

А один боец-кадровик смотрел-смотрел на эту трогательную картину и говорит: «Слюни вы распустили с этими «друзьями». Здесь они все камрады, а вы бы посмотрели, что эти камрады делают там, за линией фронта, и как они с нашими ранеными и мирным населением обращаются». Сказал, словно ушат холодной воды на нас вылил, и ушел.

Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись... Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки...

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изнасиловали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники... Лицо ее было страшно изрублено тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как иступленный, шептал: «Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы». Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было неподалеку от Ружина. А около Сквиры в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках? Ну, вот так примерно выглядело это место... На ветвях деревьев, росших по оврагу, висели окровавленные туловища, без рук, без ног, со снятой до половины кожей... Отдельной кучей было свалено на дне оврага восемь человек убитых. Там нельзя было понять, кому из замученных что принадлежит, лежала просто куча крупно нарубленного мяса, а сверху — стопкой, как наваленные одна на другую тарелки, — восемь красноармейских пилоток...

Вы думаете, можно рассказать словами обо всем, что пришлось видеть? Нельзя! Нет таких слов. Это надо видеть самому. И вообще хватит об этом! — Лейтенант Герасимов надолго умолк.

— Можно здесь закурить? — спросил я его.

— Можно. Курите в руку, — охрипшим голосом ответил он.

И, закурив, продолжал:

— Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на все, что творили фашисты, да иначе и не могло быть. Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками. Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей. Потом мы снова отступали, но дрались как черти!

В моей роте почти все бойцы были сибиряки. Однако украинскую землю мы защищали прямо-таки отчаянно. Много моих земляков погибло на Украине, а фашистов мы положили там еще больше. Что ж, мы отходили, но духу им давали неплохо.

С жадностью затягиваясь папиросой, лейтенант Герасимов сказал уже несколько иным, смягченным тоном:

— Хорошая земля на Украине, и природа там чудесная! Каждое село и деревушка казались нам родными, может быть, потому, что не скупясь проливали мы там свою кровь, а кровь ведь, как говорят, роднит... И вот оставляешь какое-нибудь село, а сердце щемит и щемит, как проклятое. Жалко было, просто до боли жалко! Уходим и в глаза друг другу не глядим.

...Не думал я тогда, что придется побывать у фашистов в плену, однако пришлось. В сентябре я был первый раз ранен, но остался в строю. А двадцать первого, в бою под Денисовкой, Полтавской области, я был ранен вторично и взят в плен.

Немецкие танки прорвались на нашем левом фланге, следом за ними потекла пехота. Мы с боем выходили из окружения. В этот день моя рота понесла очень большие потери. Два раза мы отбили танковые атаки противника, сожгли и подбили шесть танков и одну бронемашину, уложили на кукурузном поле человек сто двадцать гитлеровцев, а потом они подтянули минометные батареи, и мы вынуждены были оставить высотку, которую держали с полудня до четырех часов. С утра было жарко. В небе ни облачка, а солнце палило так, что буквально нечем было дышать. Мины ложились страшно густо, и, помню, пить хотелось до того, что у бойцов губы чернели от жажды, а я подавал команду каким-то чужим, окончательно осипшим голосом. Мы перебегали по ложине, когда впереди меня разорвалась мина. Кажется, я успел увидеть столб черной земли и пыли, и это — все. Осколок мины пробил мою каску, второй попал в правое плечо.

Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и увидел, что лежу не на том месте, где упал. Гимнастерки на мне нет, а плечо наспех кем-то перевязано. Нет и каски на голове. Голова тоже кем-то перевязана, но бинт не закреплен, кончик его висит у меня на груди. Мгновенно я подумал, что мои бойцы тащили меня и на ходу перевязали, и я надеялся увидеть своих, когда с трудом поднял голову. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я увидел их очень отчетливо, как в хорошем кино. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было

оружия: ни нагана, ни винтовки, даже гранаты не было. Планшетку и оружие кто-то из наших снял с меня.

«Вот и смерть», — подумал я. О чем я еще думал в этот момент? Если вам это для будущего романа, так напишите что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа, понятно? Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался, и ужасно боялся, что вот сейчас опять упаду и они меня заколют лежащего. Ни одного лица я не помню. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись, и один из них махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошел. Все лицо у меня было в засохшей крови, из раны на голове все еще бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я все же шел...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шел — значит, я был жив и мог еще действовать. Ох, как меня томила жажда! Во рту у меня спеклось, и все время, пока мои ноги шли, перед глазами колыхалась какая-то черная штора. Я был почти без сознания, но шел и думал: «Как только напьюсь и чуточку отдохну — убегу!»

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Все это были бойцы соседней части. Из нашего полка я угадал только двух красноармейцев третьей роты. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он приказал: «Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел.

Лейтенант медленно прошел перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: «Юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но смуглые лицом и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Потом нас наспех обыскали и отобрали бумажники и все, что было из личных вещей. Я никогда не носил партбилета в бумажнике, боялся потерять; он был у меня во внутреннем кармане брюк, и его при обыске не нашли. Все же человек — удивитель-

ное создание: я твердо знал, что жизнь моя — на волоске, что если меня не убьют при попытке к бегству, то все равно убьют по дороге, так как от сильной потери крови я едва ли мог бы идти наравне с остальными, но когда обыск кончился и партбилет остался при мне, я так обрадовался, что даже про жажду забыл!

Нас построили в походную колонну и погнали на запад. По сторонам дороги шел довольно сильный конвой и ехали человек десять немецких мотоциклистов. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел, потому что знал, что, если пролежу лишнюю минуту и колонна пройдет, меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стона, иногда даже вскрикивая от боли. Прошли с километр, и тут он громко сказал:

— Нет, не могу. Прощайте, товарищи! — и сел среди дороги.

Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

И вот уже вижу речку, разрушенный мост и грузовую машину, застрявшую сбоку переезда, и тут падаю вниз лицом. Потерял ли я сознание? Нет, не потерял. Я лежал, протянувшись во весь рост, во рту у меня было полно пыли, я скрипел от ярости зубами, и песок хрустел у меня на зубах, но подняться я не мог. Мимо меня шагали мои товарищи. Один из них тихо сказал: «Вставай же, а то убьют!» Я стал пальцами раздирать себе рот, давить глаза, чтобы боль помогла мне подняться...

А колонна уже прошла, и я слышал, как шуршат колеса подъезжающего ко мне мотоцикла. И все-таки я встал! Не оглядываясь на мотоциклиста, качаясь, как пьяный, я заставил себя догнать колонну и пристроился к задним рядам. Проходившие через речку немецкие танки и автомашины взмутили воду, но мы пили ее, эту коричневую теплую жижу, и она казалась нам слаще самой хорошей ключевой воды. Я намочил голову и плечо. Это меня очень освежило, и ко мне вернулись силы. Теперь-то я мог идти в надежде, что не упаду и не останусь лежать на дороге...

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колон-

на средних немецких танков. Они двигались нам навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали эту картину, что-то орали высунувшимся из люков танкистам и размахивали руками. Потом снова построили нас и погнали сбоку дороги. Веселые люди, пичего не скажешь...

В этот вечер и ночью я не пытался бежать, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови, да и охраняли нас строго, и всякая попытка к бегству наверняка закончилась бы неудачей. Но как проклинал я себя впоследствии за то, что не предпринял этой попытки! Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать через всю деревню рысью. Надо же было унижить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли. К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных.

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Нас сдали охране лагеря, и те прикладами винтовок загнали нас за огороду. Сказать, что этот лагерь был адом, — значит ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все.

Иной день совсем забывали что-либо дать...

Дня через два пошли сильные дожди. Грязь в лагере растолкли так, что бродили в ней по колено. Утром от намочших людей шел пар, словно от лошадей, а дождь лил не переставая... Каждую ночь умирало по несколько десятков человек. Все мы слабели от недоедания с каждым днем. Меня вдобавок мучили раны.

На шестые сутки я почувствовал, что у меня еще сильнее заболело плечо и рана на голове. Началось нагноение. Потом появился дурной запах. Рядом с лагерем были колхозные конюшни, в которых лежали тяжелораненые красноармейцы. Утром я обратился к унтеру из охраны и попросил разрешения обратиться к врачу, который, как сказали мне, был при раненых. Унтер хорошо говорил по-русски. Он ответил: «Иди, русский, к своему врачу. Он немедленно окажет тебе помощь».

Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конечный человек. Худой до изнеможения, измученный, он был уже полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их из ран пальцами и палочками... Тут же лежала груда умерших пленных, их не успевали убирать.

«Видели? — спросил у меня врач. — Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери — свежая зола».

Я так и сделал. Унтер встретил меня у входа, широко улыбаясь. «Ну как? О, у ваших солдат превосходный врач! Оказал он вам помощь?» Я хотел молча пройти мимо него, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и в голову. Бил до тех пор, пока не устал.

Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил?

До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом — по центнеру. Силенка была, не жаловался, к тому же вообще организм у меня здоровый, но главное — это то, что не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!

Из этого лагеря, который являлся как бы распределительным, меня перевели в другой лагерь, находившийся километрах в ста от первого. Там все было так же устроено, как и в распределительном: высокие столбы, обнесенные колючей проволокой, ни навеса над головой, ничего. Кормили так же, но изредка вместо сырого проса давали по кружке вареного гнилого зерна или же втаскивали в лагерь трупы издохших лошадей, предоставляя пленным самим делить эту падаль. Чтобы не умереть с голоду, мы ели — и умирали сотнями... Вдобавок ко всему в октябре наступили холода, беспрестанно шли дожди, по утрам были заморозки. Мы жестоко страдали от холода. С умершего

красноармейца мне удалось снять гимнастерку и шинель. Но и это не спасало от холода, а к голоду мы уже привыкли...

Стерегли нас разжиревшие от грабежей солдаты. Все они по характеру были сделаны на одну колодку. Наша охрана на подбор состояла из отъявленных мерзавцев. Как они, к примеру, развлекались: утром к проволоке подходит какой-нибудь ефрейтор и говорит через переводчика:

«Сейчас раздача пищи. Раздача будет происходить с левой стороны».

Ефрейтор уходит. У левой стороны огорожи толпятся все, кто в состоянии стоять на ногах. Ждем час, два, три. Сотни дрожащих, живых скелетов стоят на пронизывающем ветру... Стоят и ждут.

И вдруг на противоположной стороне быстро появляются охранники. Они бросают через проволоку куски нарубленной конины. Вся толпа, понукаемая голодом, шарахается туда, около кусков измазанной в грязи конины идет свалка...

Охранники хохочут во все горло, а затем резко звучит длинная пулеметная очередь. Крики и стоны. Пленные отбегают к левой стороне огорожи, а на земле остаются убитые и раненые... Высокий обер-лейтенант — начальник лагеря — подходит с переводчиком к проволоке. Обер-лейтенант, еле сдерживаясь от смеха, говорит:

«При раздаче пищи произошли возмутительные беспорядки. Если это повторится, я прикажу вас, русских свиней, расстреливать беспощадно! Убрать убитых и раненых!» Гитлеровские солдаты, толпящиеся позади начальника лагеря, просто помирают со смеху. Им по душе «остроумная» выходка их начальника.

Мы молча вытаскиваем из лагеря убитых, хороним их неподалеку, в овраге... Били и в этом лагере кулаками, палками, прикладами. Били так просто, от скуки или для развлечения. Раны мои затянулись, потом, наверное, от вечной сырости и побоев, снова открылись и болели нестерпимо. Но я все еще жил и не терял надежды на избавление... Спали мы прямо в грязи, не было ни соломенных подстилок, ничего. Собьемся в тесную кучу, лежим. Всю ночь идет тихая возня: зябнут те, которые лежат на самом низу, в грязи, зябнут и те, которые находятся сверху. Это был не сон, а горькая мука.

Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: «Как же я уйду отсюда?» Вот когда я

проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег, спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец было объявлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожили. У каждого проснулась надежда, хоть слабая, но все-таки надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы услышали орудийный гул. Все вокруг меня зашевелились. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал:

— Товарищи, наши наступают!

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, которые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышался горячий шепот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже... я тоже... — прерывающимся голосом быстро проговорил лейтенант Герасимов и умолк на минуту, но затем, овладев собой, продолжал уже спокойнее: — У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Кто-то слабым голосом запел «Интернационал», мы подхватили тонкими, скрипучими голосами. Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: «Лежать!» Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Фашисты могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу.

Мне не удалось в ту ночь дослушать рассказ лейтенанта Герасимова. Его срочно вызвали в штаб части. Но через несколько дней мы снова встретились. В землянке пахло плесенью и сосновой смолой. Лейтенант сидел на скамье согнувшись, положив на колени огромные кисти рук со скрещенными пальцами. Глядя на него, невольно я подумал, что это там, в лагере для военнопленных, он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать...

— Вы спрашиваете, как мне удалось бежать? Сейчас расскажу. Вскоре после того как услышали мы ночью орудийный гул, нас отправили на работу по строительству укреплений. Морозы сменились оттепелью. Шли дожди. Нас гнали на север от лагеря. Снова было то же, что и вначале: истощенные люди падали, их пристреливали и бросали на дороге...

Впрочем, одного унтер застрелил за то, что он на ходу взял с земли мерзлую картофелину. Мы шли через картофельное поле. Старшина по фамилии Гончар, украинец по национальности, поднял эту проклятую картофелину и хотел спрятать ее. Унтер заметил. Ни слова не говоря, он подошел к Гончару и выстрелил ему в затылок. Колонну остановили, построили. «Все это — собственность германского государства, — сказал унтер, широко поводя вокруг рукой. — Всякий из вас, кто самовольно что-либо возьмет, будет убит».

В деревне, через которую мы проходили, женщины, увидев нас, стали бросать нам куски хлеба, печеный картофель. Кое-кто из наших успел поднять, остальным не удалось: конвой открыл стрельбу по окнам, а нам приказано было идти быстрее. Но ребята — бесстрашный народ, они выбегали за несколько кварталов вперед, прямо на дорогу клали хлеб, и мы подбирали его. Мне досталась большая вареная картофелина. Разделили ее пополам с соседом, съели с кожурой. В жизни я не ел более вкусного картофеля!

Укрепления строились в лесу. Немцы значительно усилили охрану, выдали нам лопаты. Нет, не строить им укрепления, а разрушать я хотел.

В этот же день перед вечером я решил: вылез из ямы, которую мы рыли, взял лопату в левую руку, подошел к охраннику... До этого я приметил, что остальные немцы находятся у рва и, кроме этого, какой наблюдал за нашей группой, поблизости никого из охраны не было.

— У меня сломалась лопата... вот посмотрите, — бормотал я, приближаясь к солдату. На какой-то миг мелькнула у меня мысль, что если не хватит сил и я не свалю его с первого удара, — я погиб. Часовой, видимо, что-то заметил в выражении моего лица. Он сделал движение плечом, снимая ремень автомата, и тогда я нанес удар лопатой ему по лицу. Я не мог ударить его по голове, на нем была каска. Силы у меня все же хватило, немец без крика запрокинулся навзничь.

В руках у меня автомат и три обоймы. Бегу! И тут-то оказалось, что бегать я не могу. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле потрусил рысцой. За оврагом лес был гуще, и я стремился туда. Уже не помню, сколько раз падал, вставал, снова падал... Но с каждой минутой уходил все дальше. Всхлипывая и задыхаясь от усталости, пробирался я по чаще на той стороне холма, когда далеко сзади застучали очереди автоматов и слышался крик. Теперь поймать меня было нелегко.

Приближались сумерки. Но если бы немцы сумели напасть

на мой след и приблизиться, только последний патрон я приберег бы для себя. Эта мысль меня ободрила, я пошел тише и осторожнее.

Ночевал в лесу. Какая-то деревня была от меня в полукилометре, но я побоялся идти туда, опасаясь нарваться на немцев.

На другой день меня подобрала партизаны. Недели две я отлеживался у них в землянке, окреп и набрался сил. Вначале они относились ко мне с некоторым подозрением, несмотря на то что я достал из-под подкладки шинели кое-как зашитый мною в лагере партбилет и показал им. Потом, когда я стал принимать участие в их операциях, отношение ко мне сразу изменилось. Еще там открыл я счет убитым мною фашистам, тщательно веду его до сих пор, и цифра помаленьку подвигается к сотне.

В январе партизаны провели меня через линию фронта. Около месяца пролежал в госпитале. Удалили из плеча осколок мины, а добытый в лагерях ревматизм и все остальные недуги буду залечивать после войны. Из госпиталя отпустили меня домой на поправку. Пожил дома неделю, а больше не мог. Затосковал, и все тут! Как там ни говори, а мое место здесь до конца.

Прощались мы у входа в землянку. Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

— ...И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком; знаете, как это говорится: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», — а вот у нас они виражены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю, — закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейте-

нанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался.

1942 год

Мариэтта ШАГИНЯ

УРАЛ В ОБОРОНЕ

Мастер Попов Михаил Федорович — человек замечательный на Уралмаше. Его блестящая борьба за высшие рекорды в производстве чрезвычайно поучительна. Это — подлинный герой-патриот, это — пламенный и вдохновенный боец за высшие формы стахановского труда. Он — пример для очень многих мастеров и рабочих не только своего завода, но и для стахановцев других заводов нашей страны.

Коренастый, полный молодого здоровья, жизнерадостный, с пронизательными маленькими глазами, с застывшей улыбкой на упрямых губах, чистоплотный, опрятный, он, очевидно, тщательно следит за собой, постоянно себя проверяет, не распускается и умненько наблюдает и изучает других. Видно, что он всегда осторожен и «себе на уме». Охотник поговорить и рассказать о своих переживаниях, он как будто сам посмеивается над собой. И когда смеется, обязательно прижимает руку ко рту, точно хочет спрятать свой смех от других. Он — комсомолец, ему — 25 лет, вырос он на этом заводе и считает его родным.

И всегда бывало: как только нужно было сделать ту или иную сложную работу, обращались к нему за помощью:

— Ну, выручай, Михаил!..

В дни Отечественной войны, когда завод получил ряд срочных и сложных заказов, нужно было приступить к выпуску новых машин для фронта. Машину эту делали за 36 часов. Теперь же нужно было выпускать ее за 16 часов.

В ходе борьбы за этот невиданный рекорд устранялся целый ряд недостатков и непредвиденных задержек.

Мастер Попов, комсомолец, сын своей Родины — вдохновенный боец, замечательный воин производства. Он охвачен одной

неугасимой мыслью: завоевать время, как можно скорее и сильнее вооружать нашу Красную Армию неотразимой и сокрушительной техникой. Он мучительно страдает от малейших помех, которые тормозят выпуск боевой машины. Лишний час промедления — это значит ослабить силу сопротивления наших воинов, потому что эти часы могут толпиться угрожающим «хвостом» и превратиться в сутки, в недели. А это значит лишить фронт целой колонны машин. Мастер Попов не может допустить этого. Смотрите, какой он совершил подвиг: от мирных 36 часов, от 16 военных довести плотность времени до 3 часов!

Народ, который создал не одно поколение таких людей, не может быть побежден, сколько бы ни рвался кровавый Гитлер к захвату наших областей и городов. Такой народ умеет давать отпор, умеет драться, умеет отстаивать свою свободу, умеет чудесно жить и прекрасно умирать. Гитлер не знает, с кем имеет дело: наш народ непобедим, а бешеный фашизм «лопнет, испускающая отвратительное зловоние».

...Особенно крепко сдружились на фронте с теми, кто готовит в тылу вооружение. Дружба с фронтом не даром дается, это высокая, большая честь, и ее заслуживают высоким, большим трудом.

Старший лейтенант артиллерийского полка И. И. Страхов прочитал в «Правде» про девушку Шуру Лунева. Семнадцатилетняя Шура Лунева, потерявшая отца на фронте, тоже причастна к артиллерийскому делу. В далеком уральском городе, в особом цехе боеприпасов, она стоит на выделке грозного для врага «гостинца». Дело у нее хоть и не очень сложное — одна операция: вырезать на предмете канавку под ведущий пояс, — но оно требует особой точности. Это работа пятого класса, допуску в ней до одной сотой миллиметра, и обычно, подставляя предмет под инструмент, проверяют установку проверочным калибром. Но Шура Лунева делает всю операцию на глаз. Руки и нервы ее привыкли к абсолютной, полной уверенности в своих силах. Она доверяет себе больше, чем любому калибру. Почти машинальными, уже не требующими затраты сознания жестами она подставляет снаряд, пускает и останавливает свой станок — и готов желобок. Развивая внутреннюю точность, заменяя уверенным жестом всю процедуру проверки, Лунева освобождает лишнее время и выгадывает на расходе внимания. Как пианист, научившийся играть не глядя на ноты, играть по памяти, она цельнее, качественно лучше, полнее ощущает всю операцию и проводит ее абсолютно без брака, от которого (при неуверенности в себе) не всегда спасает и ежеминутная проверка.

Старший лейтенант прочел обо всем этом, задумался о собственной работе артиллериста, тоже требующей особой точности, и написал Шуре письмо — деловое. Поделился мыслями — как бы мост построил между выделкой грозного снаряда и его вылетом, — письмо одного работника Отечества к другому.

И еще один рассказ о дружбе.

На одном из старейших уральских заводов работает сталеваром молодой татарин Нурулла Базетов, работает так хорошо, что о нем написали в газете.

Газету прочитал на далеком Юго-Западном фронте красноармеец-узбек Разимат Усманов. Оба эти человека друг друга не знали, и трудно сказать, что именно потянуло Усманова к Базетову, а не к любому другому стахановцу. Вернее всего — Урал, Восток, возможность заговорить с интонацией родного тебе языка.

«Я даже не знаю, как вас зовут по имени и отчеству и молодой ли вы, как я, или старик, как мой отец, или есть у вас дети, или нет, — писал Усманов с фронта сталевару Базетову. — Если пожелаете, наладим переписку. О себе я могу сообщить, что я так же, как и вы, стараюсь делать свое дело скоростными методами. Вы плавите сталь, а я истребляю фашистов. Я косил их на всем пути от Перемышля до Киева и от Киева до пункта, на котором закончилось наше отступление и от которого теперь идем в обратный путь на запад. Выкосил много, всех не упомнишь».

Нурулла Базетов взволновался от этого письма. Ему писал близкий человек, потому что только близкие люди спросят о детях так, как это сделал Усманов. Татарин Нурулла после своего дела и своих мартенов крепче всего любит жену Фатиму и детей — Шавкара, Решипа, Фарита и Светлану. Он тотчас ответил Разимату Усманову:

«Вы мне дороже и ближе самого лучшего друга. Мне тридцать три года, из них пятнадцать лет я работаю на производстве. План прошлого, 1941 года мною выполнен 19 октября, и несколько тысяч тонн стали я выплавил сверх годового плана. Пусть наш уральский металл как можно скорее зальет глотку всей фашистской нечисти».

Так родилось замечательное содружество этих двух людей тыла и фронта. В День Красной Армии Базетов становится на вахту и снимает с квадратного метра пода печи одиннадцать с половиной тонн высококачественной стали. Разимат Усманов не отстает от друга. Он начинает вести счет скошенным его пулеметом фашистам, счет переваливает за сотню. И опять

необычные друзья пишут друг другу — тоном и формой восточной, пышной, поэтической речи, передающей родную, тысячелевовую интонацию народов Востока:

«Только тогда отойду от печи отдыхать, когда скажут: Базетов, война кончилась. Родина наша свободна от фашистов, бери отпуск!»

«Только тогда выпущу пулемет из рук, когда перестанет биться сердце или мне скажут: ну, Разимат, поднимайся от пулемета, все фашисты, забравшиеся на нашу землю, уничтожены!»

Высокий эпический язык этой дружбы породила у нас оборона Родины.

1942 год

Борис ГОРБАТОВ

ПЯДЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Товарищ!

Задумывался ли ты когда-нибудь над этими простыми словами: «пядь родной земли»?

Мы стоим сейчас в большом и протяженном селе, половина его — наша, половина — немецкая, церковь, разрушенная снарядом, — ничья.

Давно уже нет жителей в этом селе, и хаты побиты рикошетами, и огороды ископаны воронками, и улицы днем пустынные; только пули ходят по селу, стучатся о ставни да бойцы изредка перебегают от хаты к хате, прижимаясь к плетням.

Но каждую ночь на огороде, на нашем краю села, появляется эта женщина с тяткой. Никто не знает, где прячется она днем, откуда приходит почью. Ей сурово говорят бойцы: «Эй, тетка, ты зачем тут?» — а она молча показывает на огороды. Там, наперекор войне, серебрится капуста, буйно цветет картошка, тянутся к небу три подсолнуха.

И всю ночь напролет ползет по огороду эта женщина, пропалывает грядки, и стук ее тятки тонет в артиллерийском громе. Иногда над ее огородом, свистя, пролетает снаряд или мина и рвется где-нибудь неподалеку. Тогда женщина всем телом прижимается, прикидается к земле и лежит, обняв грядку руками, словно хочет своим телом прикрыть и спасти дрожащие листья

капусты. А когда пыль рассеивается, женщина снова начинает возиться на огороде — ползком, ощупью пропалывает грядки, бережно расправляет листочки, побитые осколками, охаживает каждый кустик, словно ребенка, раненного бомбой, — и кровь раздавленных помидоров на ее руках.

Так всю ночь работает она на огороде — на крохотной пяди советской земли, а когда забрезжит рассвет, и на востоке дрогнет алая полоска зари, и поползут по небу солнечные штыки лучей, — подымается женщина. Распрямляет усталую спину. И, откинув со лба седую мокрую прядь, стоит, опершись о тяпку, и смотрит на запад — над западом еще клубятся ночные тучи. Так стоит она долго, прислушивается к артиллерийскому грому, и в глазах ее, товарищ, столько тоски и горя, что тяжело в эти глаза смотреть. Губы ее шевелятся. Что они шепчут? Молитвы, проклятья, заклинания?

А я гляжу на эту женщину, на ее седые виски, на морщинки под глазами и думаю: велика наша страна и широки ее просторы, а стоит нашей роте отступить на один шаг, на одну пядь, и пропал огород этой женщины, враги его растопчут.

И тогда я оборачиваюсь назад, и там, за холмами и рекой, угадываю село, куда нас, бывало, отводили на отдых.

Ты знаешь эти прифронтовые села, товарищ. Ты знаешь там каждую хату, и хозяев их, и семейные фотографии в рамках из ракушек, и историю каждой фотографии, и нарисованные масляными красками дешевые коврики на стене, и что на них нарисовано. Ты приходил в эти хаты со своими товарищами: пыльный, грязный, усталый, ты стучался у порога, словно пришел домой на побывку.

И женщины встречали тебя, как сына и брата.

— Все живы-здоровы? — тревожно спрашивали они. — А где Вася, что ночевал у нас прошлый раз?

— Вася ранен.

— Ой! Сильно?

— Нет! — утешал ты. — Воевать будет! — И спрашивал в свою очередь: — А у вас? Письма были от вашего?

И тебе показывали письма, и ты читал их вслух, солдатские, простые, беглым карандашом написанные письма, такие, как ты сам пишешь домой.

А потом тебя радостно вели в хату. Вся вода хуторских колодцев обрушивалась на тебя, чтобы смыть походную пыль. Все перины, подушки, заветные наволочки с кружевами, невестины простыни вытаскивались из сундуков, чтобы служить тебе. На резную деревянную кровать клали тебя, как самого дорогого

гостя. И пока ты спал, женщины стирали твою соленую от пота рубашку и тихо, чтобы не разбудить тебя, грустно пели.

— Вот и наш так где-то воюет! — вздыхали женщины и показывали тебе карточку «нашего» в рамочке из ракушек.

И с этой карточки глядело на тебя незнакомое и как будто очень знакомое лицо, словно это был товарищ из соседнего взвода: такая же пилотка, сдвинутая на правое ухо, тот же расейский нос, и честные, простецкие глаза, и веснушки как звезды... И за долгие месяцы войны стали тебе эти прифронтовые села второй родиной, и старушка в подслеповатой хате — словно вторая мать, и дивчата — как сестры, и босоногие синеглазые ребятишки — точно родные дети. И не раз, глядя на них, думал ты растроганно: «Вот и мои где-то так...»

Но стоит тебе и твоей роте, товарищ, отступить на один шаг, одну пядь нашей земли отдать врагу — и фашист ворвется в это село, чтобы грабить, жечь и убивать. У знакомого плетня, под вишнями, он расстреляет старушку за сына-красноармейца; знакомую тебе карточку в рамочке из ракушек, озоруя, изрежет пулями; дивчат, которых ты целомудренно звал сестрами, изнасилует; босоногих ребят, твоих приятелей, продаст в рабство; село разорит, испакостит и взберется с грязными солдатскими сапогами на резную деревянную кровать — на твою кровать, товарищ! — чтоб сыто храпеть среди чужого ему горя, слез и стонов.

На Дон я гляжу теперь, на тихий и вольный Дон, и там, в дыму и пламени, вижу Ростов, многострадальный Ростов, славу нашего фронта.

Забыл ли ты Ростов, товарищ, и ноябрьские дни, и лед на донских переправах, и виселицы в Ростове, и над тротуарами синие ноги повешенных? Забыл ли ты, как встречали нас, избавителей, мученики Ростова, и как бежали немцы, и вкус и запах победы, и сияние воинского счастья?

А мне вспоминается старушка в ветхой шубенке. Как бежала она за нами по тротуару, как, задыхаясь, кричала: «Деточки! Деточки!» — и, добежав, сунула мне в руку какую-то баночку.

— Что это? — удивленно спросил я.

Но она ничего не могла объяснить, только повторяла:

— Деточки! Деточки!

И я взял эту баночку — пузатую, какого-то старомодного вида, теперь не делают таких, — и на ней увидел ярлык. Старческим, аккуратным почерком было написано: «Гусиный жир. Смазывать в морозы нос, щеки и лоб».

Спасибо, бабушка! Мои ребята до дна использовали твою

баночку. Гусиный ли жир, твоя ли материнская ласка согрели нас, но зимой у нас обмороженных не было.

И теперь, когда я вижу, как горит Ростов, мне вспоминается эта старушка, похожая на мою мать. Как бежала она за нами... Как крестила нас вслед мелкими-мелкими крестиками... И провожала долгим взглядом. А мы уходили по таганрогскому шоссе, навстречу новым боям.

Да, товарищ, велика наша Родина и широки ее просторы, но нет у нас клочка земли нелюбимого, пяди земли недорогой. Здесь каждый вершок полит кровью отцов и дедов, соленым, трудовым потом, горячей слезой. И на каждом клочке живут и трудятся родные люди. И за каждый вершок земли больно. И за каждый пустырь охота драться. И за каждое село глотку готовы мы перегрызть врагу.

Оглянись назад, товарищ, — родные села за твоей спиной, привольные донские степи, кубанские пшеничные просторы, и снежные гребни Кавказа, и черные вышки Баку... Ни шагу назад, товарищ! Ни пяди врагу! Ни пяди!

Июль 1942 года

Борис ПОЛЕВОЙ

В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЕ

Пароль — смерть нацистам. Внизу под крылом самолета медленно плывет темная, плотно окутанная синим сумраком летней ночи земля. Изредка блеснет на ней извилина маленькой речки, тускло, как рыба чешуя, сверкают затянутые туманом болотца. И снова ровная, непроглядная тьма, лишенная каких бы то ни было земных ориентиров. Но летчик Петр Иовлев каким-то особым чутьем, шестым чувством пилота угадывает приближение линии фронта. Самолет начинает круто набирать высоту и, достигнув своего потолка, с приглушенным мотором, почти планируя, продолжает бесшумно скользить вперед. И все же немцы нас заметили. Как красные ракеты, потянулись к нам снизу очереди снарядов автоматических зениток, ночь засверкала бисером трассирующих пуль, и близкие разрывы несколько раз встряхнули самолет.

Но немцы опоздали. Линия фронта осталась позади. Самолет

резко переменял курс и на заре, сделав несколько осторожных кругов, приземлился на просторной и пустынной лесной поляне, обрамленной со всех сторон высокими и стройными елями.

Пустынной — это только так показалось. Из глубины леса за нами наблюдали десятки настороженных внимательных глаз, за кустами чувствовалось шевеление, наконец, откуда-то из глубины леса хрипловатый голос спрашивает:

— Кто?

— Свои.

— Пароль?

— Смерть нацистам.

Резкий свист раздается в лесу. Лес ожил. Со всех сторон к самолету бегут пестро одетые загорелые люди с винтовками и автоматами в руках, с пистолетами, заткнутыми за пояс, с гранатами, торчащими из карманов. Эти суровые, закаленные в лесных битвах люди рады, как дети, прибытию советских людей оттуда, из-за линии фронта, с «Большой земли». Они обнимают нас, жмут нам руки, задают нам десятки вопросов и тут же жадно развертывают привезенные нами свежие газеты. Потом сквозь толпу к нам пробивается высокий широкоплечий партизан, с голым черепом и огромной курчавой седеющей бородой. Он целует каждого из нас со щеки на щеку и радушно говорит:

— Поздравляю с благополучным прибытием в нашу партизанскую сторону.

Партизанская сторона. Так зовут здесь этот обширный край, находящийся в глубоком тылу немецких войск и включающий в себя свыше 600 селений и поселков. Немецкие войска ворвались сюда еще в октябре прошлого года. Они прошли по этим местам, как орды современных гуннов, опустошая все на своем пути, сжигая и уничтожая то, что нельзя было разграбить и унести с собой; грудями угля на месте деревень и безымянными могилами у дорог отмечен их путь. Когда фронт отодвинулся далеко на восток к Москве, в глубоком тылу немецких армий возникло и стало действовать много партизанских отрядов. Сначала они действовали робко, сидели в лесах, совершали налеты на мелкие немецкие колонны. Но когда немцы, истекавшие под Москвой кровью, оттянули туда свои резервы, а партизанские отряды накопили боевой опыт, вооружились трофейным оружием и выросли в крупные боевые единицы, в тылу у немцев развернулась настоящая народная война.

На вооружении у партизан появились не только ружья и гранаты, но и автоматы, пулеметы, минометы, противотанковая

и даже полевая артиллерия. Все это трофейное, отбитое у немцев. Все это отлично служит партизанам в борьбе с гитлеровцами. Отряды по-прежнему сохраняют свою партизанскую тактику. Главным оружием их является внезапность, маневренность, умение выбирать местность для нападения. Но масштаб их операций изменился, выросли и задачи, которые ставят перед собой партизаны. Теперь, взаимодействуя с частями Красной Армии, они держат под контролем важнейшие немецкие коммуникации, нападают на марши, на вражеские роты и батальоны, дают им настоящий бой, обращают их в бегство и часто уничтожают совсем. В январе отряды стали нападать на немцев и в их собственных логовах. Они атакывали немецкие гарнизоны, освобождая от врагов деревни, села, целые поселки. Территория, очищенная от немцев, росла, группы освобожденных селений сливаются между собой. Так далеко за линией фронта в глубоком немецком тылу образовалась эта замечательная партизанская сторона — обширный советский район, где люди живут по советским законам, свято хранят советские порядки, куда не смеет ступить нога фашистского завоевателя.

На трофейной немецкой штабной квадратной машине, которую партизаны называют сундуком, мы едем с товарищем Никоном по селениям партизанской стороны. Этот живой, веселый, очень общительный человек, в недавнем прошлом агроном-селекционер, а сейчас — командир крупнейшего в партизанской стороне отряда, за голову которого немцы назначили 45 тысяч марок премии, весело рассказывает:

— При немцах тут не было ни школ, ни больниц. Ни одно предприятие не работало, ни один магазин не торговал. Пустыня. Я уж не говорю о библиотеках, избах-читальнях. Немцы тем и прославились, что как куда в новое место являются — первое дело кур ловить да книжки жечь. Но ведь на здоровом теле раны заживают быстро. И хоть мы от «Большой земли» далековато живем, хоть и фронт нас отделяет, но жизнь все-таки наладили.

Мы заходим с ним в школу, где молоденькая учительница экзаменует 12-летних малышей, которые при появлении Никона встают и приветливо ему улыбаются. Заезжаем в кустарные мастерские, работающие на полный ход, где ремонтируется трофейное оружие, в чистенькую больницу. Здесь в особой палате лежат раненые партизаны. Эта комната убрана с особой любовью, на окнах большие домашние растения. Крестьянки принесли их из своих домов, чтобы порадовать партизан. На столиках возле коек свежие букеты ландышей. Старенькая жен-

щина-врач принимает больных крестьян. Товарищ Никон показывает на нее:

— Храбрый человек. Зимой во время боев из-под огня раненых партизан на саночках вывозила. Сама была ранена.

Клуб в районном центре немцы сожгли, но перед отступлением работники клуба успели закопать в землю киноаппаратуру и несколько фильмов. И вот сейчас кино, расположившееся в просторном, разукрашенном хвоей сарае, показывает картины «Александр Невский», «Ленин в Октябре» и старый американский фильм Чарли Чаплина «Новые времена».

Телефонная связь восстановлена. Радиоприемник работает. А вот газет нет.

— Бумаги нет, — с сожалением говорит Никон. — Сначала откопали типографию и было наладили выпуск. Бумагу у населения собрали, у кого что было: у кого оберточной, у кого почтовой, у кого тетрадки. Ну и выходила газетка маленькая-маленькая. Сейчас кончилась бумага. Вот что вместо газеты выпускаем.

И он показывает на стоящую посреди площади черную классную доску, на которой мелом выписаны важнейшие сообщения из последней сводки Совинформбюро, заметка о налетах англичан на Бремен. Маленький белокурый паренек как раз в этот момент старательно, мелкими буквами, стараясь экономить место, выписывал на доску краткое изложение речи Рузвельта. А за спиной его уже стояла целая толпа народу, обычная толпа, отличающаяся разве только тем, что почти все в ней, от седобородого старца до 15-летнего школьника, были вооружены кто пистолетом, кто гранатой, кто ножом от немецкой винтовки.

По пути в партизанский отряд Никона мы заезжаем в маленькую лесную деревеньку Мамоново. На пороге одной из хат нас встречает высокая крестьянка, строго повязанная черным платком, с немолодым суровым лицом и плотно сжатыми губами. Командир партизанского отряда с уважением жмет ей руку.

— «Партизанская мать» зовем мы ее, — рекомендует он. И вот в чистой горенке за самоваром он рассказывает историю этой женщины, обычной, ничем до войны не примечательной крестьянки. Когда немцы заняли ее деревню и многие семьи колхозников ушли в лес, она осталась дома, не успела уйти, да и, как она сама говорила, не очень верила в рассказы о немецких зверствах. Она осталась с дочерью Клавдией, девушкой лет 15-ти, учившейся в восьмом классе, и 12-летним сынишкой, Петей. И вот настал страшный день, когда немцы заняли дерев-

ню. Сначала они занимались ловлей кур, гусей, поросят. Вечером вломились в магазин сельской кооперации, разграбили его, перепились. Пьяная ватага солдат ворвалась в хату колхозницы. Немцы схватили Клавдию, потащили ее с собой. Девушка отбивалась. Она ударила по физиономии рыжего немецкого ефрейтора, плюнула в лицо другому. Ефрейтор вынул парабеллум и хладнокровно застрелил ее на глазах матери. Бросившийся на выручку сестры Петя был ранен.

Ночью пожилая крестьянка с раненым сыном на руках явилась в лес, в партизанский отряд, и осталась в нем. Всю трудную зиму она прожила с партизанами, деля с ними тяжести боевой жизни. Она варила им обед, стирала, чинила одежду, ходила в разведку и вместе с ней так же храбро ходил в разведку ее сын Петя. Его и сейчас нет дома. Он лучший разведчик в отряде Никона.

В отряд мы приехали уже под вечер. Несмотря на то что командира каждый партизан хорошо знал в лицо, на опушке леса нас задержал патруль и пожилой бородатый человек, направив на нас немецкий автомат, потребовал пароль.

— Смерть нацистам, — ответил Никон, очень довольный строгостью своего патруля, и пояснил: — У нас дисциплина суровая, нельзя иначе — немец кругом.

Отряд мы застали на учении. Группами по 15—20 человек партизаны занимались. Одна группа возилась у двух пулеметов, другая окапывалась. И вдруг бросилась в глаза странная несуразность. В центре одной из групп стоял высокий коренастый человек в полной форме немецкого ефрейтора и показывал внимательно слушающим партизанам, как надо действовать трофейным минометом. Видя мое недоумение, Никон пояснил:

— Это Ганс, наш немец. Он зимой к нам приехал на паре коней и привез несколько винтовок, пулемет с лентами и еще что-то и сдался. Не хочу, говорит, воевать против вас, хочу с вами. Испытали мы его. Видим, верно, за нас. Сейчас он у нас пулеметчик, и какой пулеметчик. Сколько он немцев перебил — не счесть. А сейчас, вот видите, инструктором по трофейному оружию. А в другом отряде есть Зигфрид — тоже немец. Этот к нам пришел и с собой связанного ефрейтора приволок.

Мы знакомимся с Гансом. Он немножко уже научился говорить по-русски. Грустно покачив головой, он говорит:

— Мне жаль мой народ, который все еще идет за Гитлером. Русские, англичане, американцы — это гора. Кто пытается головой разбить гору, тот разбивает голову...

С последними лучами солнца наш самолет взмывает с лесной площадки, с тем чтобы затемно миновать линию фронта. Партизанская сторона остается далеко позади. Но долго еще мысленно остаешься в ней, в этой стороне суровых отважных людей, свято хранящих в тылу немецких войск советские законы и традиции, помогающих Красной Армии ударами с тыла по немецким войскам, рвущих жилы немецких коммуникаций, в стороне, где люди борются, умирают, но никогда не будут рабами нацистов.

6 июля 1942 года

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ОПЯТЬ В УМАНИ

Я твердо знал —
Не проживу без Умани,
Вернее — не умру, не побывав
В той яме, раскаленной как безумие,
Где не от глины южный склон кровав.
Где, выцарапав надписи предсмертные,
Гвоздями на барачных кирпичах,
Старались дотянуть хоть до рассвета мы,
Заклятья и проклятия шепча.
Смотрите! Сохранились эти надписи!
О, если бы и та моя строка,
Что продиктована желаньем радости,
Жила хоть столько лет —
Пусть не века.

А вот и женщина с заметной проседью
Тропинкою идет наискосок.
А не она ль девчонкою мне бросила
За проволоку хлебушка кусок?
Горбушка та была — такая вкусная! —
Поделена на восьмерых солдат.
Да, это Умани!
Здесь я на экскурсии
И сам застыл, как некий экспонат.

1963 год

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Ночью сибирские полки дивизии полковника Гуртьева заняли оборону. Всегда суров и строг вид завода, но можно ли найти в мире картину суровее той, что увидали люди дивизии в октябрьское утро 1942 года? Темные громады цехов, поблескивающие влагой рельсы, уже кое-где тронутые следами окиси, нагромождение разбитых товарных вагонов, горы стальных стволов, в беспорядке валяющиеся по обширному, как главная площадь столицы, заводскому двору, холмы красного шлака, уголь, могучие заводские трубы, во многих местах пробитые немецкими снарядами. На асфальтированной площадке темнели ямы, вырытые авиационными бомбами, всюду валялись стальные осколки, изорванные силой взрыва, словно тонкие лоскуты ситца. Дивизии предстояло стать перед этим заводом и стоять насмерть. За спиной была холодная, темная Волга. Ночью саперы взламывали асфальт и в каменистой почве выдалбливали кирками окопы, в мощных стенах цехов прорубали боевые амбразуры, в подвалах разрушенных зданий устраивали убежища. Полки Маркелова и Михалева обороняли завод. Один из командных пунктов был устроен в бетонированном канале, проходившем под зданиями главных цехов. Полк Сергеенко оборонял район глубокой балки, шедшей через заводские поселки к Волге. «Логом смерти» называли ее бойцы и командиры полка. Да, за спиной была ледяная, темная Волга, за спиной была судьба России. Дивизии предстояло стоять насмерть. Прошлая мировая война стоила России больших жертв и большой крови, но в первой мировой войне черная сила противника делилась между западным фронтом и восточным. В нынешней войне Россия приняла всю тяжесть удара германского нашествия. В 1941 году германские полки двигались от моря до моря. В нынешнем, 1942 году немцы всю силу своего удара сконцентрировали в юго-восточном направлении. То, что в первую войну распределялось на два фронта великих держав, что в прошлом году давило на Россию, на одну лишь Россию фронтом в три тысячи километров, нынешним летом и нынешней осенью тяжким молотом обрушилось на Сталинград и Кавказ. Но, мало того, здесь, в Сталинграде, немцы вновь заострили свое наступательное давление. Они стабилизировали свои усилия в южных и центральных частях города. Всю огневую тяжесть бесчисленных минометных батарей, тысячи орудий и воз-

душных корпусов обрушили немцы на северную часть города, на стоящий в центре промышленного района завод «Баррикады». Немцы полагали, что человеческая порода не в состоянии выдержать такого напряжения, что нет на земле таких сердец, таких нервов, которые не порвались бы в диком аду огня, визжащего металла, сотрясаемой земли и обезумевшего воздуха. Здесь был собран весь дьявольский арсенал германского милитаризма — тяжелые и огнеметные танки, шестиствольные минометы, армады пикирующих бомбардировщиков с воющими сиренами, осколочными, фугасными бомбами. Здесь автоматчиков снабдили разрывными пулями, артиллеристов и минометчиков — термитными снарядами. Здесь была собрана германская артиллерия от малых калибров противотанковых полуавтоматов до тяжелых дальнобойных пушек. Здесь бросали мины, похожие на безобидные зеленые и красные мячики, и воздушные торпеды, вырывающие ямы объемом в двухэтажный дом. Здесь ночью было светло от пожаров и ракет, здесь днем было темно от дыма горящих зданий и дымовых шашек германских маскировщиков. Здесь грохот был плотен, как земля, а короткие минуты тишины казались страшней и зловещей грохота битвы. И если мир склоняет головы перед героизмом русских армий, если русские армии с восхищением говорят о защитниках Сталинграда, то уже здесь, в самом Сталинграде, бойцы Шумилова с почтительным уважением произносят:

— Ну, что мы? Вот люди: держат заводы. Страшно и удивительно смотреть: день и ночь висит над ними туча огня, дыма, немецких пикировщиков, а Чуйков стоит.

Грозные эти слова для военного человека: направление главного удара — жестокие, страшные слова. Нет слов страшнее на войне, и, конечно, не случайно, что в хмурое осеннее утро заняла оборону у завода сибирская дивизия полковника Гуртьева. Сибиряки — народ коренастый, строгий, привыкший к холоду и лишениям, молчаливый, любящий порядок и дисциплину, резкий на слова. Сибиряки — народ надежный, кряжистый. Они-то в суровом молчании били кирками каменистую землю, рубили амбразуры в стенах цехов, устраивали блиндажи, окопы, ходы сообщения, готовя смертную оборону.

Полковник Гуртьев, сухощавый пятидесятилетний человек, в 1914 году ушел со второго курса Петербургского политехнического института добровольцем на русско-германскую войну. Он был тогда артиллеристом, воевал с немцами под Варшавой, под Барановичами, Чарторийском.

Двадцать восемь лет своей жизни посвятил полковник

военному делу, воевал и учил командиров. Два сына его лейтенантами ушли на войну. В далеком Омске остались жена и дочь-студентка. И в этот торжественный и грозный день полковник вспомнил и сыновей-лейтенантов, и дочь, и жену, и много десятков воспитанных им молодых командиров, и всю свою долгую, полную труда, спартански скромную жизнь. Да, пришел час, когда все принципы военной науки, морали, долга, которые он с суровым постоянством преподавал сыновьям своим, ученикам, сослуживцам, должны были получить проверку, и с волнением поглядывал полковник на лица солдат-сибиряков: омичей, новосибирцев, красноярцев, барнаульцев — тех, с кем сулила ему судьба отражать удары врага. Сибиряки пришли к великим рубежам хорошо подготовленными. Дивизия прошла большую школу, прежде чем выступить на фронт. Тщательно и умно, беспощадно придиричиво учил бойцов полковник Гуртьев. Он знал, что, сколь ни тяжела военная учеба — ночные учебные штурмы, утюжение танками сидящих в щелях бойцов, долгие марши, — все же во много крат тяжелее и суровее сама война. Он верил в стойкость, в силу сибирских полков. Он проверил ее в дороге, когда весь долгий путь было лишь одно чрезвычайное происшествие: боец уронил на ходу поезда винтовку, соскочил, поднял винтовку и три километра бежал до станции, чтобы догнать идущий к фронту эшелон. Он проверил стойкость полков в сталинградской степи, где необстрелянные люди спокойно отразили внезапную атаку тридцати немецких танков. Он проверил выносливость сибиряков во время последнего марша к Сталинграду, когда люди за двое суток покрыли расстояние в двести километров. И все же с волнением поглядывал полковник на лица бойцов, вышедших на главный рубеж, на направление главного удара.

Гуртьев верил в своих командиров. Молодой, не знающий усталости начальник штаба полковник Тарасов мог дни и ночи сидеть в сотрясаемом взрывами блиндаже над картами, планировать сложный бой. Его прямота и беспощадность суждений, его привычка смотреть жизни прямо в глаза и искать военную правду, как бы горька она ни была, зиждились на железной вере. В этом небольшом сухощавом молодом человеке с лицом, речью и руками крестьянина жила неукротимая сила мысли и духа. Заместитель командира дивизии по политической части Свириин обладал крепкой волей, острой мыслью, аскетической скромностью, он умел оставаться спокойным, веселым и улыбаться там, где забывал об улыбке самый спокойный и жизнерадостный человек. Командиры полков Маркелов, Михалев

и Чамов были гордостью полковника, он верил им как самому себе. О спокойной храбрости Чамова, о несгибаемой воле Маркелова, о замечательных душевных качествах Михалева, любимца полка, по-отечески заботливого к подчиненным, мягкого и «симпатичнейшего человека», не знаящего, что такое страх, все в дивизии говорили с любовью и восхищением, — и все же с волнением глядел на лица своих командиров полковник Гуртьев, ибо он знал, что такое направление главного удара, что значит держать великий рубеж сталинградской обороны. «Выдержат ли, выстоят ли?» — думал полковник.

Едва дивизия успела закопаться в каменистую почву Сталинграда, едва управление дивизии ушло в глубокую штольню, выдолбленную в песчаной скале над Волгой, едва протянулась проволочная связь и застучали радиопередатчики, связывающие командные пункты с занявшей в Заволжье огненные позиции артиллерией, едва мрак ночи сменился рассветом, как немцы открыли огонь. Восемь часов подряд пикировали «Юнкерсы-87» на оборону дивизии, восемь часов, без единой минуты перерыва, шли, волна за волной, немецкие самолеты, восемь часов выли сирены, свистели бомбы, сотрясалась земля, рушились остатки кирпичных зданий, восемь часов в воздухе стояли клубы дыма и пыли, смертно выли осколки. Тот, кто слышал вопль воздуха, раскаленного авиационной бомбой, тот, кто пережил напряжение стремительного десятиминутного налета немецкой авиации, тот поймет, что такое восемь часов интенсивной воздушной бомбежки пикирующих бомбардировщиков. Восемь часов сибиряки били всем своим оружием по немецким самолетам, и, вероятно, чувство, похожее на отчаяние, овладело немцами, когда эта горящая, окутанная черной пылью и дымом заводская земля упрямо трещала винтовочными залпами, рокотала пулеметными очередями, короткими ударами противотанковых ружей и мерной злой стрельбой зениток. Казалось, все живое должно быть сломлено, уничтожено, а сибирская дивизия, закопавшись в землю, не согнулась, не сломалась, а вела огонь — упрямая, бессмертная. Немцы ввели в действие тяжелые полковые минометы и артиллерию. Нудное шипение мин и вой снарядов присоединились к свисту сирен и грохоту рвущихся авиационных бомб. Так продолжалось до ночи. В печальном и строгом молчании хоронили красноармейцы своих погибших товарищей. Это был первый день — новоселье. Всю ночь не умолкали немецкие артиллерийские минометные батареи, и мало кто спал в эту ночь.

Этой ночью на командном пункте полковник Гуртьев встре-

тил двух своих старых друзей, которых не видел больше двадцати лет. Люди, расставшиеся молодыми, неженатыми, встретились уже седыми, морщинистыми. Двое из них командовали дивизиями, третий — танковой бригадой. Они обнялись, и все вокруг: начальники их штабов, и адъютанты, и майоры из оперативного отдела — увидели слезы на глазах седых людей.

«Какая судьба, какая судьба!» — говорили они. И в самом деле: что-то величественное и трогательное было во встрече друзей юности в грозный час, среди пылавших заводских корпусов и развалин Сталинграда. Видно, правильной дорогой шли они, если встретились вновь при выполнении высокого и тяжелого долга.

Всю ночь грохотала немецкая артиллерия, и, едва взошло солнце над вспаханной немецким железом землей, появилось сорок пикировщиков, и снова завывли сирены, и снова черное облако пыли и дыма поднялось над заводом, закрыло землю, цеха, разбитые вагоны, и даже высокие заводские трубы потонули в черном тумане. В это утро полк Маркелова вышел из укрытий, убежищ, окопов, он покинул бетонные и каменные норы и перешел в наступление. Батальоны шли вперед через горы шлака, через развалины домов, мимо гранитного здания заводской конторы, через рельсовые пути, через садик городского предместья. Они шли мимо тысяч безобразных ям, вырытых бомбами, и над головами людей был весь ад немецкой воздушной армии. Железный ветер бил в лицо, и они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?

Да, они были смертны. Полк Маркелова прошел километр, занял новые позиции, закрепился на них. Только здесь знают, что такое километр. Это тысяча метров, это сто тысяч сантиметров. Ночью немцы атаковали полк во много раз превосходящими силами. Шли батальоны немецкой пехоты, шли тяжелые танки, и пулеметы заливали позиции полка железом. Пьяные автоматчики лезли с упорством лунатиков. О том, как сражался полк Маркелова, расскажут мертвые тела бойцов, расскажут друзья, слышавшие, как в ночь и на следующий день, и снова в ночь рокотали русские пулеметы, раздавались взрывы русских гранат. Повесть об этом бое расскажут развороченные и сожженные немецкие танки и длинные вереницы крестов с немецкими касками, выстроившиеся повзводно, поротно, побатальонно...

Да, они были простыми смертными, и мало кто уцелел из них, но они сделали свое дело.

На третий день немецкие самолеты висели над дивизией

уже не восемь, а двенадцать часов. Они оставались в воздухе после заката солнца, и из высокой тьмы ночного неба возникали воющие голоса сирен «юнкеров», и, как тяжелые и частые удары молота, обрушивались на полыхавшую дымным красным пламенем землю фугасные бомбы. С утренней зари до вечерней били по дивизии немецкие пушки и минометы. Сто артиллерийских полков работало на немцев в районе Сталинграда. Иногда они устраивали огневые налеты, по ночам они вели изматывающий методический огонь. Вместе с ними работали минометные батареи. Это было направление главного удара.

По несколько раз в день вдруг замолкали немецкие пушки, минометы, вдруг исчезала давящая сила пикировщиков. Наступала необычайная тишина. Тогда наблюдатели кричали: «Внимание!» — и боевое охранение бралось за бутылки горючей жидкости, бронебойщики раскрывали брезентовые сумки с патронами, автоматчики обтирали ладонью свои ППШ, гранатометчики ближе подвигали ящики гранат. Эта короткая, минутная тишина не означала отдыха. Она предшествовала атаке.

Вскоре лязг сотен гусениц, низкое гудение моторов оповещали о движении танков, и лейтенант кричал:

— Товарищи, внимание! Слева просачиваются автоматчики.

Иногда немцы подходили на расстояние тридцати — сорока метров, и сибиряки видели их грязные лица, порванные шинели, слышали картавые выкрики, угрозы, насмешки, а после того как немцы откатывались, на дивизию с новой яростью обрушивались пикировщики и огневые валы артиллерии и минометов. В отражении немецких атак великую заслугу имела наша артиллерия. Командир артиллерийского полка Фугенфиров, командиры дивизионов и батарей находились вместе с батальонами, ротами дивизии на передовой. Радио связывало их с огневыми позициями, и десятки мощных дальнобойных орудий на левом берегу жили одним дыханием, одной тревогой, одной бедой и одной радостью с пехотой. Артиллерия делала десятки замечательных вещей: она прикрывала стальным плащом пехотные позиции, она корежила, как картон, сверхтяжелые немецкие танки, с которыми не могли справиться бронебойщики, она, словно меч, отсекала автоматчиков, лепившихся к броне танков, она обрушивалась то на боевую площадь, то на тайные места сосредоточения, она взрывала склады и поднимала на воздух немецкие минометные батареи. Нигде за время войны пехота так не чувствовала дружбу и великую помощь артиллерии, как в Сталинграде.

В течение месяца немцы произвели сто семнадцать атак на полки сибирской дивизии.

Был один страшный день, когда немецкие танки и пехота двадцать три раза ходили в атаку. И эти двадцать три атаки были отбиты. В течение месяца каждый день, за исключением трех, немецкая авиация висела над дивизией десять — двенадцать часов. Всего за месяц триста двадцать часов. Оперативное отделение подсчитало астрономическое количество бомб, сброшенных немцами на дивизию. Это — цифра с четырьмя нолями. Такой же цифрой определяется количество немецких самолето-налетов. Все это происходило на фронте длиной около полутора-двух километров. Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнем и металлом можно было сжечь и уничтожить государство. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они полагали, что перекроют предел сопротивления человеческого сердца и нервов. Но удивительное дело: люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильнее и спокойней. Молчаливый, кряжистый сибирский народ стал еще суровей, еще молчаливей, ввалились у красноармейцев щеки, мрачно смотрели глаза. Здесь, на направлении главного удара германских сил, не слышно было в короткие минуты отдыха ни песни, ни гармоника, ни веселого легкого слова. Здесь люди выдерживали сверхчеловеческое напряжение. Бывали периоды, когда они не спали по трое, четверо суток кряду, и командир дивизии, седой полковник Гуртьев, разговаривая с красноармейцами, с болью слышал слова бойца, тихо сказавшего:

— Есть у нас все, товарищ полковник, и хлеб — девятьсот граммов, и горячую пищу непременно два раза в день приносят в термосах, да не кушается.

Гуртьев любил и уважал своих людей, и знал он — когда солдату «не кушается», то уже крепко, по-настоящему тяжело ему. Но теперь Гуртьев был спокоен. Он понял: нет на свете силы, которая могла бы сдвинуть с места сибирские полки. Великим и жестоким опытом обогатились красноармейцы и командиры за время боев. Еще прочней и совершенней стала оборона. Перед заводскими цехами выросли сложные переплетения саперных сооружений — блиндажи, ходы сообщения, стрелковые ячейки; инженерная оборона была вынесена далеко вперед, перед цехами. Люди научились быстро и слаженно производить подземные маневры, сосредоточиваться, рассыпаться, переходить из цеха в окопы ходами сообщения и обратно, в зависимости от того, куда обрушивала свои удары авиация

противника, в зависимости от того, откуда появлялись танки и пехота атакующих немцев. Были сооружены подземные «усы», «щупальца», по которым истребители подбирались к тяжелым немецким танкам, останавливающимся в ста метрах от зданий цехов. Саперы минировали все подходы к заводу. Мины приходилось подносить на руках, по две штуки, держа их под мышками, как хлебы. Этот путь от берега к заводу шел на протяжении шести — восьми километров и полностью простреливался немцами. Само минирование производилось в глубоком мраке, в предрассветные часы, часто на расстоянии тридцати метров от фашистских позиций. Так было заложено около двух тысяч мин под бревна разнесенных бомбежкой домиков, под кучи камней, в ямки, вырытые снарядами и минами. Люди научились защищать большие дома, создавая плотный огонь от первого этажа до пятого, устраивали изумительно тонко замаскированные наблюдательные пункты перед самым носом у неприятеля, использовали в обороне ямы, вырытые тяжелыми бомбами, всю сложную систему подземных заводских газопроводов, маслопроводов, водопроводов. С каждым днем совершенствовалась связь между пехотой и артиллерией, и иногда казалось, что Волга не отделяет пушек от полков, что глазастые пушки, мгновенно реагирующие на каждое движение врага, находятся рядом со взводами, с командными пунктами.

Вместе с опытом росла внутренняя закалка людей. Дивизия превратилась в совершенный, на диво слаженный единый организм. Люди дивизии не чувствовали, сами не понимали, не могли ощутить тех психологических изменений, которые произошли в них за месяц пребывания в аду, на переднем крае обороны великого стalingградского рубежа. Им казалось, что они те же, какими были всегда: они в свободную тихую минуту мылись в подземных банях, им так же приносили горячую пищу в термосах, и заросшие бородами Макаревич и Карнаухов, похожие на мирных сельских почтарей, приносили под огнем на передовую в своих кожаных сумках газеты и письма из далеких омских, тюменских, тобольских, красноярских деревень. Они вспоминали о своих плотницких, кузнечных, крестьянских делах. Они насмешливо звали шестиствольный немецкий миномет «дурилой», а пикирующие бомбардировщики с сиренами — «скрипунами» и «музыкантами». На крики немецких автоматчиков, грозивших им из развалин соседних зданий и кричавших: «Эй, рус, буль-буль, сдавайся», они усмехались и меж собой говорили: «Что это немец все гнилую воду пьет или не хочет волжской?» Им казалось, что они те же, и только вновь

приезжавшие с лугового берега с почтительным изумлением смотрели на них, уже не ведавших страха людей, для которых не было больше слов «жизнь» и «смерть». Только глаза со стороны могли оценить всю железную силу сибиряков, державших смертную оборону, их равнодушные к смерти, их спокойную волю до конца вынести тяжкий жребий.

Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой. Героизм всюду и во всем. Героизм был в работе поваров, чистивших под сжигающим огнем термитных снарядов картошку. Великий героизм был в работе девушек-санитарок, тобольских школьниц — Тони Егоровой, Зои Калгановой, Веры Каляды, Нади Кастериной, Лели Новиковой и многих их подруг, перевязывавших и поивших водой раненых в разгаре боя. Да, если посмотреть глазами со стороны, то героизм был в каждом будничном движении людей дивизии: и в том, как командир взвода связи Хамицкий, мирно сидя на пригорке перед блиндажом, читал «беллетристику», в то время как десяток немецких пикировщиков с ревом бодали землю, и в том, как офицер связи Батраков, аккуратно протирая очки, вкладывал в полевую сумку донесения и отправлялся в двадцатикилометровый путь по «логу смерти» с таким будничным спокойствием, словно речь шла о привычной воскресной прогулке, и в том, как автоматчик Колосов, засыпанный в блиндаже разрывом по самую шею землей и обломками досок, повернул к заместителю командира Свирину лицо и рассмеялся, и в том, как машинистка штаба, краснощекая толстуха, сибирячка Клава Копылова, начала печатать в блиндаже боевой приказ и была засыпана, откопана, перешла печатать во второй блиндаж, снова была засыпана, снова откопана и все же допечатала приказ в третьем блиндаже и принесла его командиру дивизии на подпись.

Вот такие люди стояли на направлении главного удара.

Об их несгибаемом упорстве больше всего знают сами немцы. Ночью в блиндаж к Свирину привели пленного. Руки и лицо его, поросшие седой щетиной, были совершенно черные от грязи, превратившийся в тряпку шерстяной шарф прикрывал шею. Это был немец из пробивных отборных частей немецкой армии, участник всех походов, член нацистской партии. После обычных вопросов пленному перевели вопрос Свирина: «Как расценивают немцы сопротивление в районе завода?» Пленный стоял, прислонившись плечом к каменной стене блиндажа. «О!» — сказал он и вдруг разрыдался.

Да, настоящие люди стояли на направлении главного удара, их нервы и сердца выдержали.

К концу второй декады немцы предприняли решительный штурм завода. Такой подготовки к атаке не знал мир. Восемьдесят часов подряд работала авиация, тяжелые минометы и артиллерия. Три дня и три ночи превратились в хаос дыма, огня и грохота. Шипение бомб, скрипящий рев мин из шестиствольных «дурил», гул тяжелых снарядов, протяжный визг сирен одни могли оглушить людей, но они лишь предшествовали грому разрывов. Рваное пламя взрывов полыхало в воздухе, вой истерзанного металла пронизывал пространство. Так было восемьдесят часов. Затем подготовка кончилась, и сразу же в пять утра в атаку перешли тяжелые и средние танки, пьяные орды автоматчиков, пехотные немецкие полки. Немцам удалось ворваться на завод, их танки ревели у стен цехов, они рассекали нашу оборону, отрезали командные пункты дивизии и полков от переднего края обороны. Казалось, что лишенная управления дивизия потеряет способность к сопротивлению, что командные пункты, попавшие под непосредственный удар противника, обречены уничтожению, но произошла поразительная вещь: каждая траншея, каждый блиндаж, каждая стрелковая ячейка и укрепленные руины домов превратились в крепости со своими управлениями, со своей связью. Сержанты и рядовые красноармейцы стали командирами, смело и мудро отражавшими атаки. И вот в горький и тяжелый час командиры, штабные работники превратили командные пункты в укрепления и сами, как рядовые, отражали атаки врага. Десять атак отбил Чамов. Огромный рыжий командир танка, оборонявший командный пункт Чамова, расстреляв все снаряды и патроны, соскочил на землю и стал камнями бить подошедших автоматчиков. Командир полка сам стрелял из миномета. Любимец дивизии, командир полка Михалева, погиб от прямого попадания бомбы в командный пункт. «Убило нашего отца», — говорили красноармейцы. Сменивший Михалева майор Кушнарев перенес свой командный пункт в бетонированную трубу, проходящую под заводскими цехами. Несколько часов вели бой у входа в эту трубу Кушнарев, его начальник штаба Дятленко и шесть человек командиров. У них имелось несколько ящиков гранат, и этими гранатами они отбили все атаки немецких автоматчиков.

Этот невиданный по ожесточенности бой длился, не переставая, несколько суток. Он шел уже не за отдельные дома и цеха, он шел за каждую отдельную ступеньку лестницы, за

угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода. Ни один человек не отступал в этом бою. И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев. Все дрались так, как рыжий великан-танкист, фамилии которого так и не узнал Чамов, как сапер Косиченко, выдерживавший чеку из гранаты зубами, так как у него была перебита левая рука. Погибшие словно передали силу оставшимся в живых, и бывали такие минуты, когда десять активных штыков успешно держали оборону, занимаемую батальоном. Много раз переходили заводские цеха от сибиряков к немцам, и снова сибиряки захватывали их. В этом бою немцам удалось занять ряд зданий и заводских цехов. В этом бою немцы достигли максимального напряжения атак. Это был самый высокий потенциал их удара на главном направлении. Словно подняв непомерную тяжесть, они надорвали какие-то внутренние пружины, приводившие в действие их пробивной таран.

Кривая немецкого напора начала падать. Три немецкие дивизии — 94, 305, 389-я — дрались против сибиряков. Пяти тысяч немецких жизней стоили сто семнадцать пехотных атак. Сибиряки выдержали это сверхчеловеческое напряжение. Две тысячи тонн превращенного в лом танкового металла легло перед заводом. Тысячи тонн снарядов, мин, авиабомб упали на заводской двор, на цеха, но дивизия выдержала напор. Она не сошла со смертного рубежа, она ни разу не оглянулась назад, она знала: за спиной ее была Волга, судьба страны.

Невольно думаешь о том, как выковывалась эта великая стойкость. Тут сказался и народный характер, и высокое сознание великой ответственности, и угрюмое, крижистое сибирское упорство, и отличная военная и политическая подготовка, и суровая дисциплина. Но мне хочется сказать еще об одной черте, сыгравшей немалую роль в этой великой и трагической эпопее, — об удивительной целомудренной морали, о крепкой любви, связывавшей всех людей сибирской дивизии. Дух спартанской скромности свойствен всему командному составу дивизии. Он сказывается в бытовых мелочах, и в отказе от положенных законом ста граммов водки во все время сталинградских боев, и в разумной, нешумливой деловитости. Любовь, связывающую людей дивизии, я увидел в той скорби, с которой говорят о погибших товарищах. Я услышал ее в словах красноармейца из полка Михалева, ответившего на вопрос: «Как живется вам?» — «Эх, как живется, — остались мы без отца».

Я увидел ее в трогательной встрече седого полковника

Гуртьева с вернувшейся после второго ранения батальонной санитаркой Зоей Калгановой. «Здравствуйте, дорогая девочка моя», — тихо сказал Гуртьев и быстро, с протянутыми руками, пошел навстречу худой стриженной девушке. Так лишь отец может встречать свою родную дочь. Эта любовь и вера друг в друга помогали в страшном бою красноармейцам становиться на место командиров, помогали командирам и работникам штаба браться за пулемет, ручную гранату, бутылку с горючей жидкостью, чтобы отражать немецкие танки, вышедшие к командным пунктам.

Жены и дети никогда не забудут своих мужей и отцов, павших на великом волжском рубеже. Этих хороших, верных людей нельзя забыть. Наша Красная Армия может лишь одним достойным способом почтить святую память павших на направлении главного удара противника — освободительным, не знающим преград наступлением. Мы верим, что час этого наступления близок.

25 ноября 1942 года

Константин СИМОНОВ

ДНИ И НОЧИ

Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнем вспоминать и наши уста произнесут слово «война», то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожара, в ушах снова возникнет тяжелый бесконечный грохот бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим сухое гроыхание перегоревшего кровельного железа.

Немцы осаждают Сталинград. Но когда здесь говорят «Сталинград», то под этим словом понимают не центр города, не Ленинскую улицу и даже не его окраины, — под этим понимают всю огромную, шестидесятипятикилометровую полосу вдоль Волги, весь город с его предместьями, с заводскими площадками, с рабочими городками. Это — много городков, создавших один город, который опоясал собой целую излучину Волги. Но этот город уже не тот, каким мы видели его с волж-

ских пароходов. В нем нет поднимающихся веселой толпой в гору белых домов, нет легких волжских пристаней, нет набережных с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков. Теперь это город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и вьется пепел. Это город-солдат, опаленный в бою, с твердынями самодельных бастионов, с камнями героических развалин.

И Волга под Сталинградом — это не та Волга, которую мы видели когда-то, с глубокой и тихой водой, с широкими солнечными плесами, с вереницей бегущих пароходов, с целыми улицами сосновых плотов, с караванами барж. Ее набережные изрыты воронками, в ее воду падают бомбы, поднимая тяжелые водяные столбы. Взад и вперед через нее идут к осажденному городу грузные паромы и легкие лодки. Над ней бряцает оружие, и окровавленные бинты раненых видны над темной водой.

Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт. Гул бомбежки и артиллерийской канонады день и ночь стоит над содрогающейся землей. В городе давно уже нет безопасных мест, но за эти дни осады здесь привыкли к отсутствию безопасности. В городе пожары. Многих улиц уже не существует. Еще оставшиеся в городе женщины и дети ютятся в подвалах, роют пещеры в спускающихся к Волге оврагах. Уже месяц штурмуют немцы город, уже месяц хотят овладеть им во что бы то ни стало. На улицах валяются обломки сбитых бомбардировщиков, в воздухе рвутся снаряды зениток, но бомбежка не прекращается ни на час. Осаждающие стараются сделать из этого города ад.

Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой и земля содрогается под ногами. Опаленные трупы женщин и детей, сожженных фашистами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном волжском песке.

Да, здесь трудно жить, больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить сражаясь — так жить здесь можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей.

Вечер. Мы стоим на окраине. Впереди расстилается поле боя. Дымящиеся холмы, горячие улицы. Как всегда на юге, начинает быстро темнеть. Все заволакивается иссиня-черной дымкой, которую разрывают огненные стрелы гвардейских минометных батарей. Обозначая передний край, по огромному кольцу взлетают в небо белые сигнальные немецкие ракеты.

Ночь не прерывает боя. Тяжелый грохот: немецкие бомбардировщики опять обрушили бомбы на город за нашей спиной. Гул самолетов минуту назад прошел над нашими головами с запада на восток, теперь он слышен с востока на запад. На запад прошли наши. Вот они развесили над немецкими позициями цепь желтых светящихся «фонарей», и разрывы бомб ложатся на освещенную ими землю.

Четверть часа относительной тишины — относительной потому, что все время продолжает слышаться глухая канонада на севере и юге, сухое потрескивание автоматов впереди. Но здесь это называют тишиной, потому что другой тишины здесь уже давно нет, а что-нибудь надо же называть тишиной!

В такие минуты разом вспоминаются все картины, прошедшие перед тобой за эти дни и ночи, лица людей, то усталые, то разгоряченные, их бессонные ясные глаза.

Мы переправлялись через Волгу вечером. Пятна пожаров становились уже совсем красными на черном вечернем небе. Самоходный паром, на котором мы переезжали, был перегружен: на нем было пять машин с боеприпасами, рота красноармейцев, несколько девушек из медсанбата. Паром шел под прикрытием дымовых завес, но переправа казалась все-таки долгой. Рядом со мной на краю парома сидела двадцатилетняя военфельдшер девушка-украинка по фамилии Щепеня, с причудливым именем Виктория. Она переезжала туда, в Сталинград, уже четвертый или пятый раз.

Здесь, в осаде, обычные правила эвакуации раненых изменились: санитарные учреждения уже негде было размещать в этом горящем городе; фельдшеры и санитарки, собрав раненых, прямо с передовых сами везли их через город, погружали на лодки, на паромы, а перевоза на ту сторону, возвращались обратно за новыми ранеными, ждавшими их помощи. Виктория и мой спутник, редактор «Красной звезды» Вадимов, оказались земляками. Половину пути они оба наперебой вспоминали Днепропетровск, свой родной город, и чувствовалось, что в сердцах своих они не отдали его немцам и никогда не отдадут, что этот город, что бы ни случилось, есть и всегда будет их городом.

Паром уже приближался к сталинградскому берегу.

— А все-таки каждый раз немножко страшно выходить, — вдруг сказала Виктория. — Вот меня уже два раза ранили, один раз тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я же еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял,

что это правда: очень страшно в двадцать лет быть уже два раза раненной, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда, в Сталинград. Еще так много впереди — вся жизнь, любовь, может быть, даже первый поцелуй, кто знает! И вот ночь, сплошной грохот, горящий город впереди, и двадцатилетняя девушка едет туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через пятнадцать минут она пройдет среди горящих домов и где-то на одной из окраинных улиц, среди развалин, под жужжание осколков, будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда, в шестой раз.

Вот уже пристань, крутой подъем в гору и этот страшный запах спаленного жилья. Небо черное, но остовы домов еще черней. Их изуродованные карнизы, наполовину обломленные стены врезаются в небо, и, когда далекая вспышка бомбы делает небо на минуту красным, развалины домов кажутся зубцами крепости.

Да это и есть крепость. В одном подземелье работает штаб. Здесь, под землей, обычная штабная сутолока. Выстукивают свои точки и тире бледные от бессонницы телеграфистки и, запыленные, запорошенные, как снегом, обвалившейся штукатуркой, проходят торопливым шагом офицеры связи. Только в их донесениях фигурируют уже не нумерованные высоты, не холмы и рубежи обороны, а названия улиц, предместий, поселков, иногда даже домов.

Штаб и узел связи спрятаны глубоко под землею. Это мозг обороны, и он не должен быть подвергнут случайностям. Люди устали, у всех тяжелые, бессонные глаза и свинцовые лица. Я пробую закурить, но спички одна за другой мгновенно потухают — здесь, в подземелье, мало кислорода.

Ночь. Мы почти на ощупь едем на разбитом «газике» из штаба к одному из командных пунктов. Среди вереницы разбитых и сожженных домов один целый. Из ворот, громыхая, выезжают скрипучие подводы, груженные хлебом: в этом уцелевшем доме пекарня. Город живет, живет — что бы ни было. Подводы едут по улицам, скрипя и вдруг останавливаясь, когда впереди, где-то на следующем углу, вспыхивает ослепительный разрыв мины.

Утро. Над головой ровный голубой квадрат неба. В одном из недостроенных заводских зданий расположился штаб бригады. Улица, уходящая на север, в сторону немцев, простреливается вдоль минометным огнем. И там, где когда-то, может быть, стоял милиционер, указывая, где можно и где не должно

переходить улицу, теперь под прикрытием обломков стены стоит автоматчик, показывая место, где улица спускается под уклон и где можно переходить невидимо для немцев, не обнаруживая расположения штаба. Час назад здесь убило автоматчика. Теперь здесь стоит новый и по-прежнему на своем опасном посту «регулирует движение».

Уже совсем светло. Сегодня солнечный день. Время близится к полудню. Мы сидим на наблюдательном пункте в мягких плюшевых креслах, потому что наблюдательный пункт расположен на пятом этаже в хорошо обставленной инженерской квартире. На полу стоят снятые с подоконников горшки с цветами, на подоконнике укреплена стереотруба. Впрочем, стереотруба здесь для более дальнего наблюдения, так называемые передовые позиции отсюда видны простым глазом. Вот вдоль крайних домов поселка идут немецкие машины, вот проскочил мотоциклист, вот идут пешие немцы. Несколько разрывов наших мин. Одна машина останавливается посреди улицы, другая, заметавшись, прижимается к домам поселка. Сейчас же с ответным завыванием через наши головы в соседний дом ударяют немецкие мины.

Я отхожу от окна к стоящему посреди комнаты столу. На нем в вазочке засохшие цветы, книжки, разбросанные ученические тетради. На одной аккуратно, по линейкам, детской рукой выведено слово «сочинение». Да, как и во многих других, в этом доме, в этой квартире жизнь оборвалась на полуслове. Но она должна продолжаться, и она будет продолжаться, потому что именно для этого ведь дерутся и умирают здесь, среди развалин и пожарищ, наши бойцы.

Еще один день, еще одна ночь. Улицы города стали еще пустынее, но сердце его бьется. Мы подъезжаем к воротам завода. Рабочие-дружинники, в пальто и кожанках, перепоясанных ремнями, похожие на красногвардейцев восемнадцатого года, строго проверяют документы. И вот мы сидим в одном из подземных помещений. Все, кто остался охранять территорию завода и его цехи — директор, дежурные, пожарники и рабочие самообороны, — все на своих местах.

В городе нет теперь просто жителей — в нем остались только защитники. И, что бы ни было, сколько бы заводы ни вывезли станков, цех всегда остается цехом, и старые рабочие, отдавшие заводу лучшую часть своей жизни, оберегают до конца, до последней человеческой возможности эти цехи, в которых выбиты стекла и еще пахнет дымом от только что потушенных пожаров.

— Мы здесь еще не все отметили,— кивает директор на доску с планом заводской территории, где угольниками и кружочками аккуратно отмечены бесчисленные попадания бомб и снарядов.

Он начинает рассказывать о том, как несколько дней назад немецкие танки прорвали оборону и устремились к заводу. Надо было чем-то срочно, до ночи, помочь бойцам и заткнуть прорыв. Директор вызвал к себе начальника ремонтного цеха. Он приказал в течение часа выпустить из ремонта те несколько танков, которые были уже почти готовы. Люди, сумевшие своими руками починить танки, сумели в эту рискованную минуту сесть в них и стать танкистами.

Тут же, на заводской площадке, из числа ополченцев — рабочих и приемщиков — было сформировано несколько танковых экипажей; они сели в танки и, прогрохотав по пустому двору, прямо через заводские ворота поехали в бой. Они были первыми, кто оказался на пути прорвавшихся немцев у каменного моста через узкую речку. Их и немцев разделял огромный овраг, через который танки могли пройти только по мосту, и как раз на этом мосту немецкую танковую колонну встретили заводские танки.

Завязалась артиллерийская дуэль. Тем временем немецкие автоматчики стали переправляться через овраг. В эти часы завод против немецкой пехоты выставил свою, заводскую, — вслед за танками у оврага появились два отряда ополченцев. Одним из этих отрядов командовали начальник милиции Костюченко и заведующий кафедрой механического института Панченко, другим управлял мастер инструментального цеха Попов и старый сталевар Кривулин. На обрывистых скатах оврага завязался бой, часто переходивший в рукопашную. В этих схватках погибли старые рабочие завода: Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин и другие, имена которых сейчас повторяют на заводе.

Окраины заводского поселка преобразились. На улицах, выходивших к оврагу, появились баррикады. В дело пошло все: котельное железо, броневые плиты, корпуса разобранных танков. Как в гражданскую войну, жены подносили мужьям патроны и девушки прямо из цехов шли на передовые и, перевязав раненых, оттаскивали их в тыл... Многие погибли в тот день, но этой ценой рабочие-ополченцы и бойцы задержали немцев до ночи, когда к месту прорыва подошли новые части.

Пустынны заводские дворы. Ветер свистит в разбитых окнах. И когда близко разрывается мина, на асфальт со всех сторон

сыплются остатки стекол. Но завод дерется так же, как дерется весь город. И если к бомбам, к минам, к пулям, к опасности вообще можно привыкнуть, то, значит, здесь к ней привыкли. Привыкли так, как нигде.

Мы едем по мосту через один из городских оврагов. Я никогда не забуду этой картины. Овраг далеко тянется влево и вправо, и весь он кишит, как муравейник, весь он изрыт пещерами. В нем вырыты целые улицы. Пещеры накрыты обгорелыми досками, тряпьем — женщины стащили сюда все, чем можно закрыть от дождя и ветра своих птенцов. Трудно сказать словами, как горько видеть вместо улиц и перекрестков, вместо шумного города ряды этих печальных человеческих гнезд.

Опять окраина — так называемые передовые. Обломки сметенных с лица земли домов, невысокие холмы, взрытые минами. Мы неожиданно встречаем здесь человека — одного из четверых, которым с месяц назад газеты посвящали целые передовицы. Тогда они сожгли пятнадцать немецких танков, эти четверо бронейщиков — Александр Беликов, Петр Самойлов, Иван Олейников и вот этот, Петр Болото, который сейчас неожиданно оказался здесь, перед нами. Хотя, в сущности, почему неожиданно? Такой человек, как он, и должен был оказаться здесь, в Сталинграде. Именно такие, как он, защищают сегодня город. И именно потому, что у него такие защитники, город держится вот уже целый месяц, вопреки всему, среди развалин, огня и крови.

У Петра Болото крепкая, коренастая фигура, открытое лицо с прищуренными, с хитринкой глазами. Вспоминая о бое, в котором они подбили пятнадцать танков, он вдруг улыбается и говорит:

— Когда на меня первый танк шел, я уже думал — конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и уже вышло не мне, а ему конец. И между прочим, знаете, я за тот бой сигарок пять скрутил и скурил до конца. Ну, может быть, не до конца — врать не буду, — но все-таки скрутил пять сигарок. В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то промахнешься и уже не закуришь — вот какое дело...

Петр Болото улыбается спокойной улыбкой человека, уверенного в правоте своих взглядов на солдатскую жизнь, в которой иногда можно отдохнуть и перекурить, но в которой нельзя промахнуться.

Разные люди защищают Сталинград. Но у многих, у очень многих есть эта широкая, уверенная улыбка, как у Петра Болото, есть спокойные, твердые, не промахивающиеся солдатские руки. И поэтому город дерется, дерется даже тогда, когда то в одном, то в другом месте это кажется почти невозможным.

Набережная, вернее, то, что осталось от нее — остовы сгоревших машин, обломки выброшенных на берег барж, уцелевшие покосившиеся домишки. Жаркий полдень. Солнце заволокло сплошным дымом. Сегодня с утра немцы опять бомбят город. Один за другим на глазах пикируют самолеты. Все небо в зенитных разрывах: оно похоже на пятнистую серо-голубую шкуру какого-то зверя. С визгом кружатся истребители. Над головой, не прекращаясь ни на минуту, идут бои. Город решил защищаться любой ценой, и если эта цена дорога и подвиги людей жестоки, а страдания их неслыханны, то с этим ничего не поделаешь: борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Тихо плескаясь, волжская вода выносит на песок к нашим ногам обгоревшее бревно. На нем лежит утопленница, обхватив его опаленными скрюченными пальцами. Я не знаю, откуда принесли ее волны. Может быть, это одна из тех, кто погиб на пароходе, может быть, одна из погибших во время пожара на пристанях. Лицо ее искажено: муки перед смертью были, должно быть, невероятными. Это сделал враг, сделал на наших глазах. И пусть потом он не просит пощады ни у одного из тех, кто это видел. После Сталинграда мы его не пощадим.

24 сентября 1942 года

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

КАВКАЗ БОРЕТСЯ!

«...Нет обычая у нас, грузин, чтобы, заведя врага, к нам идущего, показать спину, если даже будет смерть...»

Так гласит летопись Грузии. В XIII веке сделана эта запись, и спустя многие века эти слова, запечатленные в сердцах народа, повторялись людьми, защищавшими родину в минуты опасности. Повторялись они, как клятва, как боевой клич, как священный лозунг на знамени.

В 1795 году в Крцанисском сражении под Тбилиси, в кро-

вавой неравной борьбе 70 000 персов разгромили маленькую трехтысячную армию храброго, но уже обессиленного старостью и изменами царя-полководца Ираклия. Тогда жители осажденного Тбилиси взяли в руки оружие. Горстку тбилисских граждан повел в бой Начабели, любимый певец города. Вместо копья он взял в руки чонгури. Тронув струны, он запел веселую свадебную мелодию и пошел впереди отряда. Знакомую песню подхватили сотни голосов. В наше время это называли бы психической атакой. Тогда это была атака чувств и веры. Отряд горожан дошел почти до самых знамен Ага-Магомед-хана. Восточный тиран, видевший много упорных боев, воскликнул, не в силах сдержать восторг:

— С детства до сегодняшнего дня я видел много. Я участвовал во многих сражениях, но еще не видел такого яростного сопротивления, такой отваги...

Сегодня над Родиной вновь нависла опасность. Сегодня, чаще, чем когда-либо, наш народ повторяет слова своих мужественных предков. Как будто о наших днях написаны стихи Ильи Чавчавадзе:

Кавказ одною мыслью жив,
И чувство в нем одно,
Священный гнев в его груди
Клокочет с грозной силой...

Банды Гитлера подступили к предгорьям Кавказа. Но, кроме естественной преграды — гордых Кавказских гор, они встретили преграду еще более твердую — содружество народов, их закаленную волю. Кавказ не помнит такого крепкого единства, как в эти суровые дни: не помнит такой ярости, с какою русские, грузины, армяне, азербайджанцы кинулись на врага.

Седой Кавказ, старая Грузия помнят времена «кровавых дождей», времена страшных пожаров. Но ни орды Тамерлана, ни орды Чингисхана, ни войска Шах-Абасса не были так опасны для Кавказа, для его культуры, для национальной независимости населяющих его народов, как чудовищно опасны рвущиеся к снежным горам черные корпуса Гитлера. Мы это знаем. Это понимает каждый. И потому в боях за Ржев и Ленинград, за Ростов и Сталинград, в донских степях и в ущельях Клухорского перевала плечом к плечу, как братья, сражаются, как братья, побеждают или умирают люди всех национальностей — советские люди, не знающие национальной розни, познавшие радость искренней и истинной дружбы народов. И герой-грузин, павший в бою за Москву, так же близок нашим сердцам, как герой-русский, отдавший жизнь за Грузию.

Борясь за честь и жизнь Родины, сыны наших народов грудью и кровью своей преграждают путь немецко-фашистским ордам. И кровь эта, слитая воедино, кровь русских, грузин, узбеков, евреев, крепит наше единство.

Грузия гордится именами девяти братьев Херхеулидзе. В 1624 году героиня-мать проводила их в кровопролитную Маробдинскую битву, и они стали героями. Но сегодня колхозник Абесадзе из семнадцати сыновей послал защищать отечество — четырнадцать, и они сражаются почти на всех фронтах Отечественной войны.

Герой Советского Союза, участник героической обороны Севастополя Н. Адамия один уничтожил более 200 фашистов. Далеко идет слава о подвигах Героев Советского Союза М. Чахонидзе и А. Гегешидзе, о бесстрашном морском летчике капитане Цурцумия, гвардии генерал-лейтенанте П. Чанчибадзе, летчике Джармелашвили, полковнике Инаури, майоре Джахиеве, политруке Шубитадзе, шофере Кереселидзе и многих других, прославляющих Родину боевыми делами. И вот сейчас получено известие о подвиге бесстрашной комсомолки — медицинской сестры Тамары Датуашвили, которая под непрерывным обстрелом врага, взобравшись по крутой скале, оказала первую помощь тяжелораненому моряку Губаренко. А до этого она вынесла с поля сражения 25 тяжелораненых бойцов и командиров. А сколько таких мужественных, отважных и преданных патриотов в нашей стране!

Письма героев-бойцов дышат священной ненавистью к лютому врагу. Письма жен, матерей и родных к бойцам — призыв удешевить свою силу, свое умение в схватке с врагом.

Враг рвется к Кавказу. Протягивает свои отравленные когти к полной жизни и цветения Советской Грузии.

Нет! Грузия никогда не станет провинцией гитлеровской Германии, прислужницей фашистских рабовладельцев. Никогда грузинский народ не менял свободу отечества на заржавленные цепи. Народ помнит прежние раны и мужественно отражает натиск фашистов, так бешено рвущихся к старому «Эдему».

Мужественные образы предков — Давида-Строителя, Вахтанга Горгасала, Георгия Саакадзе зовут к героической борьбе. Дорога к Кавказу станет могилой прусских шакалов.

3 ноября 1942 года

ТАК БУДЕТ!

«В далекой Романовке в саду дяди Тодося Чуприны между двумя яблонями-арнаутками висит гамак. В нем, наевшись яблок, с папиросой в зубах отдыхает после «трудов праведных» фашист. А по дороге из Кошляк плетутся прибитые горем односельчане наши. Там, на площади, возле старой школы их собирают в табуны и гонят на Кожанку или Попельню, чтобы оттуда, как скот, в закрытых товарных вагонах везти в рабство на проклятую неметчину. Плачут старые матери, взлелеявшие и вырастившие детей своих. Стонет по ночам от печали Черный лес, слезами горя переполняется река Унава».

Так начинается свое письмо ко мне старший лейтенант нашей славной Красной Армии Леонид Ступницкий, сын моего приятеля кузнеца Василия Ступницкого, которого я помню мальчиком. Романовка — мое родное село, с которым связаны мои детские годы, мечты и радости. Унава — река, на берегах которой я вырос, рыбака и охотясь со своими сверстниками и учась у старших мудрой любви к природе. Тодось Чуприна — наш односельчанин, страстный садовод-самоучка, чьи опыты и наблюдения родственны великим начинаниям Мичурина. Маленький мирок, о котором пишет Леня Ступницкий, — это ведь капля, отражающая море. Имя этому морю — Украина.

Украина, которую мы любим, в которую верим и за которую боремся, — это не только прекрасный синий Днепр, это и прекрасный Днепрогэс — дело рук человеческих. Пусть вчера он пал священной жертвою, — завтра он возникнет еще более мощный, еще более стройный силой нашего труда и нашей воли.

Украина — это не только гордый Киев, оваянный легендами минувшего, это и смелые киевские новостройки. Не только город героического прошлого, но и город осиянного будущего.

Украина — это не только благоуханные степи, белые хатки, вишневые сады, девственно-стройные тополя, это и широкие опытные поля, где явила советская наука не одну победу над природой.

Украина — это в неутомимой работе, в борьбе и в испытаниях обретенное человеческое счастье. Советская Украина! Иной мы себе ее и не мыслим.

Описав тяжелую осень прошлого года, скорбь и горе родной земли, временно захваченной подлыми хищниками, Леня Ступницкий говорит:

«Сердце переполнилось мстостью, ничто не может угасить боли. Ненависть моя — не минутное раздражение нервов. Это зрелая ненависть. Это жгучая рана, нанесенная в сердце в тот час, когда черные коршуны, пронесаясь над Бучей, Ирпенем, сбросили ужас смерти на дома мирного древнего Киева. В то время я был далеко от тех мест, где учился ходить. Но, потому что землю Украины живило сердце Москвы, я почувствовал боль истекающих кровью Житомира, Киева — и выехал на фронт. Больше года на полях России я воюю за Украину».

Хорошие, правильные слова! Землю Украины, как и землю Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Башкирии, живит сердце Москвы. Украина — свободная трудовая Украина — неотъемлемая часть великого Советского Союза. Иной мы себе ее и не мыслим.

Воюя за Украину, мы воюем и за Ленинград, и за Сталинград. Воюя за Украину, мы воюем за идею, совершенно недоступную нашим врагам, — за братство народов, освещенное потом и кровью поколений и озаренное солнцем прекрасного грядущего.

Мой корреспондент почти незнакомый мне человек. Помню как сквозь сон: когда я посещал кузницу Василия Ступницкого, этот своеобразный сельский клуб, напоминавший ту кузницу Якова Франко, отца нашего Ивана Франко, о которой поэт всю жизнь вспоминал с нежностью и благодарностью, то вертелся там у горна какой-то мальчик, действительно, припоминаю, называвшийся Леней. А он теперь пишет о том времени:

«Положишь, бывало, книгу на наковальню и читаешь Франко — «Каменоломы», «Вечный революционер» или что-нибудь Коцюбинского».

Хорошие книги читал маленький Леня. И они, конечно, помогли ему сделаться настоящим человеком, когда он, по его словам, «благодаря советской власти пошел в жизнь».

Дальше в письме говорится:

«Теперь я отдыхаю. Это видно из того, что есть возможность писать чернилами. Но скоро снова пойду писать пулей, штыком».

И вот что замечательно: письмо это изобилует цитатами — здесь целые строфы из советских украинских поэтов, заученные наизусть, отвечающие самым дорогим, заветным мыслям и чаяниям молодого красного командира. Книга, культура, песня и мысль вошли в плоть и кровь советского человека. И конечно, Леня Ступницкий — не исключение. Я и мои товарищи полу-

чаем с фронта сотни писем, в которых говорится о радости бойцов, получивших шевченковского «Кобзаря», о коллективном его чтении в далеко не спокойные промежутки между боями.

За свой хлеб, свое поле, свои заводы, свои книги, свои песни, за счастье и дружбу воюет наш народ. И наступит день — веселым шелестом зашумит печальный ныне Черный лес, светлые струи малоизвестной реки Унавы отразят радостные лица юношей и девушек, снова нашедших свое счастье.

Пусть вырублен сад Тодося Чуприны, разрушены кузница и хата Василия Ступницкого, — вырастут на милой нашей земле новые невиданные сады, зарубцуются раны, утихнут боли, и вчерашние бойцы, молодые кузнецы и пахари, будут жить, любить, трудиться, созидать. И засверкает всеми своими гранями в светлом созвездии братских республик наша любимая, наша родная, кровь наша, гордость наша, радость наша — Советская Украина.

3 ноября 1942 года

Александр МЕЖИРОВ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Отрывок

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем
Получившим оружие
Даны...

Летним утром
Граната упала в траву.
Возле Львова
Застава во рву залегла.

«Мессершмитты» плеснули бензин

в синеву,

И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты

На дорогах от Бреста к Москве.

Шли солдаты,

От беженцев взгляд отводя,

И на башнях

Закованных в пашни «КВ»

Высыхали тяжелые капли дождя.

И без кожуха,

Из сталинградских квартир,

Бил «максим».

И Родимцев ощупывал лед.

И тогда

еле слышно

сказал командир:

— Коммунисты, вперед!

Коммунисты, вперед!

Уже больше шести месяцев наша страна ведет тяжелую, кровопролитную войну... Мы уверены в победе. Мы знаем, что ни один советский человек не успокоится до тех пор, пока гитлеризм не будет выжжен каленым железом.

Порукой нашей победе служат первые успехи советских войск на всех фронтах.

Порукой этому служат прибывающие на фронт резервы.

Порукой этому служит героическая работа всей страны для фронта, для победы.

«Правда», 1 января 1942 года

...В распоряжение Советского правительства продолжают поступать все новые материалы и сообщения о том, что гитлеровские захватчики производят повсеместное ограбление и прямое истребление советского населения, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, ни перед какой жестокостью и насилием на территориях, которые они временно занимали или еще продолжают занимать. Советское правительство уже заявляло, что эти злодеяния не являются случайными эксцессами отдельных недисциплинированных воинских частей, отдельных германских офицеров и солдат. В настоящее время Советское правительство располагает недавно захваченными в шта-

бах разгромленных германских частей документами, из которых явствует, что чинимые немецко-фашистской армией кровавые преступления и зверства совершаются ею в соответствии с тщательно составленными и разработанными до деталей планами германского правительства и приказами германского командования...

Из ноты Народного комиссара иностранных дел
«О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях
немецко-фашистских захватчиков в оккупированных
советских районах и об ответственности германского
правительства и командования за эти преступления»

27 апреля 1942 года

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ КИЕВЕ

Специальная комиссия установила, что, по неполным данным, в Киеве замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру — свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.
2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.
3. В противотанковом рву у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.
4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.
5. На территории Киево-Печерской лавры — около 500 мирных граждан.
6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан.

Из сообщения Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников

29 февраля 1944 года

Лишь на территории СССР, подвергшейся оккупации, фашистские захватчики истребили и замучили три миллиона девятьсот двенадцать тысяч двести восемьдесят три советских военнопленных.

Лена, милая Леночка!

Из письма бабушки Веры я узнал, что ты ушла на фронт. Мне пришлось перечитать эти строки несколько раз для того, чтобы успокоиться и понять, что ты иначе не могла поступить. И вот ты на фронте...

Нежная, хрупкая, тихая, ласковая девочка в огне войны!!!

Я не говорил тебе о своей любви, а теперь решил. Да, девочка, я люблю тебя, люблю с первой нашей встречи. Когда ты первый раз позвонила в нашу коммунальную квартиру, я открыл тебе дверь не только в квартиру бабушки Веры, но и в свое сердце. С тех пор ты хозяйка его. Люблю тебя и буду всегда любить, независимо от того, будем ли мы вместе. В час тяжелых испытаний ты должна знать, что у тебя есть человек, на которого ты можешь опереться, который даже начал новый отсчет времени с момента встречи с тобой.

Снова атака! Который раз сегодня!

Только что мы схоронили четверых солдат и девушку. Когда ее нашли, она лежала, смежив ресницы, как во сне, а рядом лежала ее санитарная сумка. Наш командир кулаком вытирал слезы и что-то шептал. Мне казалось, что он просил прощения у этой девочки за ее смерть.

Смерть на войне обычна и сурова. И все-таки, при гибели товарищей, мы воздух ловим ртом. Молчим. Не поднимая глаз, кладем их в землю. Опустили в землю и эту девочку — прелестный весенний цветок, созданный для любви и материнства, но раздавленный сапогом войны!

Девочка моя. Тридцать три века назад произошла на земле первая война, которая сохранилась в памяти людей благодаря письмам на камне. Египетский фараон Рамзес II разбил царя хеттов Хетасара, и между ними был заключен договор, устанавливающий на земле вечный мир. После этого на нашей планете произошло более пятнадцати тысяч войн. Матери, сестры, дочери заменяют нас не только у станков, но и добровольно идут на фронт, чтобы встать на защиту Родины, вместо павших. Вот и ты, любимая, тоже среди них.

Пусть же в бою тебя хранит моя большая любовь! Тот, кто скажет, что на войне забывают про любовь, скажет неправду.

Советский солдат воюет за свою Родину и за свою Любовь!

Леночка, это письмо я писал в промежутках между атаками.

Отошлю его бабушке Вере, она перешлет его тебе. А я буду ждать ответа. Буду сомневаться и надеяться, что я тоже любим.

*Твой Алексей
Р. С. А как же твоя коса? Обрезала?!
До последнего вздоха твой Алексей*

25 октября 1942 года

В Челябинск прибыл еще один эшелон из Ленинграда с эвакуированными учениками ремесленного училища. Часть учеников направили к нам на завод, и они уже работали в цехе механической обработки снарядов.

Когда мы с бригадой Никонова приехали на завод, то я, чтобы сократить путь к месту, где должен был монтироваться пресс, решил провести их через цех механической обработки снарядов. Как раз в этом цехе работали ученики ремесленного училища. Среди них был один, совсем небольшой росточком. Чтобы он мог дотянуться до станка, обрабатывающего снарядные заготовки, пришлось поставить скамеечку. Но с первого дня мальчик выполнял суточную норму, установленную для взрослого рабочего, на сто двадцать процентов.

Когда мы вошли в цех и Никонов его увидел, он воскликнул:

— Андрей, как ты сюда попал?

Мальчик повернул голову и, увидев Никонова, спрыгнул со скамеечки и бросился к нему. Его лицо, озаренное радостью, вдруг исказилось, как от боли, и он отвернулся. Я видел, как по щеке паренька пробежала крупная слеза.

— Вы его знаете? — спросил я Никонова.

Никонов кусал губы и вместо ответа только кивнул головой. Андрей рукавом рубахи вытер слезы и, не оборачиваясь, вновь поднялся на скамейку. Мы с Никоновым пошли дальше. Но он все время оглядывался, потом вдруг остановился и, потянув меня за рукав, сказал:

— Подождите, я сейчас вернусь.

И быстро зашагал к Андрею. Взял его за плечо, наклонился и, что-то сказав, вернулся к нам.

Никонов был сильно взволнован.

— Я давно знаю эту семью. В Ленинграде мы жили в одном доме, в одном подъезде. Собственно, от семьи-то он один и остался. Отец погиб на фронте, а мать вместе с дочкой погибли во время бомбежки города, — глухо произнес Никонов. — От

Андрея пытались скрыть эту трагедию, но как ее скроешь, и мальчик, видимо, уже все знает.

Я взглянул на Никонова. Лицо у него стало каким-то каменным, взгляд сосредоточенным, скулы выдались, а кожа на лбу собралась в глубокие складки.

Герой Социалистического Труда В. С. Емельянов.
Из книги «В дни войны»

АХТУНГ: ПИОНЕРЫ

Всеми средствами препятствовать гражданским лицам двигаться по железнодорожным путям. Особенно нужно остерегаться повсюду спящих мальчишек советской организации пионеров...

Приказ по немецкой армии. 1942 год

ЗВАНИЕМ ПАРТИЗАНА — ГОРЖУСЬ!

...Вы не сумеете определить мой гнев на фашистов... Свой гнев я выражаю беспощадной борьбой с кровавым гитлеризмом.

С момента войны, как на нас напали гитлеровские бандиты, я ни одного часа не прекращаю борьбы. Я являюсь красным партизаном, и этим званием я горжусь...

Нашему гневу нет предела и не будет, пока все гитлеровцы не найдут на нашей земле смерть... Всё не опишешь. Я сам свидетель и на сегодняшний день жив, буду мстить за разоренность наших сел и городов, за издевательства... пока буду видеть, пока буду слышать, пока кровь моя будет течь по моим жилам, буду бить, буду уничтожать врагов.

Из письма комсомольца-подпольщика
И. К. Кабушкина родным

20 сентября 1942 года

И. К. Кабушкин — прославленный подпольщик, комсомолец, возглавлявший оперативную группу Минского подпольного комитета КП(б) Белоруссии по уничтожению агентов фашистской разведки. Отважный подпольщик был известен под именами «Жан», «Сашка», «Бабушкин», «Назаров». В феврале 1943 года он был схвачен гитлеровцами при выполнении боевого задания и погиб в фашистском застенке.

В мае 1965 года И. К. Кабушкину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В течение 24 сентября наши войска вели ожесточенные бои с противником в районе Сталинграда, в районе Моздока и в районе Синявино. На других фронтах существенных изменений не произошло.

*Из сообщения Совинформбюро
24 сентября 1942 года*

КЛЯТВА ЗАЩИТНИКА СТАЛИНГРАДА ВОИНА-ГЕРОЯ ЯКОВЛЕВА

МОЯ КЛЯТВА

**Я — партии сын, и Отчизна мне мать,
В бою я не буду назад отступать,
А если погибну в жестоком бою,
Скажите словами народу:
Он честно, достойно отдал жизнь свою
В сражение с врагом за свободу.**

В июле 1942 года фашистские полчища рвались к Волге. Началась невиданная в истории битва, продолжавшаяся непрерывно 200 дней и ночей и окончившаяся победой советских людей.

Август... Это были тяжелые дни для Сталинграда. Горел город, покрытый весь клубами черного удушливого дыма. Фашистские самолеты волнами шли через передовые позиции защитников города и засыпали берег градом бомб.

Первыми из первых и храбрыми из храбрых были верные сыны партии и комсомола. Лучшие бойцы и командиры вступали в те дни в партию и клялись: «Коммунисты с Волги не уйдут!» Такую же клятву дал и секретарь комсомольской организации Яковлев.

...Он уже не в силах был помнить, какую по счету атаку они только что отбили. И вдруг на роту двинулось сразу 18 черных танков. Среди бойцов вспыхнуло замешательство. Но Яковлев, взяв две противотанковые гранаты, поднялся во весь рост и бросил их одну за другой под танки. Головной танк взорвался. Яковлев упал, сраженный пулями. Бойцы, следуя его примеру, забросали танки гранатами и стремительно опрокинули вражескую пехоту.

Август 1942 года

ОНИ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Надписи на стене дома на площади имени Ленина в городе Сталинграде. Не позднее ноября 1942 г.

Мать-Родина!

**Здесь героически сражались с врагом гвардейцы Родимцева
Алексей Аникин, Павел Довженко.**

Этот дом отстоял гвардии сержант Яков Федотович Павлов!

ВОСХИЩЕН НОВЫМ ПОКОЛЕНИЕМ ПАВЛОВ КОРЧАГИНЫХ

Дорогие товарищи!

Вы просите сообщить мое мнение о той роли, какую сыграли в боях за Сталинград комсомольцы 62-й армии. Могу сказать одно: комсомольцы со своим фантастическим бесстрашием и мужеством, толкавшим их во имя победы Родины на легендарные, неслыханные в истории войн подвиги, прекрасно помогли 62-й армии добиться в защите города тех успехов, о которых сегодня говорит весь мир.

Прошу передать Центральному Комитету комсомола мое восхищение новым поколением Павлов Корчагиных...

Потомки наши никогда не забудут величия духа и сказочной крепости комсомольских сердец у стен Сталинграда, выдержавших и отбросивших вспять всю военную мощь Германии. Когда 62-я армия, с треском вышибив немцев, снова с высоко поднятыми знаменами пройдет через весь Сталинград, мы лучшую улицу в городе назовем Комсомольской.

Примите боевой привет от защитников Сталинграда.

Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. Ч у й к о в.
Сталинград, декабрь 1942 года

1943

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

БИТВА НА НЕВЕ

Ночь на 12 января... По заснеженным дорогам идут и идут войска, исчезая во мраке, в лесах. Двигутся автоколонны. Дальнобойные батареи заняли фронт от Ладожского озера до Ленинграда. Жерла устремлены на Шлиссельбург, на Московскую Дубровку, на Синявино. Мерцают кое-где огоньки. Мчатся с последними распоряжениями офицеры связи. Балтийским морякам-артиллеристам приказ о наступлении был объявлен рано утром. Темно, холодно. При скупом свете керосинки сверкают только молодые горячие глаза. Краткое вступление... «Город Ленина ждет. Он вправе требовать такого удара, чтобы немецкую блокаду к чертям сорвать и дух немецкий вообще выветрить из окрестностей».

На артиллеристов ложится задача очень большого значения. Сложные инженерные узлы, вся эта сеть немецких дотов, дзотов, траншей, укреплений, карьеров, батарей, затянутая вокруг Ленинграда, должна быть пробита! Артиллеристы-балтийцы выделяют сотни своих моряков и в ряды гвардейской пехоты. На аэродромах готовятся летчики. Балтика в историческом бою будет биться везде, и биться с таким напором, что он в памяти людской останется.

Дивизии на исходных рубежах. Все тихо, незримо. Сотни и сотни орудий, расставленных скрытно и умело, ждут. Утро. Глаза всех впились в стрелку часов. Ну, ну?.. 9 часов 30 минут, и загрохотали орудия. Артиллерия — «бог войны». Весьма свирепый и могучий бог, ничего не скажешь. Это металлургия Ленинграда, металлургия страны объясняла Гитлеру, что такое война против СССР.

Били многие калибры. От малых тявкалок до пушек-гигантов, снаряды которых покрепче авиабомб весом в тонну.

Дымом стало заволакивать горизонт. Наблюдатели впились в эту бурую стену, сквозь которую пробивались огни разрывов. Гул, гул, сплошной гул, а порой выбрасывало черные гейзеры дыма.

Орудия накалились. Пузырилась краска. Потом она стала гореть. Орудия были белого маскировочного цвета, — они стали бурыми, черными. От них волнами несло горячий воздух. Артиллеристы работали, не прекращая и не снижая темпов. Через руки проходили сотни пудов металла, сотни бросков, толчков, резких напряжений всех мышц. Люди обливались потом на морозе, сбрасывали ватники, бушлаты. Показались знакомые тельняшки и крепкие мускулы.

Стоял сложный смешанный гул, треск и грохот. В него вторгался львиный рык пушек. Немцы отвечали. Местами от обработки артиллерии чернел снег.

Бомбардировщики и штурмовики конвейером ныряли, пикировали прямо на немецкие позиции. Всеми овладела горячка боя. Сносились целые немецкие узлы сопротивления.

На некоторых участках ошеломленные, оглохшие фрицы побежали спасаться во вторую линию. Артиллеристы добрались и туда...

В назначенный час двинулась пехота. Исходной точкой был на нашем участке знаменитый рубеж балтийских моряков на Неве: здесь все бойцы за редкую отвагу поголовно орденоносцы. Здесь в знак упорства, в знак неукротимости духа еще осенью моряки, взяв немецкий опорный узел, воткнули в глубину окопа русскую винтовку и на штык ее — матросскую тельняшку, полосатую, бело-синюю. Всю зиму немцы хотели сбить моряков с этого рубежа. Не смогли.

Теперь на этом участке и начался удар. Как шли, если бы вы видели, как шли ленинградские полки! По льду, среди разрывов — полыньи вокруг — лица, обращенные прямо к врагу, — и по морозу, в голубеющее небо клич: «За Ленинград!» Штыком и гранатой по сопротивляющимся фрицам!

Артиллеристы армии и артиллеристы-балтийцы перенесли огонь в глубину. Раскаленный металлический вал покапался дальше.

Бой в современной войне не решается одним броском. Завязалась борьба. Невские селения, электростанции, торфяные разьезды, склады — все было превращено немцами в крепостные сооружения, в фортификации разных видов.

На батареях переходили к методической стрельбе, потом вновь применяли огневые налеты. Так били орудия балтийских артиллеристов Тарасова, Потехина, Жука, Барбакадзе, Лезотова, Симакина и других. Всех не назовешь. Работали все — больные, раненые, девушки-связистки, писари. Никто в стороне быть не мог. Это за Ленинград! За всех родных, близких, столько перестрадавших... Все, что было в силах человеческих, сделано было в этом напряженнейшем долгом бою. Ночь сменилась утром. Стоял 17-градусный мороз. Утомленные непрерывной тревогой и стрельбой, люди не отдыхали. Ленинград — честные, доблестные рабочие и работницы, инженеры и техники оборонных заводов — давал нам новый боезапас. Его выгружали по ночам у батарей. Мы не знали нужды в снарядах.

Бой длился сутки за сутками. Разрушались и истреблялись немецкие узлы один за другим, десяток за вторым, за третьим. Долгими ночами висели желтые мертвенные ракеты над лесами Невы. С озера в штурмовые атаки пошли храбрецы-лыжники. Немецкая оборона дала ряд трещин. Она стала разваливаться на куски.

Бойцы Ленинграда с упорством неопишущим двигались вперед и вперед. Артиллеристы продолжали свою работу.

С Невы везли раненых стрелков — героев штурмового удара. Один майор спросил: «Где моряки?» Расцеловал их, закопченных, утомленных и радостных: «Ну, черти, и огонь вы дали! Ну и дали!»

Наблюдательные пункты сообщали новость за новостью. Наши штурмуют Шлиссельбург. Взято много опорных пунктов. Гонят пленных.

Огонь переносился все дальше. Впереди, по железнодорожным веткам, уже шли саперы, железнодорожные рабочие. Немцы огрызались, по ночам подтягивая железнодорожные батареи. Их засыпали огнем и выметали с их позиций. Вспыхивали новые пожары в немецком тылу. По ночам над нашими головами, почти задевая за телеграфные столбы, пролетали наши ночники-бомбардировщики — держать немцев, не давать им ни

минуты передышки. К станциям в ближнем немецком тылу подвозили резервы. Их накрывали сразу форсированными артиллерийскими ударами. И в снегах оставались сотни трупов. Артиллеристы Балтики во много раз перекрыли в этой битве уставные нормативы.

Бой принимал все больший размах. Из роты в роту, с батареи на батарею бежал слух: «Пробились, соединились!»

О, много еще мы будем говорить об этой битве. Но это потом. Сейчас бой продолжается. В радости своей ленинградцы обращают первую мысль свою к фронту. Чем они сегодня помогли ему? Чем его порадовали? Чем отдарить бойцов, которые идут сквозь болота и леса, по пояс в снегу, под огнем?

Поможем фронту всем, что только мы можем сделать. Будем громить, опрокидывать врага. Гнать его, гнать до края могилы. Ненависти, воли и силы у Ленинграда хватит! Мы сполна за все рассчитаемся с Гитлером. Расчет уже начат!

20 января 1943 года

Евгений КРИГЕР

ОТВЕТ СТАЛИНГРАДА

Когда-нибудь в далеком будущем историки снова и снова вернутся к изучению поразительного явления в области военного искусства — обороне Сталинграда в 1942 году. Они ничего не смогут понять, если не примут в расчет один фактор, не подающийся графическому изображению на картах и схемах.

В те дни советская страна находилась под угрозой небывалой, зловещей. Немцы под Сталинградом, в самом Сталинграде, немцы на горных перевалах Кавказа, в калмыцких степях, на подступах к нефти, немцы рвутся к Астрахани, заносят окровавленный меч над великой русской рекой, грозят перерубить гигантскую, питающую фронт артерию — Волгу. У всех на сердце великое слово: Сталинград. И в нем для миллионов людей и тревога, и гордость, и боль, и суровая прочная слава — на века, для потомков.

Изучая карту сталинградской обороны, будущие военные исследователи увидят, что все преимущества были на стороне гитлеровской армии. Множество сухопутных дорог для подвоза войск и боеприпасов к линии фронта (в то время как у защитни-

ков города одна переправа — через Волгу), обширная территория для маневра (у нас же позиции узкой полосой вытянуты вдоль берега Волги, втиснуты в каменную тесноту города и на многих участках расположены ниже немецких позиций). И, наконец, появление под стенами города колоссальных сухопутных и воздушных сил против немногочисленного в первые дни сталинградского гарнизона.

Все это, вместе взятое, покажет историкам, что в подобных случаях защитить город было немыслимо и самый факт успешной обороны в течение многих месяцев противоречит обычному представлению о человеческих возможностях.

И ничего не поймут добросовестные и точные исследователи, если забудут о самом важном факторе — о свойствах русских людей, о нравственной силе советского человека.

В Сталинграде, как и всюду, на всех фронтах, ядро армии, ядро обороны составляли люди, родившиеся после Октября и воспитанные революцией, подвигами партии и народа. Многие из них, зарывшись с винтовками в разрушенный немецкими бомбами камень, помнили железные ночи Тракторостроя, Магнитки, Кузнецка, бураны в степи, ледяной ветер, от которого дыхание застывало во рту и кожа трескалась на руках, помнили оркестры, игравшие марши в буранах, труд комсомольцев-бетонщиков, арматурщиков, гнавших бетон днем и ночью, чтобы заводы были построены к сроку на Волге, на Урале, в Сибири.

Сталинград — город нашей молодости. Молодые заводы, молодые сады на левом берегу Волги, новые школы и институты, новые улицы. Я видел юношей и стариков, плакавших при виде горящего города, в котором многое было создано их руками.

Нож войны гитлеровцы вонзили в живое тело города. Молодой танкист, бывший учитель, рассказывал мне: он видел девочку, заваленную грудой камней на третьем этаже здания. Ее нельзя было вытащить. При малейшей попытке высвободить ее камень задавил бы девочку насмерть. Учитель видел хирурга, приступившего к чудовищной операции. Чтобы спасти девочке жизнь, нужно было отсечь ей зажатую камнем ногу. У девочки уже не было сил кричать: несколько часов она висела над дымящейся улицей. Внезапно хирург прервал операцию: немцы добились ребенка осколком.

Среди развалин, взывающих о мщении, в оцепенении города, раздавленного войной, в пламени и в дыму вдруг возникает детский хоровод. Взявшись за руки, дети танцуют. Это немыслимо. Тот, кто видел это, вздрагивал, будто глаза его поразила острая, резкая боль. Но это каменный хоровод — чудом со-

хранившаяся, исцарапанная осколками, опаленная пожарищем скульптурная группа: дети танцуют. Все, что осталось от площади. Этого я не забуду.

Таким мы видели Сталинград не одну ночь и не один день. Пламя войны терзало его многие недели, и уже не хватало в сердце горечи, чтобы до конца осознать нечеловеческую муку людей Сталинграда. И боль становилась злобой, сухой и едкой, как порох, брошенный на обнаженную рану. И самые простые, обыкновенные люди становились тогда солдатами невиданной обороны.

Много степных дорог вело с запада к городу, в район немецкой осады. Неделями, месяцами Гитлер гнал по этим дорогам войска, машины, снаряды, резервы, а у защитников Сталинграда была одна переправа, единственный путь к городу — через Волгу, в дыму, под бомбами и снарядами, под пулеметным огнем. Но одна русская переправа стоила многих немецких дорог. Город держался. По вздыбленной взрывами реке к нему пробрались волжские баржи с резервами, с боеприпасами, люди на берегу выстраивались в цепь, в реве и грохоте бомбардировок перебрасывали с рук на руки мины, снаряды до самой линии боя, где люди срослись с камнем, и камень стал тверже, гнулись и ломались об него зубья вражеской военной машины.

Защитники Сталинграда, начиная от волжских лодочников на переправе до командиров дивизий и армий, дрались там, где драться было уже невозможно, стояли там, где выстоять было немыслимо, сражались в горах камня, размолотого немецкими бомбами, изгрызенного немецкими танками, обращенного в пыль немецкими машинами и снарядами. Они решили, что не уйдут, хотя бы на их головы свалился весь ад войны, и они не ушли.

Гитлеровские военные обозреватели называли это «бессмысленной храбростью русских». Гитлеровцы считали, что Сталинград более не может обороняться. На узкие кварталы города они сбрасывали не только бомбы, они сбрасывали листовки, обращенные к гвардейцам генерала Родимцева, к солдатам генерала Чуйкова, и в листовках изображали схему их окружения грандиозными силами немцев и убеждали, что сопротивление бесполезно, нужно прекратить борьбу, сохранить себе жизнь и сдаться.

Солдаты знали своих генералов. Они понимали, что немцы хотят посеять в лагере осажденных эпидемию страха. Солдаты топтали листовки ногами и снова бросались в атаку.

Тогда немцы решили довершить свой удар новым штурмом.

Они начали штурмовать волю, психику, нравственную силу защитников города.

В небе ни на минуту не умолкал вой фашистских самолетов. Бомбардировщики появлялись с первыми лучами солнца и уходили только с темнотой. В один из самых трудных дней обороны они сбросили на узкий участок шириной в полтора километра две тысячи тонн бомб. Это — 1850 самолето-вылетов, 1850 ударов парового молота по хрупкому камню, в котором — люди. Взять измором нервы русского человека, долбить и долбить, ибо даже капля воды, падая непрерывно в течение многих и многих часов, может пробить человеческий череп и добраться до мозга.

Вслед за бомбардировкой гитлеровцы вводили в проломы свои танки, и перемолотый бомбами камень хрустел под стальными гусеницами, как во время пытки хрустят на дыбе человеческие кости.

Не было еще сражения, которое длилось бы непрерывно из часа в час, из минуты в минуту, неделями, месяцами. Такое сражение выдержали защитники волжского города.

В августе у германских генералов не было и тени сомнения в том, что Сталинград скоро, через несколько дней, будет немецким. Но еще в ноябре корреспондент «Берлинер берзенцайтунг» писал угрюмо:

«Борьба мирового значения, происходящая вокруг Сталинграда, оказалась огромным, решающим сражением. Участникам борьбы за Сталинград известны лишь ее отдельные ужасные детали, они не могут оценить ее во всем объеме и предвидеть ее конец. Если среди многих тысяч найдется Гойя, то пусть кисть его когда-либо изобразит потомкам все ужасы этой уличной борьбы. У тех, кто переживет сражение, перенапрягая все свои чувства, этот ад останется навсегда в памяти, как если бы он был выжжен каленым железом. Только позднее будут зарегистрированы характерные признаки этой войны, не имеющей прецедентов в истории войн, и будет создано тактическое учение об уличной борьбе, которая нигде еще не происходила в таких масштабах, с участием всех средств технической войны и в течение такого продолжительного времени. Впервые в истории современный город удерживается войсками вплоть до разрушения последней стены. Брюссель и Париж капитулировали. Даже Варшава согласилась на капитуляцию. Но этот противник не жалеет собственный город и не сдается, несмотря на тяжелые условия обороны».

Так писал гитлеровский корреспондент.

Фашистам хотелось бы, чтобы, «жалая собственный город», русские отдали его на растерзание фашизму. Но русские действительно жалели свой город, и они спасали его, они отстаивали его, хотя, согласно «классической» военной теории, это невероятно, чудовищно.

Бой шел вплотную, как рукопашная схватка, где люди хватают друг друга за горло и душат. Но рукопашная схватка длится в окопе минутами, здесь она продолжалась месяцами. Бой шел в подвалах, на лестничных клетках, в оврагах, на высоких курганах, на крышах домов, в садах, во дворах — тесно было войне в Сталинграде. Люди вросли в камень, слились с городом в одно целое, и камни города стали живыми. В них слышались шорохи, человеческое дыхание, стук закладываемой обоймы.

Удержать Сталинград невозможно, но советские воины Сталинград удержали.

Как объяснить это?

Я помню слова начальника штаба 62-й армии, которую возглавлял генерал-лейтенант Чуйков. Начальник штаба работал в землянке, вырытой на самом берегу Волги. Он кашлял так, что больно было смотреть на него. Я думал, что он болен, и пожалел его, и сказал ему об этом, и он рассмеялся. Через полчаса я тоже стал кашлять, и тогда уже полковник пожалел меня и улыбнулся, и я понял, что кашель вызывается взрывными газами от немецких снарядов и бомб.

Начальник штаба трудился невозмутимо и обстоятельно, как в московском своем кабинете, приказания по телефону отдавал вполголоса, давая тем самым понять своим подчиненным, что все в порядке, обстановка для работы нормальная. И в тот день я запомнил его слова:

— Если бы три недели назад мне сказали, что и сегодня мы будем в Сталинграде, я бы не поверил. Прижатые к Волге, без возможности маневра, с одной переправой... Нет, не поверил бы.

В то утро, когда происходил этот разговор, гитлеровцы бросили на поселок завода «Красный Октябрь» 130 танков с пехотой и автоматчиками. Бой развернулся в полутора километрах от землянки, в которой беседовал со мной полковник. Он продолжал:

— Кто может гарантировать, что через двадцать минут здесь не появятся немецкие танки и всем нам не придется карабкаться на эти прибрежные кручи, чтобы выскочить, если до этого нас не прихлопнут? Это не только возможно, более чем вероятно. Тем не менее этого не будет.

Я спросил:

— Вы уверены, что вам удастся продержаться?

Глядя на меня воспаленными от бессонницы глазами, полковник быстро ответил:

— Теперь да.

— Но ведь теперь вам труднее в тысячу раз, чем прежде, чем неделю, месяц назад.

— Да. Но теперь-то мы и узнали как следует наших солдат. Никто из них не хочет ни уходить, ни сдаваться. И они не уйдут, они верят в победу.

— Здесь?

— Да, — ответил полковник, — именно в этом положении и стоит верить в победу.

— Вы надеетесь на чудо? — спросил я.

Полковник усмехнулся.

— В советском военном лексиконе такого понятия нет. Мы надеемся на себя.

Вот что поражало всегда в Сталинграде. У солдат обороны даже в самые страшные дни не было чувства обреченности. Если немцы снова и снова переходили в наступление, — чем им ответить? Атакой! Так они действовали.

Когда-нибудь наши потомки увидят в обновленном солнечном городе бережно охраняемые руины домов, где держались гвардейцы генерал-майора Родимцева, бросаясь в атаку в тот час, когда немцы уже считали их мертвыми. Взводами они гнали немецкие роты, батальонами гнали немецкие дивизии, и городские кварталы, овраги, высоты трижды переходили из рук в руки. Гитлеровцы считали это бессмысленной храбростью русских. Смысл русской храбрости открылся врагам, когда их погнали от Сталинграда. Красноармейцы умели смотреть дальше и видеть больше, чем теоретики в фашистских штабах. Они знали, что рано или поздно их поведут в наступление. Это придавало им силы и в обороне.

Я ни разу не видел среди сталинградских бойцов людей с печатью уныния на лице, хотя были моменты, когда пасть духом могли бы самые сильные. Сами же гитлеровцы, несмотря на преимущества своего положения, вопили, что попали в ад. Теперь этот ад в памяти любых агрессоров действительно «останется навсегда, как если бы он был выжжен каленым железом».

Я помню день, когда народы мира — в Европе и за океаном — слышали сообщение, потрясшее умы, опрокинувшее обычное представление о возможном и невозможном, затмившее все, что знали в истории войн о доблести солдат и мудрости полководцев.

Русские под Сталинградом перешли в наступление.

Далеким наблюдателям это казалось невероятным. Считалось, что даже оборона Сталинграда есть чудо и советские войска, державшие подступы к Волге, пережили тот предел сверхмерного напряжения, за которым силы человеческие исчерпываются. Большого от человека, самого отважного, самого стойкого, ждать нельзя. И вот, прижатые к Волге, окруженные, стиснутые со всех сторон дивизии Сталинградского фронта в полном взаимодействии с другими войсками Красной Армии переходят от обороны к решительному наступлению, берут гитлеровцев в кольцо, грозят раздавить всю армию фельдмаршала фон Паулюса.

Кто мог думать тогда, что внезапным и точно рассчитанным ударом советские войска выгнут стальную дугу немецкого окружения и муки Сталинграда превратят в победу Сталинграда, зажмут вражескую армию в тисках тройного окружения, заставят гитлеровцев зарыться в землю, голодать, питаться кониной и, наконец, предьявив предложение о капитуляции, получив отказ, начнут планомерное уничтожение всех германских войск в районе измученного Сталинграда.

В те тяжелые дни, осенью 1942 года, это казалось настолько невероятным, как если бы залитая лавой Помпея восстала из огненной своей гробницы и в страшной жажде возмездия поглотила Везувий.

С первого дня обороны советские солдаты верили, что рано или поздно их поведут в наступление. Вот почему не было видно угрюмых людей в Сталинграде, в дымящихся расщелинах между камнями, где и дышать почти невыносимо, а люди там дрались; на прибрежном песке, где оборонялись бойцы генерала Родимцева, хотя песок не может быть крепостью; на переправе, где лодочники и капитаны стали солдатами невиданной битвы; в толще города, где рушились стены домов и камни становились щебнем и пылью, а советские люди оставались стоять против десятков и сотен танков противника.

Четверть века, прожитая с ленинской истиной в сердцах миллионов людей, стала и здесь гранитом на берегах русской Волги. Доблестная мысль снова, как год назад под Москвой, взлетела над войсками зовом к наступлению и победе. Когда не советские, а фашистские армии стали гибнуть под Сталинградом, выяснилось, что именно на этом участке фронта разыгралась решительная борьба не только между советскими и немецкими солдатами, но между гитлеровским генеральным штабом и Генеральным штабом Красной Армии. И советский Генеральный штаб победил. Победила железная выдержка. В самые

страшные для всей страны дни подготовлялся в полной тайне неожиданный и роковой для немцев удар. Это — победа советской военной мысли, советского плана войны. Это — победа ленинской партии, ее стратегического гения, ее веры в народ, ее нестигаемой воли к победе.

Настал час, когда сквозь бешеный рев берлинского радио, предвещавшего близость триумфального для гитлеровской Германии конца войны, сквозь тревожную переключку радиостанций Европы и Америки, вопрошавших о судьбе Сталинграда, сквозь грохот пушек германской осадной артиллерии, над душевраздирающим гулом волжской битвы прозвучало:

— Вперед!

И гитлеровцы, окружавшие Сталинград, сами стали трижды окруженными, и гитлеровские генералы попали в плен вместе со своими голодными, оборванными, ошалевшими от страха солдатами, и страх от берегов Волги проник в далекую Германию, просочился во все немецкие дома, сковал оловянные сердца фашистских «фюреров», маленьких и больших, и самое острое жало вонзил в сердце бесноватого Гитлера.

Сталинград стал страшен Гитлеру, потому что Гитлер считал его преддверием к полной своей победе над советской страной и был убежден, что нет таких сил, которые способны были бы помочь русским в обороне волжского города.

Военные обозреватели многих стран предвещали неминуемое падение Сталинграда. Там, за океаном, мало кто мог подумать, что десятки немецких дивизий завоюют от страха, спасаясь от встречного штурма, зароятся в землю, падут духом, потеряют волю к сопротивлению, увидев, как измученный, окровавленный город всей своей нетленной человеческой силой поднимается навстречу убийцам и заносит над ними тяжелый меч возмездия.

Окруженным под Сталинградом гитлеровским армиям предъявляется ультиматум о сдаче. В назначенный ультиматумом час, секунда в секунду, повинаясь едва заметному движению часовой стрелки, сотни советских батарей открывают огонь, сотни советских бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков занимают фронт в небе, главенствуют.

На советской суше и в советском небе у Волги осуществляется доблестное «Вперед!». Это — ноябрь 1942 года. Поднятые из-под земли руки: гитлеровских солдат вытаскивают за шиворот из подвалов. Просунутые через проломы в стенах белые флаги: гитлеровские генералы сдаются в плен вместе со своими штабами. Монокли еще блестят у них под бровями, но в глазах свет потух.

Пленный фельдмаршал фон Паулюс предъявляет свои документы.

Кончено.

Гитлеровцы хотели победно промаршировать через Волгу. Мы помним, как они прошли через Волгу — одинокая, колченогая фигура пленного в соломенных чунях плетется по льду.

Тишина.

Мир, пораженный стойкостью Сталинграда, ждал объяснения того, что казалось чудом. Люди, сотворившие чудо, ответили всему человечеству:

— Это наша воля, наша вера в победу.

Февраль 1943 года

Маргарита АГАШИНА

ФЕВРАЛЬ

Над площадями Волгограда
Опять метелицы кружат.
Двадцатилетние солдаты
Двадцатый год в земле лежат.
А на земле, воспетой в песнях,
Над волжской медленной водой
Поднялся город — их ровесник —
Великий, светлый, молодой.
Он потому велик и светел,
Что в час бессмертья своего
Они — в огне, сквозь дым и пепел —
Таким увидели его.

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА

Говорят документы

Дорогой товарищ Нарком! Пишет Вам простой рабочий из города Уфы. Шести лет я лишился родителей. Будь это в капиталистической стране, мне грозила бы голодная смерть. Но у нас, в Советском государстве, позаботились обо мне, обеспечили образование и специальность слесаря; за все это я очень благодарен Коммунистической партии и Советской власти, и сейчас,

когда наша Родина в опасности, я хочу защищать ее с оружием в руках.

Здесь, в Уфе, я трижды просился на фронт и трижды мне было отказано в этом. А мне 17 лет. Я уже взрослый. Я больше принесу пользы на фронте, чем здесь. Убедительно прошу Вас поддержать мою просьбу — направить на фронт добровольцем и желательно на Западный фронт, чтобы принять участие в обороне Москвы.

А. Матросов.

Из письма на имя Народного комиссара обороны СССР

Матросов Александр Матвеевич, 1924 года рождения, уроженец города Днепропетровска, происходит из семьи рабочего, образование семь классов, русский. Зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Работал на мебельной фабрике в качестве слесаря стахановскими методами. За хорошую работу на производстве, отличную учебу в школе и поведение Матросов А. М. с 15 марта по 23 сентября 1942 года был в должности помощника воспитателя. Кроме того, был избран председателем центральной конфликтной комиссии. Активная работа в учебно-воспитательной части и личное поведение Матросова окончательно подготовили его к самостоятельной жизни. Товарищ Матросов выдержан, дисциплинирован, умеет правильно строить товарищеские взаимоотношения. Характеристика дана для предъявления в РККА.

Из характеристики (сентябрь 1942 года)

Дорогая Лида! Только что закончилось комсомольское собрание. Почистил автомат, покушал. Комбат говорит: «Отдыхайте лучше, завтра бой». А я не могу уснуть. В окопном блиндаже нас шесть человек, седьмой на посту. Пятеро уже спят, а я сижу возле печурки при свете «гасилки» и пишу это письмо. Завтра, как встанем, передам его связному. Интересно знать: что-то ты поделяваешь сейчас? У нас, на фронте, как стемнеет немного, так и ночь. А у вас в тылу — электрический свет. Поди, ложитесь спать часов в 12. Я часто вспоминаю тебя, Лида, много думаю о тебе. Вот и сейчас хочется поговорить с тобой обо всем, что чувствую, что переживаю...

Да, Лида, и я видел, как умирали мои товарищи. А сегодня комбат рассказал случай, как погиб один генерал, погиб, стоя лицом на запад.

Я люблю жизнь, хочу жить, но фронт такая штука, что вот живешь-живешь, и вдруг пуля или осколок ставят точку в конце твоей жизни. Но если мне суждено погибнуть, я хотел бы умереть так, как этот наш генерал: в бою и лицом на запад...

Твой С а ш о к

Начальнику политотдела 91-й бригады
майору И л ь я ш е н к о М. В.

Нахожусь во втором батальоне. Наступаем... В бою за д. Чернушки комсомолец Матросов, 1924 года рождения, совершил героический поступок — закрыл амбразуру дзота своим телом, чем и обеспечил продвижение наших стрелков вперед. Чернушки взяты. Наступление продолжается. Подробности доложу по возвращении.

Агитатор политотдела ст. лейтенант В о л к о в

Из приказа Народного комиссара обороны № 269

23 февраля 1943 года гвардии рядовой 254 гвардейского стрелкового полка 56 гвардейской стрелковой дивизии Александр Матвеевич Матросов в решающую минуту боя с немецко-фашистскими захватчиками за дер. Чернушки, прорвавшись к вражескому дзоту, закрыл своим телом амбразуру, пожертвовал собой и тем обеспечил успех наступающего подразделения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года гвардии рядовому тов. Матросову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова приказываю:

1. 254 гвардейскому стрелковому полку 56 гвардейской стрелковой дивизии присвоить наименование «254 гвардейский стрелковый полк имени Александра Матросова».

2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1-й роты 254 гвардейского полка имени Александра Матросова...

8 сентября 1943 года

ЗУБКОВСКАЯ БАТАРЕЯ

Итак, наконец, вот он — Новороссийск...

Я покинул его почти год тому назад, когда никто не мог и подумать, что наступит день, когда эта третья база Черноморского флота окажется в руках фашистской армии. Я видел его полным силы. Отсюда уходили корабли и транспорты в помощь Севастополю, куда Новороссийск отправлял и войска, и «огурчики», и провиант, и нас, литераторов. Его улицы и дома я видел тогда в спокойствии полнейшем и в душевной заботе о Севастополе. И сколько посылок безымянным бойцам морских полков и Приморской армии от безымянных новороссийцев перевезли в Севастополь «оказии»!.. Для них, севастопольцев, Новороссийск тогда, в марте 1942 года, был некоей мечтой безмятежности, покоя, отсутствия ежеминутной смерти.

И вот он — передо мной.

Я разглядываю смутные его очертания в линзы стереотрубы с батареи Зубкова, расположенной на высокой горе, которая так и называется Высокой. Батарея эта чудом существует на этой высоте, отлично известной немцам, — известной настолько, что вся земля тут изрыта воронками от крупных снарядов, а деревья и кусты посечены осколками, вызывая в памяти одесскую Ильичевскую посадку осиповского полка или севастопольский дубнячок Третьего морского полка. Этой батарее фашисты не дают покоя: уж больно она им досаждаёт. Две недели назад она со штурманской точностью, минута в минуту по времени и метр в метр по дистанции, поддерживала куниковский десант, высаженный в самый город, который гитлеровцы считали захваченным надолго, если не навсегда...

А почему и не навсегда?

Ведь это — уже Кавказ, за ним — Персия, а там уже Индия и господство на всем материке Евразии.

Но неожиданным образом «адольфяне» — это новое словечко я подхватил здесь — застряли в черноморском флотском городе надолго. Выяснилось, что Цемесская бухта непроходима ни по побережью, ни по воде. Обнаружился какой-то «девятый километр», а на нем — разбитый железнодорожный вагон.

Казалось бы, пустяк в громадной войне — вагон. Но он вырос в некий символ. Застряли тут гитлеровцы. Бьются, бьются — а пройти не могут, хоть брось. И не пройдут. Вот так и сидят тут

они, бывшие завоеватели Европы, со страхом оглядываясь на черные от трупов снега под Сталинградом. Сидят и ждут у моря погоды. А погода на море для них оказалась неблагоприятная.

В ночь на четвертое февраля на побережье Новороссийска (которому фашистская газетка уже придумывала новое имя: «Адольфштадт» или «Кауказусзиг» — «Кавказская победа») внезапно высадился десант черноморских моряков. С помощью десятиминутного точного и обильного огня зубковской батареи они овладели крохотным участком берега возле мыса с романтическим названием мыс Любви. Вернее было бы именовать его «мыс Смерти», потому что за несколько дней до этого была попытка высадить разведчиков, и этот лирический мыс дал такой пулеметный, автоматный и оружейный огонь, который никак не соответствовал его наименованию.

На этот раз высадка была произведена в другом месте. Первый бросок флотского десанта под командованием майора Цезаря Куникова закрепился в немецких береговых траншеях, проник в кварталы Станички — и крошечная Малая земля, величиной в сотни квадратных метров, была отнята у проклятых фашистов. За ночь на нее были переброшены новые десантные силы, и вот они уже проникли в другие кварталы, захватили Станичку и осели в ней крепко, по-флотски: всерьез и надолго.

Десант в Станичку был лишь частью большого плана. В другом, далеко отсюда месте побережья должны были высадиться основные силы, которым была поставлена задача освобождения Новороссийска, важного стратегического пункта обороны Кавказа. Но случилось так — чего в войне не бывает! — что демонстративная высадка, которая должна была только отвлечь внимание противника, превратилась в главнейшую.

Кто же осуществил эту высадку? Кто же перебросил первый героический отряд на весьма укрепленный берег и потом переправлял на него все новые и новые сотни бойцов?

Черноморская морская сила. Но в поразительном на этот раз качестве: не было тут ни гигантских линкоров, ни красавцев крейсеров, ни быстрых эсминцев, ни таинственных подлодок — в Цемесской бухте нет для них ни глубин, ни простора.

Сделали это маленькие корабли с большой морской душой. Сделали это СК и ПК (сторожевые и пограничные катера), РТЩ и КТЩ (рейдовые и катерные тральщики), «кимки» и «зисёнки» (катера морские или с моторами ЗИС), мотоботы, рыбацьи сейнеры (которые в свое время ловили в Черном море тюльку-сельдь), самоходные баржи и даже просто двадцативесельные баркасы, которых брали на буксир их разношерстные товарищи.

Эта москитная флотилия совершила первый опасный рейс к сильно укрепленному берегу и под огнем высадила на него первый десант, а затем до утра перевозила подкрепления, боезапас, провизию, показав такое мужество и выдержку, какие стали потом нормой поведения в Цемесской бухте всего этого «тюлькиного флота» — так добродушный и ласковый краснофлотский юмор окрестил это удивительное сборище водоплавающих храбрых малюток...

В линзы стереотрубы я вижу некое ничего: плоский рельеф разрушенных домов, щемящее душу несуществование города. Но я знаю, что где-то в подвалах, в землянках, в окопах — не выразишь даже, где и в чем, — существует, дерется, ужасает и побеждает врага могущественной силы силища: флотская, марсафлотская, краснофлотская силища — добровольцы с боевых кораблей, бойцы из одесской и севастопольской морской пехоты, большевики партийные и непартийные, комсомольцы горячего сердца, советские мужчины — все, в ком яростно рвется к подвигу неумемая морская душа...

Я медленно провожу волшебный взгляд стереотрубы вдоль берега бухты. Вот тот сгоревший танк, о котором мне успели рассказать: его убило прямой наводкой то орудие, рядом с каким я стою... Знакомый пирс... Возле него из воды торчат мачты — лежит на боку полузатопленный транспорт. Это — «Украина», которая спасла столько человеческих жизней в осажденных Одессе и Севастополе. А за ней нашел вечный покой в родной черноморской воде дорогой моему сердцу лидер «Ташкент». Видеть его я не могу. Я только знаю, что он здесь.

Над кварталами Станички стали прорастать бурые разрывы крупных мин. Тотчас зубковская батарея переходит в свое опасное для врага действие. Двухминутный огонь. Запылал домик. От него отъехали три машины. Снаряд упал возле них, и две отстались рядом с костром, переняв на себя языки пламени.

На Станичку начался налет — семь «юнкеров». От Мысхако до цементного завода мечется в небе окаянная стая, то и дело опуская хищные клювы в стремительном пикировании. Тогда из земли встает очередной желто-черный столб. Вокруг самолетов возникают цветные облачка зенитных разрывов. Один из «юнкеров» вдруг выпускает длинный черный хвост дыма и идет на посадку. Это тем более неожиданно, что около него не было ни одного цветного пушка — он был ниже их, ближе к земле. Тут его и сразила автоматная очередь. Автоматная!.. Он потянул в сторону, дымя и пылая, и наконец врезался в склон горы и долго еще горел там.

Я думаю о том, какой же нравственной силой наделены эти люди, которые находятся сейчас на крохотном кусочке отвоеванной советской земли, бьются там в полной уверенности, что дождутся в своих разбитых кварталах прихода победы.

Здесь, в Станичке, чье имя войдет в историю, я вижу тот же бессмертный огонь, какой видел я в Одессе и Севастополе. Этот огонь — безмерная любовь к своей стране и безмерная ненависть к врагу. Он маленький еще, этот огонек, вспыхнувший две недели тому назад в Станичке. Но будет время, когда он встанет огненным столбом и сольется с тем ураганом беспощадного, всесжигающего пламени, которое испепелит последние остатки осквернившей нашу землю военной силы проклятого фашизма.

24 февраля 1943 года

Михаил ШОЛОХОВ

ПИСЬМО АМЕРИКАНСКИМ ДРУЗЬЯМ

Вот скоро уже два года, как мы ведем войну — войну жестокую и тяжелую. О том, что нам удалось остановить и отбросить врага, вы знаете. Вы, может быть, недостаточно знаете, с какими трудностями для каждого из нас связана эта война. А мне хотелось бы, чтобы наши друзья знали об этом.

В качестве военного корреспондента я был на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах. Сейчас я пишу роман «Они сражались за Родину». В нем я хочу показать тяжесть борьбы людей за свою свободу. Пока же роман недописан, я хочу обратиться к вам не как писатель, а просто как гражданин союзной вам страны.

В судьбу каждого из нас война вошла всей тяжестью, какую несет с собой попытка одной нации начисто уничтожить, поглотить другую. События фронта, события тотальной войны и жизни каждого из нас уже оставили свой нестираемый след. Я потерял свою семидесятилетнюю мать, убитую бомбой, брошенной с немецкого самолета, когда немцы бомбили станицу, не имевшую никакого стратегического значения, осуществляя свой разбойничий расчет: они попросту хотели разогнать население, чтобы люди не могли увести в степи скот от надвигавшейся немецкой

армии. Мой дом, библиотека сожжены немецкими минами. Я потерял уже многих друзей — и по профессии, и моих земляков — на фронте. Долгое время я был в разлуке с семьей. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности помочь семье. Но ведь в конце концов это личные беды, личное горе каждого из нас. Из этих тяжестей складывается всенародное, общее бедствие, которое терпят люди с приходом в их жизнь войны. Личное наше горе не может заслонить от нас мучений нашего народа, о которых ни один писатель, ни один художник не сумели еще рассказать миру.

Ведь надо помнить, что огромные пространства нашей земли, сотни тысяч жизней наших людей захвачены врагом, самым жестоким из тех, что знала история. Предания древности рассказывали нам о кровопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят немецкие фашисты в войне с нами. Я видел своими глазами дочиста сожженные станции, хутора моих земляков — героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных жизней. Все это принесли в нашу страну гитлеровцы по приказу своего одержимого манией крови вождя.

Эту же судьбу гитлеризм готовит всем странам мира — и вашей стране, и вашему дому, и вашей жизни.

Мы хотим, чтобы вы трезво взглянули вперед. Мы очень ценим вашу дружескую бескорыстную помощь. Мы знаем и ценим меру ваших усилий, трудностей, которые связаны с производством и особенно с доставкой ваших грузов в нашу страну. Я сам видел ваши грузовики в донских степях, ваши прекрасные самолеты в схватках с теми, которые бомбили наши станицы. Нет человека у нас, который не ощущал бы вашей дружеской поддержки.

Но я хочу обратиться к вам очень прямо, так, как нас научила говорить война. Наша страна, наш народ изранены войной. Схватка еще лишь разгорается. И мы хотим видеть наших друзей бок о бок с нами в бою. Мы зовем вас в бой. Мы предлагаем вам не просто дружбу наших народов, а дружбу солдат.

Если территория не позволит нам драться в буквальном смысле слова рядом, мы хотим знать, что в спину врагу, вторгнувшемуся в нашу землю, обращены мощные удары ваших армий.

Мы знаем огромный эффект бомбардировки вашей авиацией промышленных центров нашего общего врага. Но война — тогда война, когда в ней участвуют все силы. Враг перед нами ковар-

ный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их втрое больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо.

1943 год

Аркадий КУЛЕШОВ

БЕРЕЗКА

Стоит она возле ограды
Одна на погосте.
Осколки фашистских снарядов
Оставили след на бересте.
Стрелял чужеземец, но чудом она уцелела.
Стоит она, словно дивчина на месте расстрела.
Не плачь же, утри свои слезы,
Березка!
Над светлой рекой заплети свои косы,
Березка!
Тебя не убили, тебя не угнали в неволю.
Расти же на радость и людям, и тихому полю.

*Перевод с белорусского
Михаила Исаковского.
1943 год*

Андрей ПЛАТОНОВ

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ

Недалеко от линии фронта внутри уцелевшего вокзала сладко храпели уснувшие на полу красноармейцы; счастье отдыха было запечатлено на их усталых лицах.

На втором пути тихо шипел котел горячего дежурного паровоза, будто пел однообразный, успокаивающий голос из давно

покинутого дома. Но в одном углу вокзального помещения, где горела керосиновая лампа, люди изредка шептали друг другу успокаивающие слова, а затем и они впали в безмолвие.

Там стояли два майора, похожие один на другого не внешними признаками, но общей добротой морщинистых загорелых лиц; каждый из них держал руку мальчика в своей руке, а ребенок умоляюще смотрел на командиров. Руку одного майора ребенок не отпускал от себя, прильнув затем к ней лицом, а от руки другого осторожно старался освободиться. На вид ребенку было лет десять, а одет он был как бывалый боец — в серую шинель, обношенную и прижавшуюся к его телу, в пилотку и в сапоги, пошитые, видно, по мерке на детскую ногу. Его маленькое лицо, худое, обветренное, но не истощенное, приспособленное и уже привычное к жизни, обращено было теперь к одному майору; светлые глаза ребенка ясно обнажали его грусть, словно они были живою поверхностью его сердца; он тосковал, что разлучается с отцом или старшим другом, которым, должно быть, доводился ему майор.

Второй майор привлекал ребенка за руку к себе и ласкал его, утешая, но мальчик, не отымая своей руки, оставался к нему равнодушным. Первый майор тоже был опечален, и он шептал ребенку, что скоро возьмет его к себе и они снова встретятся для неразлучной жизни, а сейчас они расстаются на недолгое время. Мальчик верил ему, однако и сама правда не могла утешить его сердца, привязанного лишь к одному человеку и желавшего быть с ним постоянно и вблизи, а не вдалеке. Ребенок знал уже, что такое даль расстояния и время войны, — людям оттуда трудно вернуться друг к другу, поэтому он не хотел разлуки, а сердце его не могло быть в одиночестве, оно боялось, что, оставшись одно, умрет. И в последней своей просьбе и надежде мальчик смотрел на майора, который должен оставить его с чужим человеком.

— Ну, Сережа, прощай пока, — сказал тот майор, которого любил ребенок. — Ты особо-то воевать не старайся, подрастешь, тогда будешь. Не лезь на немца и береги себя, чтоб я тебя живым, целым нашел. Ну чего ты, чего ты — держись, солдат!

Сережа заплакал. Майор поднял его к себе на руки и поцеловал лицо несколько раз. Потом майор пошел с ребенком к выходу, и второй майор тоже последовал за ними, поручив мне сторожить оставленные вещи.

Вернулся ребенок на руках другого майора; он чуждо и робко глядел на командира, хотя этот майор уговаривал его нежными словами и привлекал к себе как умел.

Майор, заменивший ушедшего, долго увещевал умолкшего ребенка, но тот, верный одному чувству и одному человеку, оставался отчужденным.

Невдалеке от станции начали бить зенитки. Мальчик вслушался в их гулкие мертвые звуки, и во взоре его появился возбужденный интерес.

— Их разведчик идет! — сказал он тихо, будто самому себе. — Высоко идет, и зенитки его не возьмут, туда надо истребителя послать.

— Пошлют, — сказал майор. — Там у нас смотрят.

Нужный нам поезд ожидался лишь назавтра, и мы все трое пошли на ночлег в общежитие. Там майор покормил ребенка из своего тяжело нагруженного мешка. «Как он мне надоел за войну, этот мешок, — сказал майор, — и как я ему благодарен!»

Мальчик уснул после еды, и майор Бахичев рассказал мне про его судьбу.

Сергей Лабков был сыном полковника и военного врача. Отец и мать его служили в одном полку, поэтому и своего единственного сына они взяли к себе, чтобы он жил при них и рос в армии. Сереже шел теперь десятый год; он близко принимал к сердцу войну и дело отца и уже начал понимать по-настоящему, для чего нужна война. И вот однажды он услышал, как отец говорил в блиндаже с одним офицером и заботился о том, что немцы при отходе обязательно взорвут боезапас его полка. Полк до этого вышел из немецкого охвата, ну с поспешностью, конечно, и оставил у немцев свой склад с боезапасом, а теперь полк должен был пойти вперед и вернуть утраченную землю и свое добро на ней, и боезапас тоже, в котором была нужда. «Они уже и провод в наш склад, наверно, подвели — ведают, что отойти придется», — сказал тогда полковник, отец Сережи. Сергей вслушался и сообразил, о чем заботится отец. Мальчику было известно расположение полка до отступления, и вот он, маленький, худой, хитрый, прополз ночью до нашего склада, перерезал взрывной замыкающий провод и оставался там еще целые сутки, сторожа, чтобы немцы не исправили повреждения, а если исправят, то чтобы опять перерезать провод. Потом полковник выбил оттуда немцев, и весь склад целым перешел в его владение.

Вскоре этот мальчуган пробрался подалее в тыл противника; там он узнал по признакам, где командный пункт полка или батальона, обошел поодаль вокруг трех батарей, запомнил все точно — память же ничем не порченная, — а вернувшись домой, показал отцу по карте, как оно есть и где что находится. Отец подумал, отдал сына ординарцу для неотлучного наблюдения

за ним и открыл огонь по этим пунктам. Все вышло правильно, сын дал ему верные засечки. Он же маленький, этот Сережка, неприятель его за суслика в траве принимал: пусть, дескать, шевелится. А Сережка, наверно, и травы не шевелил, без вдоха шел.

Ординарца мальчишка тоже обманул, или, так сказать, соврал: раз он повел его куда-то, и вдвоем они убили немца — неизвестно, кто из них, — а позицию нашел Сергей.

Так он и жил в полку при отце с матерью и с бойцами. Мать, видя такого сына, не могла больше терпеть его неудобного положения и решила отправить его в тыл. Но Сергей уже не мог уйти из армии, характер его втянулся в войну. И он говорил тому майору, заместителю отца, Савельеву, который вот ушел, что в тыл он не пойдет, а лучше скроется в плен к немцам, узнает у них все что надо и снова вернется в часть к отцу, когда мать по нему соскучится.

И он бы сделал, пожалуй, так, потому что у него воинский характер.

А потом случилось горе, и в тыл мальчишку некогда стало отправлять. Отца его, полковника, серьезно ранило, хоть и бой-то, говорят, был слабый, и он умер через два дня в полевом госпитале. Мать тоже захворала, затомилась — она была раньше еще поувечена двумя осколочными ранениями, одно было в полость, — и через месяц после мужа тоже скончалась; может, она еще по мужу скучала... Остался Сергей сиротой.

Командование полком принял майор Савельев, он взял к себе мальчика и стал ему вместо отца и матери, вместо родных — всем. Мальчик ответил ему тоже всем сердцем.

— А я-то не из их части, я из другой. Но Володю Савельева я знаю еще по давности. И вот встретились мы тут с ним в штабе фронта. Володю на курсы усовершенствования посылали, а я по другому делу там находился, а теперь обратно к себе в часть еду. Володя Савельев велел мне побережь мальчишку, пока он обратно не прибудет... Да и когда еще Володя вернется и куда его направят! Ну, это там видно будет...

Майор Бахичев задремал и уснул. Сережа Лабков всхрапывал во сне, как взрослый, поживший человек, и лицо его, отошедши теперь от горести и воспоминаний, стало спокойным и невинно счастливым, являя образ святого детства, откуда увела его война.

Я тоже уснул, пользуясь ненужным временем, чтобы оно не проходило зря.

Проснулись мы в сумерки, в самом конце долгого июньского

дня. Нас теперь было двое на трех кроватях — майор Бахичев и я, а Сережи Лабкова не было.

Майор обеспокоился, но потом решил, что мальчик ушел куда-нибудь на малое время. Позже мы прошли с ним на вокзал и посетили военного коменданта, однако маленького солдата никто не заметил в тыловом многолюдстве войны.

Наутро Сережа Лабков тоже не вернулся к нам, и бог весть, куда он ушел, томимый чувством своего детского сердца к покинувшему его человеку — может быть, во след ему, может быть, обратно в отцовский полк, где были могилы его отца и матери.

16 июня 1943 года

Константин ФЕДИН

МУЗЫКА ПОБЕДЫ

Москва слышала стрельбу не дважды и не трижды. Она помнит далекую историю — победу над Наполеоном, она помнит баррикады Красной Пресни или взятие Кремля народом четверть века назад, она принимала парады Красной Армии с рокотом торжественных салютов. В ушах москвича еще гудит страшная канонада обороны столицы от воздушных набегов врага в начале нынешней Отечественной войны.

Все это — разная стрельба, разная музыка орудийного хозяйства.

Пушки говорили иной раз: опасность, опасность! Говорили: месть, месть! Говорили: бой на смерть!

Сегодня они прогудели: победа!

Победа на невиданном бранном поле, где, собранная воедино, мощь нашей страны пересилила, переломила, отвалила прочь железный вал германской армии. Месяц страшного боя, решившего важнейший вопрос войны: чья сила будет отныне брать верх в любой битве — сила Красной Армии или сила гитлеровских полчищ? Важнейший вопрос решен сегодня тем, что этот бой проигран Германией, и тем, что исконные русские города — Орел и Белгород — возвращены Советскому Союзу.

В двенадцать ночи Москва салютовала победе. Орудия во всех концах города пророкотали славу доблестным воинам Красной Армии, освободившим Орел и Белгород, вечную память павшим за наше Отечество и вечную им непреходящую славу.

Улицы Москвы переполнились народом. С первых залпов салюта в темноте с тротуаров, из открытых окон и с балконов начали раздаваться рукоплескания, и они росли, росли с каждым залпом, перекатываясь из квартала в квартал, охватывая великий город, наполняя его праздничным шумом, таким необычайным и торжественно-веселым для строгой, настороженной ночи войны.

Это была музыка победы — награда за мужество, стойкость, за труд и выносливость нашего народа. Это был счастливый роздых в огненную боевую страду. Это было спасибо родной Москвы победителям под Орлом и Белгородом.

6 августа 1943 года

Алексей ТОЛСТОЙ

РУССКАЯ СИЛА

Военные и штатские, фронт и тыл с затаенным волнением ждали немецкого летнего наступления. Мы хорошо приготовились к нему, но все же проверка на деле — есть проверка на деле.

С волнением, думается мне, и немцы ожидали своего наступления. Начальство, конечно, говорило, что, мол, «еще одно усилие, и Красная Армия будет побеждена» и прочее, что в таких случаях у них полагается. Но каждый немец понимал, что это — последний крупный ход в игре быть или не быть...

Нельзя считать, что немецкая армия стала уж так слаба к своему третьему летнему наступлению. Нет, она не намного стала слабее. Серьезность положения придавала ей особенное ожесточение. Она стала осмотрительнее, привыкла к русским условиям. У них были приготовлены новинки, разные «фердинанды», «тигры», модернизированные истребители и другая пакость, ее дивизии были полностью укомплектованы — правда, «тотальными» солдатами...

Итак, произошла проверка на деле. Бешеный натиск решающего всю судьбу войны немецкого наступления был подобен удару кулаком о каменную стену. Немезида — по-русски «судьба» — сложила из трех пальцев дулю Гитлеру под самый нос: выкуси-ка! Выяснилось, что русские искусней и сильней

немцев, и не потому не удалось врагу июльское наступление, что немецкая армия оказалась слаба, но потому именно, что Красная Армия оказалась сильна. Какие угодно неожиданности готовы были встретить немцы в лето 1943 года, но не такое соотношение сил!

Непреоборимая мощь и упорство русской армии в обороне выяснились с 5 по 17 июля, а после 17 июля выяснилось превосходящее искусство русской армии в наступлении. Нацистам пришлось перейти к обороне, затем — без передышки — к отступлению, затем — со скрежетом зубовным — пережить потерю Орла — этой кинжальной, наиважнейшей для них позиции, протянутой к сердцу России, — потерять Белгород, передовые укрепления Харькова и, наконец, в потоках крови, растратив убитыми, ранеными и пленными миллион солдат и офицеров, под немыслимый грохот русской артиллерии и авиации, контратакуя, контратакуя, контратакуя, потерять Харьков. Черт возьми!

В небывало сложной борьбе за Орел, Белгород, Харьков Красная Армия уверенно предъявила немцам высокое искусство ведения маневренной войны. Здесь немцам впору учиться у русских. Но — поздно! Красная Армия торопит мировые события. На ее знаменах горит солнце отныне великого августа, теперь — все возможно для Красной Армии, невозможного нет. Еще валяются по полям и дорогам десятки тысяч обугленных, растерзанных, простреленных проклятых нацистских насильников, еще дымятся пожарища, еще не отбуксированы в тыл бесчисленные военные машины врага, а уже битва за Харьков стала классическим образцом маневренных операций в условиях сверхмощно и глубоко укрепленного района. Маневр стал русским военным искусством!

Когда-то, в давние времена, русские были непобедимы в осаде. Величественные примеры тому: осада Стефаном Баторием Пскова, окончившаяся для поляков конфузией, и осада в Смутное время поляками Троице-Сергиевой лавры, также окончившаяся для врагов наших конфузией. Нынче в осаду хочет сесть немец, а мы не даем ему живым уцепиться за землю. (Мертвым — пожалуйста — цепляйся.) Наша артиллерия сильнее немецкой, подвижна и маневренна наравне с танком, наша авиация — ужасна для немцев. Немецкие инженеры еще не выдумали таких укреплений, которые бы выдержали удары нашей артиллерии. Ее огненный вал тяжело катится на запад. Наши войска просачиваются, прорываются в тылы врага, окружают, нападают со всех сторон, расчлениют фронт,

опережают немца и в скорости передвижения, и в скорости соображения. В основе всего этого прежде всего лежат русский талант, русская отвага и разбуженная русская ярость. Горд и храбр русский человек. Слава ему. Слава освободителю Харькова.

25 августа 1943 года

Константин СИМОНОВ

ПЕСНЯ

На Кубани стояли дождливые осенние дни. Дороги, по которым прокатилось, проехало неисчислимое количество колес, стали почти непроходимыми, машины то буксовали в грязи, то с треском подпрыгивали на кочках и колдобинах. Армия отступала, шли бои, но немецкие танковые колонны каждый день прорывались в тыл, то на одну, то на другую дорогу, и обозы, тыловые учреждения, госпитали каждый день меняли свои места, откочевывали все глубже и глубже на юг.

В пять часов вечера на передовых, у разбитого снарядом сарая, остановилась старенькая санитарная летучка — дребезжащая расшатанная машина с дырявым брезентовым верхом. Из летучки вылезла ее хозяйка — военфельдшер Маруся, которую, впрочем, никто в дивизии по имени не называл, а все звали Малышкой, потому, должно быть, что она и в самом деле была настоящая малышка — семнадцатилетняя курносая девчонка с тонким, детским голосом и руками и ногами такими маленькими, что, казалось, на них во всей армии не подберешь подходящей пары перчаток или сапог.

Малышка соскочила с машины и, как всегда торопливо и отчетливо, стараясь придать своему хорошенькому лицу строгое выражение, спросила:

— Ну, где раненые?

Санитар, отодвинув разбитую створку двери, повел Малышку внутрь сарая. Там, на грязной соломе, лежали семь тяжело-раненых. Малышка вошла, посмотрела, сказала: «Ну, вот, сейчас я вас отвезу», — и потом еще что-то ласковое, что она всегда говорила раненым, а в это время ее привычный взгляд незаметно скользил с одного раненого на другого. Лица у всех

были бледные, солома местами промокла от крови. Трое лежали с перебитыми ногами, трое были ранены в живот и в грудь, один в голову. Малышка физически, всем телом вспомнила ту дорогу, которую она только сейчас проделала из медсанбата. — двадцать километров страшных рытвин и ухабов, — и представила себе опять эти толчки и падения уже не на своем теле, а вот на этих кровоточащих, израненных телах, лежавших перед ней на земле. При этой мысли она даже поморщилась, словно от боли, но сейчас же вспомнила свои обязанности, как она их понимала, и на ее лицо вернулась обычная добрая улыбка, с которой она вот уже полгода вытаскивала из огня раненых, перевязывала их, увозила в тыл.

Сначала они с санитаром перенесли тех, кто был ранен в ноги, — их положили в кузов впереди, ближе к кабине. Потом перетащили еще троих. Теперь в летучке уже не оставалось места, и седьмого некуда было положить. Он полусидел у стенки сарая и то открывал глаза, то снова закрывал их, словно впадая в забытие. Малышка в последний раз вошла в сарай. Этого седьмого раненого приходилось оставить до следующей летучки. Но, когда она вошла и сделала шаг к нему, с тем чтобы сказать ему об этом, он, видимо, понял этот так, как будто его сейчас тоже возьмут, и неуловимым движением, пытаясь приподняться, потянулся навстречу. Малышка встретила его взгляд — мучительный, терпеливый, такой ожидающий, что, несмотря ни на что, казалось невозможным оставить его здесь.

— Вы можете сидеть в кабине, а? — спросила она. — Сидя ехать можете?

— Могу, — сказал раненый и снова закрыл глаза.

Малышка вдвоем с санитаром вывела его из сарая, просунув свою голову ему под мышку, дотащила его до машины и усадила в кабине на свое место.

— А вы, товарищ военфельдшер? — спросил шофер.

И раненый, почувствовав в этих словах шофера упрек себе, тоже тихо спросил:

— А вы где?

— А я на крыле, — сказала Малышка весело.

— Свалитесь, — угрюмо заметил шофер.

— Не свалюсь, — ответила Малышка и в доказательство этого, немедленно захлопнув за раненым дверцу, легла на крыло, вытянув ноги на подножку и крепко схватившись одной рукой за кабину, а другой за край крыла.

— Товарищ военфельдшер... — начал снова шофер.

Но Малышка крикнула, чтобы он ехал, тем строгим, не

допускающим возражений голосом, который появлялся у нее тогда, когда дело касалось раненых и когда не понимали, что она, Малышка, лучше кого бы то ни было знает, что нужно делать для того, чтобы раненым было лучше.

Летучка тронулась. Сегодня с полудня дождь перестал, и дороги с чуть подсохшей грязью были особенно скользкие. На рытвинах летучка, как утка, переваливалась с боку на бок, вылетала из колеи и подпрыгивала с треском, который больно отдавался в ушах Малышки. Она чувствовала, как в этот момент в кузове раненых приподнимало и ударяло о дно машины. Два или три раза она сама чуть не свалилась на ухабах, но, уцепившись за крыло и все-таки удержавшись, сама себе улыбалась той улыбкой, которая у нее всегда появлялась после пережитой опасности.

К хуторку, где располагался санбат, подъехали уже перед самой темнотой. Малышка, соскочив с крыла, подбежала к знакомой хате, но около хаты, к ее удивлению, не было ни одной машины, не было заметно обычной суеты. Она вошла в хату: там было пусто. В следующей было тоже пусто. Только хозяйка безучастно стояла у кровати, перевортывая то на одну, то на другую сторону промокший от крови тюфяк.

— Уехали? — спросила Малышка.

— Да, — сказала хозяйка. — Вот уже час, как уехали. Сообщение какое-то к ним пришло: они все сложили и уехали.

Малышка вернулась к своей летучке и, откинув брезент, заглянула внутрь кузова.

— Что, выгружаемся, сестрица? — спросил усатый казак, раненный в голову и в лицо и перевязанный так, что из-под бинтов торчали только одни его лохматые седые усы.

— Нет, милый, — ответила Малышка. — Нет, пока не выгружаемся. Уехал отсюда медсанбат. Мы прямо в госпиталь поедem.

— А далеко это, сестрица? — спросил раненный в живот, лежавший навзничь, и застонал.

— А ты зря языком не болтай, — сердито сказал ему усатый. — Сколько будет, столько и поедem.

И Малышка поняла, что усатый рассердился не на вопрос «далеко ли», а на то, что раненый стонет при ней, при Малышке. У нее дрожали руки не от холода, а от усталости, от того, что всю дорогу приходилось так крепко цепляться за крыло, чтобы не упасть.

— Замерзли, сестрица? — спросил усатый.

— Нет, — сказала Малышка.

— А то мы потеснимся, садитесь к нам в кузов.

— Нет,— сказала Малышка.— Я ничего... Поедем поскорей.

Она снова легла на крыло, и машина двинулась. Было уже совсем темно. До госпиталя осталось еще двадцать километров. Дорога становилась все хуже и хуже. Где-то далеко слева виднелись вспышки орудийных выстрелов. Мотор два раза глох, шофер вылезал и, чертыхаясь, возился с карбюратором. Малышка не слезала с крыла во время остановок: ей казалось, что вот так, как сейчас, она продержится, а если слезет, то ее онемевшие пальцы не смогут снова ухватиться за крыло. По ее расчетам, машина уже проехала километров пятнадцать, когда начался дождь. Ветер бил навстречу, и дождь валил сплошной косой стеной, заливая лицо и глаза. Крыло стало скользким, и ей много раз казалось, что вот-вот она свалится.

Наконец они добрались до села. Когда шофер выключил мотор, Малышке почудилось что-то недоброе в той тишине, которая стояла в селе. Она соскочила с машины и, по колено проваливаясь в грязь, побежала к дому, где она как-то была у начальника госпиталя. Около дома стояла доверху груженная полуторка, у которой возились двое красноармейцев, пытаясь еще что-то втиснуть в кузов.

— Здесь госпиталь? — спросила Малышка.

— Был здесь,— сказал красноармеец.— Уехал два часа назад. Вот последние медикаменты грузим.

— И никого, кроме вас, нет? — спросила Малышка.

— Никого.

— А куда уехали?

Красноармеец назвал село за сорок километров отсюда.

— Никого тут? Ни врача ни одного, никого? — еще раз спросила Малышка.

— Нет. Вот нас задержали тут, чтобы направляли мы, кто будет приезжать.

Малышка побрела к летучке. Пять минут назад ей казалось, что вот-вот сейчас все это кончится, сейчас они приедут. Еще вот пригорок, еще поворот, еще несколько домов — и раненые будут уже в госпитале. А теперь еще сорок километров, — еще столько же, сколько они проехали.

Она подошла к летучке, посветила внутрь фонариком и произнесла:

— Товарищи...

— Что, сестрица? — сказал старый казак тоном, в котором чувствовалось, что он понимает, что придется ехать дальше.

— Уехал госпиталь,— сказала Малышка упавшим голосом.— Еще сорок километров до него ехать. Ну, как вы? Ничего вам, а? Потерпите?

В ответ послышался стон. Теперь застонали сразу двое. На этот раз усатый не прикрикнул на них. Видимо, он почувствовал, что стонут оттого, что нет уже больше сил человеческих.

— Дотерпим,— сказал он.— Дотерпим. Ты откуда сама-то, дочка?

— Из-под Каменской,— сказала Малышка.

— Значит, песни казачьи знаешь?

— Знаю,— сказала Малышка, удивленная этим вопросом, который, казалось ей, не имел никакого отношения к тому, дотерпят они или не дотерпят.

— «Скакал казак через долину, через манджурские края...» знаешь песню? — спросил усатый.

— Знаю.

— Ну вот, ты вези нас, а мы ее петь будем, пока не доведешь. Чтобы стонов этих самых не слышать было, песни играть будем. Поняла? А ты нам тоже подпевай.

— Хорошо,— сказала девушка.

Она легла на крыло, машина тронулась, и сквозь всплески воды и грязи и гудение мотора она услышала, как в кузове сначала один, потом два, потом три голоса затянули песню:

Скакал казак через долину,
Через манджурские края.
Скакал он, всадник одинокий,
Блестит колючко на руке...

Дорога становилась просто страшной. Машина подпрыгивала на каждом шагу. Казалось, что вот-вот она сейчас перевернется в какую-нибудь яму. Дождь превратился в ливень, перед фарами летела сплошная стена воды. Но в кузове продолжали петь:

Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.
...Вот год прошел. Казак стрелю
В село родное поскакал...

Незаметно для себя она начала подпевать. И когда она запела тоже, то почувствовала, что, наверное, им в кузове в самом деле легче оттого, что они поют, и, наверное, если кто-нибудь и стонет, то другие не слышат.

Через десять километров машина стала. Шофер снова начал

прочищать карбюратор. Малышка слезла с крыла и заглянула в кузов. Теперь, когда мотор не шумел, песня казалась особенно громкой и сильной. Ее выводили во весь голос, старательно — так, словно ничего другого, кроме песни, не было в эту минуту на свете.

Навстречу шла ему старушка
И стала речи говорить... —

заводил усатый хриплым и сильным голосом.

— Тебе казачка изменила,
Другому счастье отдала... —

подтягивали все остальные.

Малышка снова засветила свой фонарик. Луч света скользнул по лицам певших. У одного стояли в глазах слезы.

— Загаси, чего на нас смотреть, — сказал усатый. — Давай лучше подтягивай.

Заглушая стоны, песня звучала все сильнее и сильнее, покрывая шум барабанившего по мокрому брезенту дождя.

— Посхали! — крикнул шофер.

Машина тронулась.

Глубокой ночью, когда на окраине станицы санитары вместе с Малышкой подошли к летучке, чтобы наконец выгрузить раненых, из кузова все еще лилась песня... Ее затягивали снова и снова. Голоса стали тише, двое или трое совсем молчали, должно быть потеряв сознание, но остальные пели:

Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня.
Казак свернул коня налево,
Во чисто поле поскакал...

— До свидания, сестрица, — сказал усатый, когда его осторожно клали на носилки. — Значит, под Каменской живешь? После войны приеду сына за тебя сватать.

Он был весь мокрый, даже усы, намоченные дождем, запорожски обвисли вниз. Но в последний момент Малышке показалось, что его забинтованное лицо улыбнулось озорной, почти мальчишеской улыбкой.

Она заснула не раздеваясь в приемном покое, присев на корточках на полу у печки. Ей снилось, что по долине скачет казак, а она едет в своей летучке и никак не может догнать его, а летучка подпрыгивает, и Малышка вздрагивала во сне.

— Замучилась, бедная, — сказал проходивший врач.

Вдвоем с санитаром они стащили с нее промокшие сапоги и, положив под нее одну шинель, накрыли ее другой.

А шофер, который был настоящим шофером, и, уже приехав, все-таки не мог успокоиться, не узнав, что такое с проклятым карбюратором, сидел в хате вместе с шоферами, исправлял карбюратор и говорил:

— Восемьдесят километров проехали. Ну, Малышка, ясно — она и черта заставит ехать, если для раненых нужно, — одним словом, сестра милосердия.

1943 год

Александр ФАДЕЕВ

БЕССМЕРТИЕ

«Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной, многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем;

хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии»!

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее без минуты колебания.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!»

Эту клятву на верность Родине и борьбу до последнего вздоха за ее освобождение от гитлеровских захватчиков дали члены подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в городе Краснодоне, Ворошиловградской области. Они давали ее осенью 1942 года, стоя друг против друга в маленькой горенке, когда пронзительный осенний ветер завывал над поработанной и опустошенной землей Донбасса. Маленький городок лежал, затаившись во тьме, в горняцких домах стояли фашисты, одни продажные шкуры-полицейские да заплечных дел мастера из гестапо в эту темную ночь обшаривали квартиры граждан и зверствовали в своих застенках.

Старшему из тех, кто давал клятву, было девятнадцать

лет, а главному организатору и вдохновителю Олегу Кошевому — шестнадцать.

Сурова и неприютна открытая донецкая степь, особенно поздней осенью или зимой, под леденящим ветром, когда смерзается комьями черная земля. Но это наша кровная Советская земля, заселенная могучим и славным угольным племенем, дающая энергию, свет и тепло нашей великой Родине. За свободу этой земли в гражданскую войну сражались лучшие ее сыны во главе с Климом Ворошиловым и Александром Пархоменко. Она породила прекрасное стахановское движение. Советский человек глубоко проник в недра донецкой земли, и по неприютному лицу ее выросли мощные заводы — гордость нашей технической мысли, залитые светом социалистические города, наши школы, клубы, театры, где расцветал и раскрывался во всю свою духовную силу великий советский человек. И вот эту землю топтал враг. Он шел по ней, как смерч, как чума, ввергая во тьму города, превращая школы, больницы, клубы, детские ясли в казармы для постоя солдат, в конюшни, в застенки гестапо.

Огонь, веревка, пуля и топор — эти страшные орудия смерти стали постоянными спутниками жизни советских людей. Советские люди были обречены на мучения, невыносимые с точки зрения человеческого разума и совести. Достаточно сказать, что в городском парке города Краснодона фашисты живьем зарыли в землю тридцать шахтеров за отказ явиться на регистрацию на «биржу труда». Когда город был освобожден Красной Армией и начал отрывать погибших, они так и стояли в земле: сначала обнажились головы, потом плечи, туловища, руки.

Ни в чем не повинные люди вынуждены были уходить из родных мест, скрываться. Рушились семьи. «Я распрощалась с папой, и слезы ручьями потекли из глаз, — рассказывает Валя Борц — член организации «Молодая гвардия». — Какой-то неведомый голос, казалось, шептал: «Ты его видишь в последний раз». Он пошел, а я стояла до тех пор, пока он не скрылся из виду. Сегодня еще этот человек имел семью, угол, приют, детей, а теперь он, как бездомная собака, должен скитаться. А сколько замучено, расстреляно!»

Молодежь, всякими способами уклонявшуюся от регистрации, хватали насильно и угоняли на рабский труд в Германию. Поистине душераздирающие сцены можно было видеть в эти дни на улицах городка. Грубые окрики и брань полицейских сливались с рыданием отцов и матерей, от которых насильно отрывали дочерей и сыновей.

И страшным ядом лжи, распространяемой гнусными фаши-

стскими газетенками и листовками о падении Москвы и Ленинграда, о гибели советского строя, стремился враг разложить душу советских людей.

Это была наша молодежь — та самая, которая растет, воспитывается в советской школе, пионерскими отрядами, комсомольскими организациями. Враг стремился истребить в ней дух свободы, радость творчества и труда, привитые советским строем. И в ответ на это юный советский человек гордо поднял свою голову.

Вольная советская песня! Она сроднилась с советской молодежью, она всегда звенит в душе ее.

«Один раз идем мы с Володей в Свердловку к дедушке. Было совсем тепло. Летают над головами самолеты. Идем степью. Никого кругом. Мы запели: «Спят курганы темные... Вышел в степь донецкую парень молодой». Потом Володя говорит:

— Я знаю, где наши войска находятся.

Он мне начал рассказывать сводку. Я бросилась к Володе и начала его обнимать».

Эти простые строки воспоминаний сестры Володи Осьмухина нельзя читать без волнения. Непосредственными руководителями «Молодой гвардии» были Кошевой Олег Васильевич, 1926 года рождения, член ВЛКСМ с 1940 года, Земнухов Иван Александрович, 1923 года рождения, член ВЛКСМ с 1941 года. Вскоре патриоты привлекают в свои ряды новых членов организации — Ивана Туркенича, Степана Сафонова, Любу Шевцову, Ульяну Громову, Анатолия Попова, Николая Сумского, Володю Осьмухина, Валю Борц и других. Олег Кошевой был избран комиссаром. Командиром штаб утвердил Туркенича Ивана Васильевича, члена ВЛКСМ с 1940 года.

И эта молодежь, не ведавшая старого строя и, естественно, не проходившая опыта подполья, в течение нескольких месяцев срывает все мероприятия фашистских поработителей и вдохновляет на сопротивление врагу население города Краснодона и окружающих поселков — Изварина, Первомайки, Семейкина, где создаются ответвления организации. Организация разрастается до семидесяти человек, потом насчитывает уже свыше ста — детей шахтеров, крестьян и служащих.

«Молодая гвардия» сотнями и тысячами распространяет листовки — на базарах, в кино, в клубе. Листовки обнаруживаются на здании полиции, даже в карманах полицейских. «Молодая гвардия» устанавливает четыре радиоприемника и ежедневно информирует население о сводках Информбюро.

В условиях подполья происходит прием в ряды комсомо-

ла новых членов, на руки выдаются временные удостоверения, принимаются членские взносы. По мере приближения советских войск готовится вооруженное восстание и самыми различными путями добывается оружие.

В это же время ударные группы проводят диверсионные и террористические акты.

В ночь с 7 на 8 ноября группа Ивана Туркенича повесила двух полицейских. На груди повешенных оставили плакаты: «Такая участь ждет каждого продажного пса».

9 ноября группа Анатолия Попова на дороге Гундоровка — Герасимовка уничтожает легковую машину с тремя высшими гитлеровскими офицерами.

15 ноября группа Виктора Попова освобождает из концентрационного лагеря в хуторе Волчанске 75 бойцов и командиров Красной Армии.

В начале декабря группа Мошкова на дороге Краснодар — Свердловск сжигает три автомашины с бензином.

Через несколько дней после этой операции группа Тюленина совершает на дороге Краснодар — Ровеньки вооруженное нападение на охрану, которая гнала 500 голов скота, отобранного у жителей. Уничтожает охрану, скот разгоняет по степи.

Члены «Молодой гвардии», устроившиеся по заданию штаба в оккупационные учреждения и на предприятия, умелыми маневрами тормозят их работу. Сергей Левашов, работая шофером в гараже, выводит из строя одну за другой три машины. Юрий Виценовский устраивает на шахте несколько аварий.

В ночь с 5 на 6 декабря отважная тройка молодогвардейцев — Люба Шевцова, Сергей Тюленин и Виктор Лукьянченко проводят блестящую операцию по поджогу биржи труда. Уничтожением биржи труда со всеми документами молодогвардейцы спасли несколько тысяч советских людей от угона в фашистскую Германию.

В ночь с 6 на 7 ноября члены организации вывешивают на зданиях школы, бывшего райпотребсоюза, больницы и на самом высоком дереве городского парка красные флаги. «Когда я увидела на школе флаг, — рассказывает жительница города Краснодона М. А. Литвинова, — невольная радость, гордость охватила меня. Разбудила детей и быстренько побежала через дорогу к Мухиной. Ее я застала стоящей в нижнем белье на подоконнике, слезы ручьями расползались по ее худым щекам. Она сказала: «Марья Алексеевна, ведь это сделано для нас, советских людей. О нас помнят, мы нашими не забыты».

Организация была раскрыта полицией потому, что она во-

влекла в свои ряды слишком широкий круг молодежи, среди которых оказались и менее стойкие люди. Но во время страшных пыток, которым подвергли членов «Молодой гвардии» озверевшие враги, с невиданной силой раскрылся нравственный облик юных патриотов, облик такой духовной красоты, что он будет вдохновлять еще многие и многие поколения.

Олег Кошевой. Несмотря на свою молодость, это великолепный организатор. Мечтательность соединялась в нем с исключительной практичностью и деловитостью. Он был вдохновителем и инициатором ряда героических мероприятий. Высокий, широкоплечий, он весь дышал силой и здоровьем и не раз сам был участником смелых вылазок против врага. Будучи арестован, он бесил гестаповцев непоколебимым презрением к ним. Его жгли раскаленным железом, запускали в тело иголки, но стойкость и воля не покидали его. После каждого допроса в его волосах появлялись седые пряди. На казнь он шел совершенно седой.

Иван Земнухов — один из наиболее образованных, начитанных членов «Молодой гвардии», автор ряда замечательных листовок. Внешне нескладный, но сильный духом, он пользовался всеобщей любовью и авторитетом. Он славился как оратор, любил стихи и сам писал их (как, впрочем, писали их и Олег Кошевой, и многие другие члены «Молодой гвардии»). Иван Земнухов подвергался в застенках самым зверским пыткам и истязаниям. Его подвешивали в петле через специальный блок к потолку, отливали водой, когда он лишался чувств, и снова подвешивали. По три раза в день били плетью из электрических проводов. Полиция упорно добивалась от него показаний, но не добилась ничего. 15 — 16 января он был расстрелян.

Сергей Тюленин. Это маленький, подвижный, стремительный юноша-подросток, вспыльчивый, с задорным характером, смелый до отчаянности. Он участвовал во многих самых отчаянных предприятиях и лично уничтожил немало врагов. «Это был человек дела, — характеризуют его оставшиеся в живых товарищи. — Не любил хвастунов, болтунов и бездельников. Он говорил: «Ты лучше сделай, и о твоих делах пускай расскажут люди».

Сергей Тюленин был не только сам подвергнут жестоким пыткам, при нем пытали его старую мать. Но как и его товарищи, Сергей Тюленин был стоек до конца.

Вот как характеризует четвертого члена штаба «Молодой гвардии» — Ульяну Громову Мария Андреевна Борц, учительница из Краснодона: «Это была девушка высокого роста, строй-

ная брюнетка с вьющимися волосами и красивыми чертами лица. Ее черные, пронизывающие глаза поражали своей серьезностью и умом... Это была серьезная, толковая, умная и развитая девушка. Она не горячилась, как другие, и не сыпала проклятий по адресу истязателей... «Они думают удержать свою власть посредством террора, — говорила она. — Глупые люди! Разве можно колесо истории повернуть назад...»

Девочки попросили ее прочесть «Демона». Она сказала: «С удовольствием! Я «Демона» люблю. Какое это замечательное произведение! Подумайте только, он восстал против самого бога!» В камере стало совсем темно. Она приятным, мелодичным голосом начала читать... Вдруг тишину вечерних сумерек пронизал дикий вопль. Громова перестала читать и сказала: «Начинается!» Стоны и крики все усиливались. В камере была гробовая тишина. Так продолжалось несколько минут. Громова, обращаясь к нам, твердым голосом прочла:

Сыны снегов, сыны славян.
Зачем вы мужеством упали?
Зачем? Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали.

Ульяну Громову подвергли нечеловеческим пыткам. Ее подвешивали за волосы, вырезали ей на спине пятиконечную звезду, прижигали тело каленым железом и раны присыпали солью, сажали на раскаленную плиту. Но и перед самой смертью она не пала духом и при помощи шифра «Молодой гвардии» выстукивала через стены ободряющие слова друзьям: «Ребята! Не падайте духом! Наши идут. Крепитесь. Час освобождения близок. Наши идут. Наши идут...»

Ее подруга Любовь Шевцова по заданию штаба работала в качестве разведчицы. Она установила связь с подпольщиками Ворошиловграда и ежемесячно по несколько раз посещала этот город, проявляя исключительную находчивость и смелость. Одевшись в лучшее платье, изображая «ненавистницу» Советской власти, дочь крупного промышленника, она проникала в среду вражеских офицеров и похищала важные документы. Шевцову пытали дольше всех. Ничего не добившись, городская полиция отправила ее в уездное отделение жандармерии Ровенек. Там ей загоняли под ногти иголки, на спине вырезали звезду. Человек исключительной жизнерадостности и силы духа, она, возвращаясь в камеру после мучений, назло палачам пела песни. Однажды во время пыток, заслышав шум советского самолета, она вдруг засмеялась и сказала: «Наши голосок подают».

9 февраля 1943 года Люба Шевцова была расстреляна.

Так, до конца сдержав свою клятву, погибло большинство членов организации «Молодая гвардия», в живых осталось всего несколько человек. С любимой песней Владимира Ильича «Замучен тяжелой неволей» шли они на казнь.

«Молодая гвардия» — это не одиночное исключительное явление на территории, захваченной фашистскими оккупантами. Везде и повсюду борется гордый советский человек. И хотя члены боевой организации «Молодая гвардия» погибли в борьбе, они бессмертны, потому что их духовные черты есть черты нового советского человека, черты народа страны социализма.

Вечная память и слава юным молодогвардейцам — героическим сынам бессмертного советского народа!

15 сентября 1943 года

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

* * *

Сожженное селение у Сожа,
В осенней отраженное реке.
Ни крыш, ни стен. Безлюдие. А все же
Старуха варит бульбу в чугунке.

Осталась печь. Труба над пепелищем.
Повсюду головешки и зола.
А беженка пришла со скарбом нищим
И свой огонь привычный развела.

О мире и тепле напоминая,
К себе влечет негаснущий очаг.
Скатерка белоснежная льняная
Расстелена на черных кирпичках.

Дымок домашний, добрый, невоенный.
От наших батарей невядалеке.
Осталась печь. И значит, встанут стены,
Старуха варит бульбу в чугунке.

Иду по черепкам, по глине вязкой.
Большак под колким дождичком размок.
Хозяйка приглашает: — Кали ласка,
Садись, поешь горяченькой, сынок!

Картофелин рассыпчатую горку
Из пышущего паром чугуна
На свежую крахмальную скатерку
Вываливает бережно она.

Да, прямо на скатерку... Изувечен
И все же вечен, оживает быт.
А бабка шутит: — Бульбу сдобрить нечем,
Зато крахмал крахмалу не вредит.

О самобранка, и улыбка эта,
И трапеза на черных кирпичках!
Среди разора как источник света
Горит очаг и юмор не зачах.

Ем, обжигаюсь, на картоху дую,
Надежды вкус я постигаю в ней
И к пушкарям иду на огневую,
Мудрее став, а значит, и сильней.

Когда мне будет холодно и грустно,
Я вспомню, как, наперёкор тоске,
В дыму, на пепелище белорусском,
Старуха варит бульбу в чугунке.

1943 год

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

ДНЕПРОВСКАЯ БЫЛЬ

Ночью, преследуя противника, вышли к Днепру. Низко плыли облака. Тишина нарушалась только позвякиванием оружия, стуком котелков и лопаток, шуршанием тяжелых сапог на песке да сдержанным говором бойцов. Продвига-

лись не спеша, спокойно, с какой-то особенной торжественностью, которая, впрочем, была легко объяснима...

Многие из людей, шагавших здесь в темноте, родились на берегах Днепра. Одни из них только что прошли через свои разрушенные села, видели родные хаты в дыму и огне, останавливались у колодцев, набитых человеческими телами, миновали истоптанные и выжженные поля. У других родной дом был еще впереди, за Днепром. Картина пройденного пути неотступно стояла у них перед глазами и толкала вперед. Они шли в торжественном и суровом молчании, как подобает солдатам, которые знают, что лучший разговор с врагом — на языке оружия. Для тех же, кто не был уроженцем здешних мест, торжественность минуты заключалась в том, что после тяжких военных трудов, преодолев с боями больше пятисот километров, они вышли к рубежу, достичь которого было счастьем их товарищей, а значит, и их счастьем.

Старые бойцы, стоявшие на Днепре еще в сорок первом, также молчали. Они многое вспоминали в эту ночь. Было то, что часто случается в жизни. Идешь к любимому человеку из великого отдаления, которое могло быть воплощено и в верстах, и во времени, и в чувстве, всей истрадавшей душой стремишься к нему и бесконечно думаешь о встрече, о тех словах, ласковых и нежных, которые нужно сказать. Но вот ты пришел, и радость встречи так велика, что никакие слова не в силах выразить ее; не высказать то, что ты пережил и передумал в разлуке, и ты стоишь молча, и только глаза говорят за тебя: посмотри, я долго шел к тебе, но вот я пришел...

Так думал лейтенант Орляно, стоя в темноте на берегу Днепра. Завернувшись в плащ-палатку, он вздрагивал от ночной прохлады и сырости; на душе у него было светло, как в праздник.

Лодки отделились от берега и, бесшумно подталкиваемые баграми и веслами, поплыли. Вскоре они исчезли из виду, словно растаяли в ночной темноте. Бойцы и офицеры, оставшиеся на берегу ждать своей очереди, лежали на сыром песке и, слушая мерный плеск речной волны, вглядывались в эту темноту, как будто старались угадать, чем она встретит их в следующую минуту. Вскоре лодки вернулись и увезли на правый берег новых людей, которые бережно погрузили с собой пулеметы и ящики с патронами, противотанковые ружья и боеприпасы, гранаты, минометы и сухой паек в больших бумажных мешках.

Переправа под боком у противника проходила успешно. Время и место для нее были выбраны очень удачно. Все чув-

ствовали это и радовались удаче, хотя, конечно, каждый знал, что в любую минуту переправа может быть обнаружена, и тогда торжественность этой ночи превратится в крошечный ад, а ласковые воды Днепра закипят. Понимал это и лейтенант Орляно. Он ходил по берегу, в нетерпении ожидая своей очереди переправляться, — у него все было наготове: и люди, и кабель на катушках, и все прочее, необходимое для связи. Оставалось только получить приказ и действовать.

К рассвету над рекой поднялся густой туман. Правый берег не был виден, да и здесь, на левом берегу, люди двигались, словно серые тени. На плотках через реку прошли легкие пушки. Орляно знал, что сейчас его черед, и чувствовал себя уверенно: в тумане он надеялся переправиться без потерь. Но как раз в это время на правом берегу закипела перестрелка — переправившийся батальон капитана Безруких вступил в соприкосновение с врагом.

«Ну, теперь началось», — подумал Орляно, шагая по берегу к связистам.

Прежде чем он успел отдать им приказание, начался обстрел реки и берега. Туман завыл и загрохотал, слышались крики, стоны раненых. Его людей не затронуло, они все были в сборе; катушки с кабелем лежали на песке, зеленые коробки полевых телефонов стояли тут же. Линия связи уже была протянута к самому берегу, теперь оставалось тянуть ее дальше, сидя в лодке и разматывая кабель с катушки... Все это было бы делом простым и несложным, но грузить кабель приходилось под огнем вражеских батарей, а плыть предстояло по реке, в которую то и дело шлепались снаряды и мины.

Лейтенант Орляно приказал грузиться в лодки и, пока бойцы хлопотали у катушек и прочего имущества, снова оглядел берег, как бы соображая, что еще следует захватить с собой.

— Кабель-то нужно опускать на дно, иначе его сносить будет, — вдруг вспомнил Орляно, и ему стало еще радостнее на душе оттого, что не забыл этой важной необходимости.

— Готово? — крикнул Орляно, в последний раз оглядывая берег. — Отчаливай!..

Он прыгнул в лодку, старшина Нехорошев оттолкнул ее от берега и вскочил вслед за ним. Бойцы налегли на весла, и лодки стали медленно выходить на днепровский простор.

Двигались медленно, кабель раскручивался с катушки и погружался в воду, увлекаемый на дно грузилами. Днепр был здесь широк и приволен, кручи правого берега открывались вдалеке, по-осеннему пышные и яркие. Как ни старались гребцы,

они приближались медленно, точно это было во сне, где все движения замедленны и потому особенно памяты.

С правого берега, укрытая где-то в складках высот, непрерывно стреляла артиллерия. Снаряды пролетали над лодками, но к их свисту относились с привычным спокойствием. Ясно было, что это не прицельный огонь; снаряды падали беспорядочно.

Но вот появились вражеские бомбардировщики. Всего их было двенадцать: они летели низко, распластав тяжелые крылья и ожесточенно гудя моторами. Зенитки с левого берега открыли по ним огонь, но самолеты упрямо летели к цели, бомбили каждую машину на подступах к Днепру и каждую лодку на реке.

— Выручай катушки, если что! — успел крикнуть Орлянку и в ту же минуту услышал адский гром. Его захлестнуло водой, перевернуло и потащило на дно, но он, напрягая все силы, толкнул головой воду и вынырнул.

Лодок не было. Людей тоже не хватало. Только четверо, тяжело противоборствуя взбушевавшейся волне, находились недалеко от него. Они плыли парами, держа между собой катушки с кабелем. Кабель разматывался, но грузил уже не было, его сносило течением, и это еще больше затруднило работу пловцов.

Орлянку подплыл к Нехорошеву и Гатуеву вовремя — кабель на катушке кончился. Все теперь понимали друг друга с полуслова. Гатуев, держа конец кабеля в зубах, отдыхал, лежа на спине. Нехорошев поплыл к Дроботу и Василенко, удерживавшим на воде тяжелую катушку с новым кабелем.

Втроем они добрались к Гатуеву и Орлянку. При помощи движений ног держась на воде, лейтенант стал наращивать кабель. Это стоило больших усилий, тем более что с самолетов их заметили и стали обстреливать. Гатуев был ранен в правое плечо, кровь его окрасила днепровскую воду. Товарищи помогали ему, они плыли к правому берегу, поддерживая катушку и раненого, выбиваясь из сил, коченея в холодной воде.

В это время Орлянку был тоже ранен. Он почувствовал тяжесть во всем теле и, прежде чем связисты успели помочь ему, ушел под воду; понимал, что тонет, глаза его были открыты — он видел солнечный свет, падавший на дно реки сквозь зеленовато-желтую воду, но не мог сделать движения, не мог сопротивляться силе, тянувшей его на дно.

...Лейтенант Орлянку очнулся на берегу. Он увидел над собой раскрасневшееся усатое лицо Нехорошева, державшего его за руки. Угрюмый Василенко больно нажимал ему на

живот. Затем они подхватили его, как ребенка, и подняли над телефонным аппаратом, у которого возился мокрый ефрейтор Дробот.

Была тишина. Снова было удивительное красноречивое молчание, в котором выражалась жизнь со всей силой и страстью. Над собой Орляноко видел чистое небо, на кручах свистели птицы, широкая полоса реки лежала перед ними, а у самого его тела, похожий на длинного оливкового ужа, уходил в воду кабель, который они протянули сюда...

13 октября 1943 года

Константин ВАНШЕНКИН

* * *

...И вспять покати́лась орда.
Мы снова весь путь повторяли.
Мы брали назад города,
Мы близких навеки теряли.

Ребят позабыть не смогу,
И нынче, глаза лишь закрою,—
Их вижу на белом снегу,
Присыпанном черной землею.

Сквозь время — везде и всегда —
Мучительно помним про это.
Пришла в сорок первом беда
И лишь в сорок пятом победа.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

УСПЕШНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК ЮЖНЕЕ ЛАДОЖСКОГО ОЗЕРА И ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

На днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против немецко-фашистских войск, блокировавших г. Ленинград.

Наши войска имели задачей разрушить оборону противника и этим прорвать блокаду г. Ленинграда...

...После семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда.

Прорыв оборонительной линии противника осуществлен частью сил Ленинградского фронта под командованием генерал-полковника Говорова Л. А. и частью сил Волховского фронта под командованием генерала армии Мерецкова К. А.

Совинформбюро
19 января 1943 года

...В зимний период боев за Мгу произошел памятный случай. После прорыва ленинградской блокады 54-я армия проводила операцию, направленную на то, чтобы не позволить врагу создать под Мгой сильную группировку с целью ликвидировать только что созданный коридор к югу от Ладоги. Армия нанесла удар в сторону Чудова, сумела отвлечь на себя фашистские войска, предназначенные для прорыва к Шлиссельбургу, и свою задачу выполнила. Знакомиться с обстановкой в этом районе прибыл представитель Ставки К. Е. Ворошилов. Я сопровождал его. Мы были на командном пункте дивизии, вклинившейся в расположение противника. Вдруг поднялась стрельба. Выскакиваем из землянки. В чем дело? Оказалось, что вражеский десант автоматчиков при поддержке самоходок прорвался и окружает КП. Мы, вероятно, сумели бы пробиться к своим, но, отвечая за безопасность представителя Ставки, я не мог рисковать. Связываюсь по телефону с 7-й гвардейской танковой бригадой и приказываю прислать на выручку танки. Комбриг докладывает, что все боевые машины выполняют задание, налицо один танковый взвод, да и тот после боя не в полном составе.

Делать нечего. Пока пара танков мчится к КП, организуем круговую оборону подручными силами. Несколько связистов и личная охрана развернулись в жидкую цепочку и залегли с автоматами. Минут пятнадцать отбивались. Но вот показались наши танки. Сразу же наши бойцы поднялись в атаку, следуя за танками, смяли фашистов и отбросили на полкилометра, а потом подоспевшая пехота завершила разгром прорвавшейся вражеской группы. Когда стрельба улеглась, в блиндаж вошел танкист, весь в копоти, и доложил:

— Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник разгромлен и отброшен!

Ворошилов взгляделся в танкиста и воскликнул:

— Кирилл Афанасьевич, ведь это твой сын!

Климент Ефремович видел моего сына еще до войны и теперь сразу узнал его. Лейтенант Владимир Мерецков командовал танковым взводом в 7-й гвардейской танковой бригаде. Когда я звонил в бригаду, Владимир как раз подвернулся под руку комбригу и был послан к нам на выручку.

Мне не часто приходилось видеться с сыном, но я следил за ним. До меня доходили вести, что боевую службу он несет образцово. Теперь можно признаться, что нередко меня грызли опасения и тревога, как и всякого другого отца, чей сын сражался на фронте. А тогда старался не показывать даже и вида, что беспокоюсь. Помню, на вопрос К. Е. Ворошилова: «Этот сын —

твой единственный?» — я ответил: «Все бойцы тут мои дети», — но внутренне гордился сыном, что в свои 18 лет он честно и верно служит Родине. Там, на фронте, он вступил в члены нашей партии. Мне и моей жене было очень приятно узнать эту весть.

Маршал Советского Союза
К. А. Мерецков
Из книги «На службе народу»

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

НАШИ ВОЙСКА ЗАКОНЧИЛИ ЛИКВИДАЦИЮ ГРУППЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК, ОКРУЖЕННЫХ ЗАПАДНЕЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ СТАЛИНГРАДА

Войска Донского фронта в боях 27—31 января закончили ликвидацию группы немецко-фашистских войск, окруженных западнее центральной части Сталинграда.

В ходе боев, а также показаниями захваченных в плен немецких генералов установлено, что к 23 ноября 1942 года под Сталинградом было окружено по меньшей мере 330 тысяч войск противника...

Сегодня нашими войсками взят в плен вместе со своим штабом командующий группой немецких войск под Сталинградом, состоящей из 6-й армии и 4-й танковой армии, — генерал-фельдмаршал Паулюс и его начальник штаба генерал-лейтенант Шмидт. Фельдмаршальское звание Паулюс получил несколько дней назад.

Совинформбюро.
31 января 1942 года

Василий Зайцев пришел в Сталинград осенью 1942 года, когда немцы осатанело рвались к Волге...

— Нам на левый берег Волги пути нет. Будем здесь нещадно истреблять фашистов. А назад не пойдем, только вперед.

Слово свое Василий держал крепко...

Теперь уже весь сражающийся Сталинград знал о блестящих

В. Г. Зайцев — младший лейтенант, знаменитый снайпер, отличившийся в боях под Сталинградом. 22 февраля 1943 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

успехах Василия Зайцева. Он истребил к середине января (1943 г.) 242 фашиста. У него появились ученики — «зайчата», как их любовно называли...

Тридцать молодых снайперов, подготовленных Зайцевым, истребили 1126 гитлеровцев...

Из листовки Главного Политического Управления
Красной Армии.
1943 год

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

НАШИ ВОЙСКА ПОЛНОСТЬЮ ЗАКОНЧИЛИ ЛИКВИДАЦИЮ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК, ОКРУЖЕННЫХ В РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДА

Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск.

Совинформбюро
2 февраля 1943 года

ГРАМОТА СТАЛИНГРАДУ

От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии.

17 мая 1944 года.
Вашингтон

Франклин Д. Рузвельт.

РОССИЯ, ТЫ ЗАВОЕВАЛА ВОСХИЩЕНИЕ ВСЕГО МИРА

...Красная Армия и Сталинград — эти два слова прозвучали по всему миру, и они отдадутся эхом через всю историю человечества... Враги спрашивают, что это за волшебство, которым вы обладаете, не врожденные ли вы дьяволы? Но ответ один — ваш боевой дух, ваша непоколебимая вера и уверенность в будущем вашей великой Советской республики стали символом надежды всех демократически настроенных людей, которые верят в братство, которые верят в великое будущее.

Россия, ты завоевала восхищение всего мира. Твои герои погибли недаром. В грядущие мирные дни из слез и крови вашей вырастет будущая слава великой Советской республики, так как эта слава — результат этой же решимости и боевого духа, которые вы сейчас проявляете. Ничто не может остановить ваше наступление. Русские, будущее — ваше.

Из приветствия Ч. Чаплина
лучаю 25-летия Красной Армии.
Февраль 1943 года

●

Нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 122 немецких танка.

Из сообщения Совинформбюро.
12 июля 1943 года

●

5 августа наши войска после ожесточенных уличных боев овладели городом и железнодорожным узлом Орел. Северо-западнее, южнее и юго-западнее Орла наши войска за день боев заняли свыше 30 населенных пунктов.

Из сообщения Совинформбюро.
5 августа 1943 года

ЗАПИСКИ И НАДПИСИ НА СТЕНАХ ТЮРЕМНЫХ КАМЕР
ЧЛЕНОВ КРАСНОДОНСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ КОМСО-
МОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «МОЛОДЯ ГВАРДИЯ»

Надпись У. М. Громовой

*Прощайте, папа,
Прощайте, мама,*

*Прощайте, вся моя родня,
Прощай, мой брат любимый Еля,
Больше не увидишь ты меня.
Твои моторы во сне мне снятся,
Твой стан в глазах всегда стоит.
Мой брат любимый, я погибаю,
Крепче стой за Родину свою.
До свидания.*

С приветом Громова Уля.

15 января 1943 г.

**Надпись И. А. Земнухова
Не позднее 15 января 1943 г.**

Дорогие мама и папа! Нужно все перенести стойко! Привет от любящего вас сына Земнухова.

**Записки Л. Г. Шевцовой
Январь 1943 г.**

Здравствуйте, мамочка и Михайловна!

Мамочка, вам уже известно, где я нахожусь...

Прости меня за все, может быть, я тебя вижу в последний раз, а отца уж наверно не увижу.

Мама, передайте привет тете Маше и всем, всем... Не обижайся, с тем до свидания. Твоя дочурка Любаша.

**Надписи Л. Г. Шевцовой
7 февраля 1943 г.**

Мама, я тебя сейчас вспомнила.

Твоя Любаша.

Прошу простить меня. Взяли навеки.

Шевцова.

Не позднее 9 февраля 1943 г.

Прощай, мама, твоя дочь Любка уходит в сырую землю.

1944

Николай ТИХОНОВ

ПОБЕДА!

Когда ленинградцы встречали новый, сорок четвертый, год, они понимающе улыбались друг другу, говоря о новом счастье и новых успехах. Прежде всего они подразумевали под этим освобождение родного города от блокады и разгром немцев под Ленинградом. Затянувшаяся блокада с ее унылыми обстрелами, с ее печальными жертвами заставляла ленинградцев работать с какой-то иступленной энергией, готовя тот час, когда Ленинград подымется для решительного боя.

Час этот был неизвестен, но все знали, что он близок, все хотели этого, но в оживленной сутолоке, в рабочем упорстве каждого дня никто не говорил об этом открыто. Правда, январь месяц для Ленинграда полон особого значения, потому что в прошлом году он был ознаменован таким громадным событием, как прорыв блокады.

В январе сорок четвертого года картина города ничем не выдавала подготовки к новому удару по немцам. Усилившийся обстрел говорил о нервозности врага, о том, что он мечется в тревоге. Напрасно из Берлина кричали, что ленинградский вал немецкой обороны неприступен и можно спать спокойно, — немцы не спали.

Пленные, захваченные разведкой, показывали, что получен приказ, несмотря на глубоко эшелонированную сеть укреплений, еще усилить ее на переднем крае, выстроив на участке каждого батальона по два новых больших дзота, перегруппировать артиллерию.

2

Пока в городе занимались уборкой свежеснегавшего снега, расчищали трамвайные пути, объявляли новые нормы соревнований заводских бригад, на фронте все зашевелилось. Все чувствовали, что что-то приближается.

И в учебных занятиях, и в беседах по текущему моменту ощущалось то сдержанное нетерпение, какое всегда рождается вокруг события, которого все ждут и о котором условились не говорить.

Генерал, приехавший с другого фронта, слушая доклад о немецких укреплениях, сказал просто:

— Да, это серьезная линия, это очень сильная, очень сложная линия. Вот мы ее и кончим!

Бронебойщик, поглядывая в сторону немецких окопов, на вопрос, какая разница между «тигром» и другими тяжелыми немецкими танками, ответил не сразу, а подумав и с уверенностью знатока: «Разница такая — «тигры» горят дольше!»

Но и военные и городские люди посматривали с опаской на погоду. Погоды не было. Вместо мороза расплзлась какая-то слякоть. И незамерзшая Нева, и лужи на улицах, и мелкий тонкий лед на заливе заставляли людей хмуро морщиться и бормотать всякие неприятные слова насчет небесного хозяйства.

Наконец в сумрачных рощах за Ораниенбаумом, под Пулковской высотой, на предгородской равнине перед Пушкиным — всюду началось оживление. Были командиры и солдаты, командированные в город по служебным надобностям с той стороны залива, и они узнали, что им надо возвращаться немедленно в свои части.

Но, к их глубокому горю, залив представлял мешанину из снега и льда. По этой мешанине не шли мелкие суда, идти пешком — смертельная опасность.

И все-таки люди пошли. Они шли по льду, который качался под ногами, они торопились во что бы то ни стало добраться до того берега, где их товарищи уже готовились к бою. Пришлось вернуться с дороги. Залив не пропустил. Я видел одного командира. Он метался между Лисьим Носом и городом, не зная, что

предпринять. Но он не мог оставаться в Ленинграде. Два с половиной года он дрался на своем бронепоезде, и мысль, что сейчас бронепоезд уйдет в бой без него, сводила его с ума. Таких, как он, смельчаков, бросившихся в опасный путь по заливу, было много. Какова была их радость, когда они узнали, что можно попасть к себе: кому по воздуху, кому на специальных судах. Они уезжали счастливые, они торопились в бой, как на праздник.

Это было всеобщее огромное воодушевление. Я видел молодого лейтенанта, который говорил восторженно: «Больше нас ничто не остановит. Я это чувствую всем сердцем и могу подтвердить чем хотите. Я лично буду драться так, что вы обо мне услышите!»

Возбуждение проникло на передовые. Артиллеристы и саперы, снайперы и танкисты — все готовились, все проверяли оружие и снаряжение, хотя и так все было проверено не раз. Генералы обошли весь передний край под минометным обстрелом.

Единое чувство наступления охватило войска. Цельность этого большого чувства была удивительна. Больше нельзя терпеть немца под Ленинградом. Враг созрел для гибели. Но он не отдаст ни одной траншеи без упорного сопротивления. Сила встретит силу. Но сила ленинградцев должна побороть вражескую.

3

Весь город был ошеломлен гигантским гулом, который, как смерч, проносился над Ленинградом. Много стрельбы слышали за осадой ленинградцы, но такого ошеломляющего, грозного, растущего грохота они еще не слышали. Некоторые пешеходы на улицах стали осторожно коситься по сторонам, ища, куда падают снаряды. Но снаряды не падали. Тогда стало ясно — это стреляем мы, это наши снаряды поднимают на воздух немецкие укрепления.

Весь город пришел в возбуждение. Люди поняли, что то, о чем они думали непрерывно, началось. А голос ленинградских орудий ширился по всей дуге фронта. Били орудия на передовой, били тяжелые орудия из глубины, били корабли, били форты, говорил Кронштадт.

Разрывы немецких снарядов, падавших на южные окраины города, не были страшны в этих волнах грохота, превращавшиеся в бурю возмездия. Тонны металла разбивали немецкие доты, превращали в лом пушки, рвали на части пехоту, обрушивали

блиндажи, сравнивали с землей траншей. Куски разорванной проволоки взлетали к небу. Рвались мины на минных полях. Черные тучи дыма застилали горизонт.

Что чувствовали уцелевшие гитлеровцы, оглушенные и обезумевшие от ужаса, прижавшиеся к стенкам окопов и укрытий, нас не интересует. Но когда поднялась первая цепь наших автоматчиков, перед которыми еще клубились дымы наших разрывов, она, эта цепь, рванулась вперед с такой неудержимой силой, что немцы побежали перед нею. Автоматчики шли во весь рост.

— Красиво идут! — говорили про них наблюдатели.

Гвардейцы Симоняка поддерживали свою гвардейскую славу. Воскрес дух героев прорыва блокады. Войска генерал-майора Трубачева, бравшие Шлиссельбург, войска генерал-майора Якутовича, генерал-майора Фадеева — все бывалые воины Ленинградского фронта начали историческую битву, разгром немецкой орды, которой уже не могли помочь никакие укрепления.

Артиллеристы получали приказы передвинуть позиции вперед, на юг, на три, на пять, на семь километров. Два с половиной года стояли иные орудия на одном и том же рубеже, передвигаясь только вдоль него, и, получив такой приказ, люди на руках переносили орудия, задыхаясь от гордости и радости.

Есть нечто заколдованное в том ничьем пространстве, которое годами лежало между позициями нашими и немецкими. На этой темной от воронок земле, среди минных полей и проволоочных преград прокладывали себе путь только разведчики. Враг жил, именно жил, там у себя в блиндажах, точно он и впрямь решил больше не уходить отсюда. И в молчании этого настоженного, пристрелянного пространства, казалось, нельзя выпрямиться, нельзя идти как хочешь, нельзя преодолеть его одним стремительным ударом.

И вдруг это случилось. Сразу рухнула таинственность этого пространства и этих первых неприятельских окопов. В блиндажи врага полетели гранаты, и, когда атакующие оглянулись в пылу атаки, увидели пройденные три линии окопов.

Четвертая линия окопов встретила атакующих нестройным огнем.

Опомнившись, немцы стали драться яростно, драться до конца. Да им и некуда было податься теперь. Удары сыпались на них со всех сторон. Уже зарево стало над Петергофом и Стрельной. Уже у Ропши появились наши танки. Уже Дудергофская гора встала перед нашими вплотную. И пошло разрастаться великое сражение под Ленинградом.

Священные руины Петергофа, Павловска, Пушкина, Гатчины явились перед победоносными ленинградскими войсками, чтобы всей надрывающей душу трагичностью своих обвалов, пробоин, обожженных и разбитых стен звать к отмщению. Даже тот солдат и офицер, который никогда не видел их великолепия в мирной жизни, и тот не мог удержаться от волнения при виде того, во что обратили варвары наследие нашего прошлого.

Поваленные деревья вековых парков лежали, как мертвые великаны. Обрывки старинной парчи, бархата и шелка носил ветер над дымом пожарищ. Картины и фарфор, растоптанные сапогами гитлеровцев, лежали в грязи разбитых аллей. Статуи без голов валялись в кустарнике. Огонь пожирал остатки домов. Горело вокруг все, что могло гореть.

Пустыня, заваленная трупами, разбитыми пушками и машинами; пустыня, где возвышались груды щебня и мусора, присыпанные снежком; пустыня, где не было ни одного живого существа, окружала наших бойцов. В подвалах домов, за пустыми стенами, зиявшими дырами, еще отсиживались смертники-фашисты, которые не успели бежать. Их кончали и шли дальше.

Кругом были немецкие доты, траншеи, блиндажи, пулеметные точки. Глубина обороны уже не пугала атакующих. Сколько бы километров ни тянулась эта чудовищная полоса, — все равно она была обречена.

День за днем разворачивалась битва, уходя все дальше и дальше на юг. Немцы пробовали еще стрелять по городу, но это были последние разбойничьи выстрелы. Через час-два тяжелые желтые дула замолкали навсегда. Через несколько дней они уже стояли на Дворцовой площади, и ленинградцы смотрели на эти чудовища, что терзали своими снарядами живое тело города. И вот они в плену, угрюмые, молчаливые, зловещие.

А в это время на другом фланге двинулись новые полки, загремела новая канонада. В этой страшной местности, что была ареной непрерывных сражений, среди незамерзших болот, среди торфяных ям и канав, повитых дымом торфяного пожара, начался штурм немецких укреплений. Было время, когда ленинградцы верили, что с падением неприступной Мги кончатся все бедствия блокады. Маленькая, затерянная в болотах станция стала символом борьбы за Ленинград. Совсем по-другому произошел прорыв блокады, но Мга завоевала себе навсегда мрачную известность упорностью и яростью боев. Тысячи вражеских трупов утонули в ее болотах. Сотни тысяч снарядов резали болот-

ные кустарники и кочки. Речушка Мойка, никому не известная, текла кровью в дни осенних боев этого года. На берегу нашей гордой Невы засели немцы, и даже после прорыва блокады их позиции от Арбузова до покрытого сотнями тысяч осколков маленького предместного редута на окраине села Ивановского разрезали наши войска, стоявшие по ту сторону реки Тосно и на северном берегу Мойки.

И вот пала Мга. Зашатались все доты по реке Тосно, и старый противотанковый ров за рекой увидел, как бегут немцы отсюда, где они зубами держались за каждый клочок земли. Мы узнаем позднее подробности этих боев, но теперь известно, что немцев нет больше на Неве, нет больше на всем пространстве от Шлис-сельбурга до Тосно, нет их и дальше, а битва продолжается и уходит на запад, на юго-запад, на юг.

5

Все дальше и дальше уходила битва от Ленинграда, и все глуше слышался грохот стрельбы и наконец исчез в отдалении. И тогда ленинградцы слышали радио, которое объявляло приказ войскам Ленинградского фронта. Это было 27 января. Этот день войдет в историю города, в историю народа, в историю Великой Отечественной войны, в историю мировой борьбы с фашизмом.

Город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника. В восемь часов вечера толпы ленинградцев вышли на улицы, на площади, на набережные. Кто передаст их состояние? Кто расскажет, что они переживали в эту минуту? Нет слов, чтобы изобразить их волнение. Все накопленное за годы испытаний, все пережитое воскресло и пронеслось перед ними, как ряд видений, страшных, невероятных, мрачных, грозных. И все это исчезло в ослепительном блеске ракет и громе исторического салюта. Триста двадцать четыре орудия ударили в честь великой победы, в честь великого города.

Люди плакали и смеялись от радости, люди смотрели сверкающими глазами, как в блеске салюта возникал из тьмы город всей своей непобедимой громадой. И шпиль Петропавловского собора, и форты старой крепости, набережные, Адмиралтейство, Исаакий, и корабли на Неве, Невский — все просторы города освещались молниями торжествующей радости.

«Мужественные и стойкие ленинградцы! — говорилось в приказе. — Вместе с войсками Ленинградского фронта вы от-

стояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, выковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы. От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом». И стояли подписи тех, кто был впереди войск, бравших победу, — Говоров, Жданов, Кузнецов, Соловьев, Гусев.

Так оно и было! И с этого часа начинается другой период жизни города, когда историк берет перо и начинает писать по порядку всю историю законченной трагической эпопеи. Она уже в прошлом, но это прошлое еще вчера дышало всем полымем борьбы, и еще всюду в городе свежие шрамы и следы этой битвы, не знавшей равных в истории.

Наступает тишина восстановления. Но в ушах еще отзвуки всех бесчисленных выстрелов, в глазах еще картины невиданных подвигов, в сердце горестные воспоминания, подымающие человека на новые труды, на новые подвиги во имя жизни, во имя дальнейшей борьбы, во имя окончательной победы.

27 января 1944 года! Никогда не забудут тебя ленинградцы. И каким бы ни был пасмурным этот зимний день над Невой, он всегда будет сияющим днем для жителей великого города.

6

Сейчас вспоминается все с самого первого дня, когда разорваны были пути, связывавшие Ленинград со страной, и парходам некуда было плыть, и поездом некуда было уходить.

Но сейчас радость не приходит одна. И волна нашего наступления возвращает нам эти пути один за другим. Уже свободна Северная дорога, и через Кириши-Мгу поезд может идти в Ленинград, и свободна Нева, можно готовиться к весенней навигации, можно плыть от Ладоги до залива, не думая об опасности и не боясь ничего. И наконец открывается путь, самое название которого наполняет торжеством сердце: Октябрьская железная дорога очищена от немецких захватчиков.

Она, эта дорога, еще изрыта взрывами, мосты лежат в обломках, станции в руинах, шпалы сброшены с насыпи, рельсы пошли на доты и надолбы, — но это ничего не значит. Есть свободный путь! Загудят паровозные голоса у стен, пахнущих свежим деревом, новые рельсы будут гнуться под тяжелыми составами и пассажирскими поездами, бегущими по старой, родной, прекрасной дороге от берегов реки Москвы, от Московского моря к берегам Невы, к берегам Балтики.

И ленинградцы воскресят свой славный экспресс — «Красная стрела». Русские люди возьмутся за восстановление так же рьяно, как они брались за освобождение родной земли от заклятого врага.

И будет исключительной силы событием для ленинградцев, когда они придут на Октябрьский вокзал встречать первый прямой поезд Москва — Ленинград. Сколько объятий, сколько восклицаний, сколько восторга и бесконечной радости.

Друзья обнимутся, как боевые товарищи. И по улицам, по которым никогда не проходил ни один враг, пройдут москвичи и ленинградцы, чтобы показать всему миру свое великое братство, проверенное страшными испытаниями, из которых они вышли победителями.

1944 год

Антанас ВЕНЦЛОВА

МАРИЯ МЕЛЬНИКАЙТЕ

Уже в первый день войны полыхали огнем литовские деревни и города, подожженные бомбами фашистских самолетов и артиллерийскими снарядами. Страшными массовыми убийствами ни в чем не повинных людей в Паланге, Каунасе, Вильнюсе, Укмерге и других местностях враги стремились сломить сопротивление литовского народа. Но литовцы, на протяжении двухсот лет упорно боровшиеся с крестоносцами, были далеки от мысли подчиниться последышам псов-рыцарей — гитлеровским разбойникам.

Первые небольшие партизанские отряды в Литве начали действовать уже в самом начале войны. Под влиянием побед Красной Армии партизанское движение здесь выросло настолько, что для подавления его уже недостаточно обычных карательных отрядов. Оккупанты посылают против партизан регулярные войска, оснащенные артиллерией, танками и самолетами, сжигают деревни и истребляют жителей. Слава о подвигах партизан «Жальгириса», «Маргириса», «Вильнюса», «За Родину» и других отрядов разносится по всей Литве. Всевозрастающий фашистский террор, с одной стороны, а с другой — надежда на скорое освобождение приводят в ряды партизан сотни и тысячи новых борцов.

Среди этих тысяч в памяти литовского народа, как сверкающий алмаз, будет вечно сиять имя героической литовской девушки Марии Мельникайте.

Мария родилась в 1923 году в Восточной Литве, в одной из прекраснейших местностей края — Зарасай, в семье рабочего-слесаря. Она рано узнала нужду и горечь чужого хлеба.

Зимой Мария посещает начальную школу, а летом идет на работу к кулакам — пасет скот, нянчит чужих детей. Едва лишь успев выйти из детского возраста, за жалкие гроши она работает на конфетной фабрике упаковщицей. Только при Советской власти Мария, все время страстно стремившаяся к образованию, получает возможность учиться дальше. Она посещает вечерние курсы, много читает. Мария знает, что ей уже не придется пройти тяжелый жизненный путь ее матери, быть служанкой у богачей. Она вступает в ряды комсомола, и перед глазами молодой работницы раскрываются красота и глубокий смысл новой жизни. Но ей недолго приходится радоваться своему счастью. Начинается война. Уже в самом начале военной бури ее родной город был превращен в груды пепла.

Вместе с другими не успевшими эвакуироваться юношами и девушками Мария уходит в подполье. Гитлеровские разбойники в Литве свирепствуют. Изо дня в день они расстреливают, вешают лучших сыновей и дочерей Литвы, охотятся за молодежью и угоняют ее на каторгу. Тюрьмы и концентрационные лагеря переполнены. Литва, которую Мария любит со всей страстью своего двадцатилетнего сердца, залита кровью, превращена в дымящиеся развалины, среди которых вырастают все новые и новые могилы.

Мария начинает организовывать молодежь на борьбу с врагами. До Литвы долетают вести о разгроме фашистов под Москвой, а затем — и у Сталинграда. Сопrotивление населения гитлеровцам все возрастает по мере того, как растет надежда на освобождение. Катятся под откос вражеские эшелоны, взлетают в воздух военные склады оккупантов. Партизаны неуловимы. И захватчики еще более усиливают террор против мирного населения.

Мария Мельникайте — одна из самых активных партизанок в Литве. Она возглавляет партизанский отряд. Своей отвагой, стойкостью, верой в победу вдохновляет молодых товарищей. А когда ее вместе с отрядом окружают фашисты у широкой, разлившейся в весеннем паводке реки, Мария призывает товарищей уйти от лютого врага, переплыть реку. Как всегда, первая подает пример — сбрасывает одежду, бросается в ледя-

ную воду и, уцепившись за проплывавшее бревно, добирается до другого берега. Таким же образом спасают свою жизнь и другие.

Наступает роковой день — 8 июля 1943 года. Мельникайте вместе с пятью товарищами уходит на выполнение боевого задания. Карательные части, уже давно выслеживавшие отряд, нападают на его след. В роще каратели окружают маленькую группу партизан. Нет пути к отступлению — со всех сторон враги. И горсточка литовских партизан, воодушевляемая отважной девушкой, в течение целого дня ведет героическую борьбу с превосходящими их по численности силами. В неравной борьбе гибнут один за другим смертью храбрых все пятеро товарищей Марии. Мария еще жива. Она сражается до последнего патрона. От ее руки находят смерть семь фашистских палачей. Когда кончились патроны, Мельникайте отбросила автомат и метнула в подползавших врагов гранату, от которой погибло еще несколько гитлеровских бандитов. Увидев, что ей угрожает опасность попасть в руки врагов, тяжело раненная, обливающаяся кровью, Мария пытается взорвать себя, но не хватает сил выдернуть чеку гранаты.

Начинается последний акт жизни и борьбы героической партизанки. Мария Мельникайте — в когтях гестапо. Кто такая, откуда она, кто ее товарищи, от кого получили оружие? Мария смело смотрит палачам в глаза. Она чувствует всю безысходность своего положения, но вместе с тем и величие своей борьбы и все моральное убожество подлых врагов. «Я не боюсь умереть, — спокойно отвечает она, — от меня вы ничего не узнаете».

Долго продолжаются пытки. Кажется, что проходит целая вечность. Агенты гестапо переламинают ей пальцы, жгут ей ноги, вырезают груди. Мария, крепко стиснув зубы и полным ненавистью взглядом окидывая своих палачей, до конца стойко прошла свой тернистый путь мучений. Услышав смертный приговор, Мельникайте сказала палачам:

— Я боролась и умираю за Советскую Литву! А вы зачем сюда пришли, что вы делаете в нашей Литве, фашистские псы?

И, все так же высоко подняв голову, Мария пошла на виселицу, поставленную на площади небольшого местечка Дукштас. Когда петля палача захлестнула ее девичью шею, героическая девушка, в последний раз бросив взгляд на родное небо и людей, которых согнали смотреть на казнь, воскликнула:

— Да здравствует Советская Литва!

Это было 13 июля 1943 года.

Навеки запомнили этот день жители Дукштаса. Этот день запомнил весь литовский народ.

Имя Героя Советского Союза Марии Мельникайте стало близким и родным всем советским людям.

24 марта 1944 года

Якуб КОЛАС

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

Безлесное моховое болото. Оно занимает гектаров 40—45. Снег еще полностью не растаял на нем, но между кочек уже проступают целые заводы. Неприветливо холодное мартовское небо, подернутое облаками. Сырой, пронизывающий ветер, обильный мокрый снегопад проносятся над болотом. Оттепель сменяется морозами. Болото находится в зоне двустороннего обстрела. Оно обнесено колючей проволокой и густо заминировано со всех сторон. В этот холодный ад согнали немецкие душегубы несколько десятков тысяч мирного белорусского населения, ограбленного в пути, голодного, плохо одетого и обутого.

Никогда в жизни я не встречал такого количества и в таком виде изможденных людей. Они поистине прошли крестный путь, путь невыразимых мук и невообразимого издевательства. Эти люди — жертвы гитлеровских палачей и убийц. Это — сыны и дочери белорусского народа, немощные старики, женщины и дети. Для них устроили немецкие изверги чудовищный лагерь смерти в районе местечка Азаричи Полесской области.

Нельзя без содрогания сердца слушать рассказы людей, побывавших в когтях немецких хищников и освобожденных из их неволи. Жители разных областей и районов Белоруссии — Гомельской, Могилевской и Полесской — рассказывают об одном и том же — о неслыханной жестокости, об издевательствах гитлеровских палачей. Рассказы их искренни, правдивы. В каждом их слове звучит глубокое страдание. Пережитое в пути к лагерю и в самом лагере глубоко вонзилось в психику страдальцев, наложило тяжелый отпечаток боли. Были случаи, когда люди не выдерживали ужасов нравственных и физических пыток и сходили с ума.

Четырнадцатилетняя Екатерина Хоменкова из деревни Фалевичи Рогачевского района рассказала:

— Осенью 1943 года, сразу же после покрова, немцы объявили новую мобилизацию мужчин и молодежи в Германию. Люди, кто как мог, стали уклоняться и прятаться. Обозленные немцы дотла сожгли четыре деревни, расположенные по соседству: Фалевичи, Толочки, Мортков, Волоки. В нашей деревне, — говорит Хоменкова, — немцы зверски убили 235 человек.

Из числа убитых она называет свыше пятидесяти имен, которые она помнит.

Люди гибли целыми семьями от мала до велика, от седых стариков до грудных младенцев, только-только явившихся на свет. Людей жгли в домах, а прятавшихся в подвалах забрасывали гранатами. Чудом уцелевшие люди убегали в лес, но немцы настигали их, убивали или же сгоняли в лагерь.

Потрясающее впечатление оставляет рассказ шестидесятидвухлетней белорусской крестьянки Арины Игнатьевны Гавриленко. Она родом из деревни Толочки Рогачевского района. Она потеряла четырех детей — немцы сожгли их заживо.

— Все жители нашей деревни Толочки, 287 человек, погибли. В огне сгорели.

Вспоминая о своем пребывании в лагере, Арина Игнатьевна не может сдержать слез. Она не может без глубокого волнения говорить о страданиях народа, о детях, очутившихся в лагере. Немецкие изверги безжалостно оторвали их от матерей, разлучили с ними. В лагере она увидела трехлетнего мальчика Евстафия Голубовского из Жлобина. Измученный, голодный ребенок, коченея от холода, бродит по лагерю, плачет и громко зовет: «Мама, мамочка, где ты? Я хочу кушать!» И он здесь не один, это осиротевшее маленькое существо. Их много. Они плотно прижались друг к дружке на холодной, обледелой кочке, чтобы защититься от холода. Они уже не плачут, не ищут своих матерей. Они устали, обессилели, изголодались и больше не могут бороться за свою только что начавшуюся жизнь, жестоко обрываемую немецкими палачами.

— Сидят они, бедненькие, коченеют, пока смерть не придет к ним, — рассказывает Гавриленко, и слезы текут по ее старческому изможденному лицу.

Она, эта самоотверженная простая женщина, взяла мальчика Голубовского. — Господи, — говорит в заключение Гавриленко, — если бы вы видели, как фашисты издевались над людьми, как они избивали их, как они избивали нас, женщин! Никакие мольбы, никакие крики, ничто не помогало. Это не люди, это — звери... Нет, они хуже зверей.

О том, как сгоняли население в лагерь и какой путь при-

шлось ему пройти, рассказывает 19-летняя Людмила Пекорская, уроженка Жлобина:

— 12 марта 1944 года, под вечер, нас, уцелевших жителей города, заставили собраться в течение получаса. Кто не успевал и не выходил на улицу, немцы насильно выгоняли на улицу, а дома поджигали. Под угрозами расстрела, с окриками нас погнали на станцию Жлобин-Южная. Здесь отобрали молодых и куда-то увели их. Я оделась под старуху и поэтому вместе со стариками и детьми попала в эшелон. Эшелон был огромный. Сколько там было вагонов, я не считала, на глаз их было не менее ста. В вагоны загнали не только жителей Жлобина, но и многих согнанных из близких и дальних деревень. Вогнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери и не выпускали никого, пока не приехали на место. Куда нас везут, мы не знали. В вагонах поднялся плач: плакали дети, плакали женщины. Старухи рвали на себе волосы. Страшно было. К вечеру 15 марта мы прибыли на станцию. Мне кажется, это была станция Рабкор. Нас выгрузили из эшелона. Большая часть вещей осталась в вагонах. Ночью нас куда-то погнали. Шли мы и утопали по колено в грязи, а немцы подгоняли нас: «Рус, шнель! Рус, скорее!» Почти сразу же на станции раздались выстрелы. Это немецкие конвоиры стреляли в отстающих. Шли очень долго. Многие матери, несшие грудных младенцев, уже не могли двигаться и падали на землю. Загнали нас за какую-то изгородь. Утром, когда начало светать, мы оглянулись и увидели, что находимся на болоте. Рядом с живыми мы увидели мертвых. Это были погибшие за ночь. Из первого лагеря нас погнали во второй.

Тяжелая была наша дорога. Мы выбивались из сил, а немцы подгоняли нас, ломали на нас палки, стреляли в нас. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш не может идти дальше, отстает. Подходит немец и стреляет в него. Когда же мать и двое детей в ужасе останавливаются, солдат-зверь поочередно стреляет и в них. И таких случаев было много. Идут мать и сын Бондаревы. Худенький мальчик не выдержал этого пути и упал. Мать наклоняется над ним. Она хочет утешить его словом, ободрить. Но ни сын, ни мать уже не подымутся: немец-разбойник застрелил их. Из второго лагеря немцы погнали нас дальше, в деревню Белосевичи. Люди измучились, изголодались. Издеваясь над нашим страданием, фашистские звери стали бросать в голодную толпу хлеб, норовя попасть в лицо. Мы находились под открытым небом. Слякоть сменилась морозом. Дров не давали. Разводить костры не разрешили. Воды не было. Воду пили из грязного болота. Люди замерзали, умирали от болезней.

Немецкие солдаты и полицейские врывались в лагерь, сдирали сапоги и оставляли людей босыми. Снимали пальто, свитера. Тут же в лагерях бандиты насильовали женщин. Когда к ночи окончившие от холода люди стали разводить костры, немцы без предупреждения открыли стрельбу. Многих убили и ранили. Рядом со мной были ранены 9-летний Толя Чикилев и Виктор Мельников. Оба они из Жлобина. Вблизи меня в одну могилу были зарыты сорок женщин и детей, умерших в одну ночь. Тут же некоторые женщины рожали и умирали вместе с новорожденными.

Картину, нарисованную Людмилой Пекорской, подтверждает и дополняет другой житель Жлобина Петр Николаевич Гарташкин.

— В вагоне мы задыхались от недостатка воздуха, — говорит он. — Выходить нас не пускали, и воздух еще более отравлялся. Когда нас начали выгружать, то люди, умирая от жажды, кинулись искать воду. Немцы пускали в ход автоматы, расстреливали тех, кто на несколько шагов отделялся от колонны. За глоток воды люди отдавали все, что было самого ценного у них: кольца, деньги, часы. Умирающие от мук жажды люди руками раскапывали землю и высасывали из глины влагу. 56 лет я живу на свете, но о таких ужасах, что принесли нам немцы, не приходилось и слышать. Будь они прокляты, лютые немецкие гады! Я бы их всех своими руками передавил.

Все эти рассказы и показания целого ряда других лиц свидетельствуют об одном: злодеяния немецких извергов совершались по одному и тому же плану, исходящему от фашистских главарей. План этот — преднамеренное истребление белорусского народа, всей душой ненавидящего Гитлера...

Все многотысячное население лагеря — люди нетрудоспособные. Молодых и сильных немцы угнали на каторгу, и судьба их неизвестна...

Фашизм и злодеяние — неотделимые понятия. С тех пор как фашистская Германия занесла над миром кровавый топор войны, не перестает литься невинная кровь. Велико страдание народов, подвергшихся нападению разнузданных гитлеровских орд. Немцы дошли до последней черты чудовищного злодеяния. Они чувствуют приближение позорного своего конца, и в последние дни своего издыхания они особенно зверствуют. Вот почему свободолюбивые народы должны как можно скорее нанести последний удар в сердце фашистского зверя.

19 апреля 1944 года

КОВПАК

Таинственно и предостерегающе шумит лес.

Уходят в густую чащу тропы. Сизые облака проплывают совсем низко над деревьями. У дороги лежат громады обгорелых танков, меченных свастикой, опрокинутые вверх колесами немецкие грузовые машины и зарывшийся носом в канаву штабной автомобиль.

В этом месте подвижная группа одного немецкого соединения попыталась проложить себе дорогу из окружения. Партизаны в свою очередь окружили немцев и истребили их поголовно. Взятые в плен фашистские офицеры недоуменно разводили руками и охотно утверждали, что Гитлеру капут. Теперь они сидят в землянках. Бородатый Вакуленко стоит у входа в землянку, с автоматом наперевес. Ему скучно, как он выражается, от такой работы, но приказ командира есть приказ, и он стережет фрицев.

К слову сказать, Вакуленко вообще не особенно любит на посту стоять. Куда лучше ходить в разведку! В прошлом старик Вакуленко — колхозный пастух; в отряде с первого дня его основания; он уже дважды награжден. Партизаны тепло называют его «папаша», а он их всех — «сынки».

В лесу тихо, только шумит в соснах беспокойный ветер. Над землянками выются дымки.

Партизаны отдыхают, фронт передвинулся далеко вперед. От командования соединения еще не поступил приказ. Ходит слух, что будет приказ — по домам, поскольку родные места уже освобождены Красной Армией.

Онуфрий Чумак, разгладивая усы, высказывает свои соображения по этому поводу:

— Оно, конечно, домой охота, повоевали мы. Да, с другой стороны, повоевать тож охота, вперед пойти не мешает. Нам, конечно, с армией не сравняться, да в помощь ей можем стать иногда.

Ну, то батьке виднее: как наш батько генерал скажет, так и будет.

Батько генерал — это Сидор Артемьевич Ковпак. О нем говорят в отряде все. Его приказа ждут, и этому приказу подчиняются беспрекословно.

Онуфрий Чумак вспоминает:

— Когда осенью 1942 года немцы на нас танки бросили

и всю дивизию «СС», Сидор Артемьевич спросил: «Ну, как, колхозное войско, не одолест нас немец?» — «Как ты думаешь, так и будет», — ответили мы ему. «Я думаю, не одолест», — молвил Сидор Артемьевич, — хотя жарковато нам придется».

И, сказать правду, пришлось довольно горячо, да не одолели нас немцы. Вырвались мы из кольца, а их перебили.

Онуфрий Чумак — в прошлом тракторист. Это ему пришлось. В нужную минуту он сел в захваченный немецкий танк и неожиданно появился в одном местечке, занятом немцами.

Подъехал к хате, где помещался вражеский штаб, и с ходу ударил из орудия. Обезумевшие немцы бросились кто куда, а танк Чумака «утюжил» по деревне немцев. В отряде об этом случае часто вспоминают. К Чумаку обращаются:

— Расскажи, как ты населенный пункт взял.

Чумак машет рукой и ухмыляется в ус:

— А чего там рассказывать! Приказал батенько генерал, ну и было исполнено. Мое дело маленькое.

...Шла степью девушка. Видно, издалека шла, еле ногами перебирала, шаталась от усталости. Увидела деда с котомкой. С виду он будто нищий, ветхий, такой немощный. Спросила сразу:

— Дедушка, как партизан мне найти?

Дед глянул подозрительно, пробормотал что-то в ответ и пошел дальше, а она за ним и все просила:

— Скажи, дедушка. Они мне как свет нужны. Ты меня не бойся, я от немцев бежала из самой проклятой Германии.

И молчаливому деду девушка поведала всю свою злосчастную историю о том, как ее в Германию увезли, как на заводе работала она, а потом за сто марок купил ее в Гамбурге кулак и увез к себе в село. И там она, словно скотина, от зари до зари спину на немца гнула. Били ее, ногами пинали. Раз она не выдержала, толкнула хозяйку, которая ее за косы рвала, и тогда рассвирепевший немец топором отрубил ей руку. При этих словах она показала деду забинтованный и скрытый под жакеткой обрубок левой руки.

Тогда дед остановился, глянул ей в глаза и тихо сказал:

— Иди за мной. Приведу, куда хочешь.

Дед Свирид Мирошниченко, связной партизан, как выяснила девушка впоследствии, привел ее в свой отряд. И вот спустя много месяцев стоит перед нами она, Мария Стасюк. Рукав на левой руке высоко подстегнут. Это неизгладимая, печальная память о пребывании в немецком рабстве.

Мария слывет одним из лучших бойцов партизанского отря-

да. Она выполнила немало смелых заданий, физический недостаток не помешал ей стрелять в ненавистных оккупантов. Конечно, как и все, она скучает по родному дому. Ведь небось в Полтаве ее давно похоронили. Но крепко в ней, очень крепко желание с автоматом в руке дойти до немецкого села Фрайтгат и появиться на пороге каменного дома Рудольфа Шемберга. Она хотела бы посмотреть, какое тогда выражение лица станет у герра Шемберга и у фрау Амалии. Забавное будет зрелище! Когда Мария говорит об этом, брови сурово сдвигаются и в глубоких карих глазах вспыхивают грозные огоньки.

О прошлых походах, о невзгодах и трудностях партизаны говорят неохотно и скупо.

— Что рассказывать? Война как война, — спокойно повествует агроном Николук. — Конечно, не всем приятно было созавать, что вокруг немцы. Но всем нам пример показывал Сидор Артемьевич. В его соединении быть великая честь. Он, как карающая рука, всюду настигал немецких злодеев.

Земля, по которой мы ходим и ездим, очищена полностью от фашистов. Но еще не так давно они рыскали здесь повсюду, и партизаны вели упорную и жестокую борьбу с оккупантами. Большие и малые отряды Ковпака неожиданно появлялись там, где немцы никогда их не ждали. Среди ночи огонь охватывал здания штабов, взлетали в воздух артиллерийские склады, летели под откос эшелоны, выводились из строя станции и мосты. И везде и всюду оккупанты слышали страшное для них слово — «Ковпак». На стенах домов, на заборах, в селах и городах, на придорожных столбах и на деревьях в лесу чьи-то невидимые руки расклеивали краткие листовки. Из них народ узнавал правду о военных действиях, узнавал о событиях за линией фронта.

...Было это в Сорочинцах на базаре в воскресный день сорок второго года. Конечно, базар не такой, как до войны. Ни песен, ни говора, ни смеха не было. Но жить ведь людям надо, и ехали и пешком шли они из окрестных сел в Сорочинцы, чтобы продать то, что осталось утаенного от грабителей, да и людей встретить, новость какую узнать. Ходил среди возов человек в свитке, с кнутом в левой руке. Росту он был среднего, с небольшой седой бородкой; ходит, цыгаркой дымит, улыбается хитровато, посматривает на возы, на людей, будто ищет чего-то. Сел у одного воза возле группки крестьян. Они сразу замолчали, смотрят на непрошеного гостя исподлобья. А он усмехнулся и так прямо сказал:

— А вы не бойтесь — знаю, немцев ругаете. Я человек свой.

Как там у вас люди в Грязевке? Что, немцы много беды патворили?

Люди по сторонам оглянулись, смотрят на человека как-то недоверчиво, но потом постепенно разговорились. Конечно, плохо в Грязевке, мочи больше нет терпеть. Староста — подлец, кулак беглый, с немцами и объявился. Теперь мобилизацию проводит, на будущей неделе отправлять будет в Германию парней и девчат — всего человек двести, пусто станет в селе. А заложников сколько уже взяли — не перечесть!

Человек в свитке слушает внимательно. Лицо его становится суровым.

— К нам бы хотя партизаны заглянули, — говорит один колхозник. — Много б с ними ушло, да и немцев потрусили бы. А то расходились каины. Хоть бы Ковпак кого прислал.

— Пришлет, а может, и сам появится у вас, — отвечает человек в свитке.

— А тебе откуда это известно? — отмахивается старичок в домотканой рубахе до колен.

— Мне доподлинно известно, — говорит человек в свитке, — я Ковпак.

А через два дня среди ночи в Грязевке появляется Ковпак с небольшим отрядом партизан.

Взлетает на воздух немецкая комендатура, бегут фрицы в дикой панике, поднимают руки, сдаются в плен. Окруженный партизанами, стоит на площади перед церковью немецкий прислужник — предатель староста.

Имя народного героя, партизанского водителя Сидора Ковпака благословляется в каждой хате.

Старуха Дарья Сербиченко, у которой три сына в Красной Армии, а сама она с первых дней в одном из партизанских отрядов стряпает еду партизанам, говорит о Ковпаке:

— Герой он такой, что в заморских землях такого не сыщешь, а все потому, что правду народную сердцем чует.

...В сияющем огнями Киевском театре оперы шло заседание сессии Верховного Совета Украины. Впервые после двух лет оккупации собрались народные избранники в освобожденной столице. И когда глава правительства Украины назвал депутатам имя прославленного генерала Ковпака, весь зал поднялся и громовая волна аплодисментов не стихала несколько минут. А генерал Ковпак сидел в боковой ложе, смущенно улыбаясь. Светили юпитеры. Сияли на генеральском кителе ордена.

Большевик Ковпак, верный сын своего народа, поднялся и поклонился залу в знак признательности.

Три года назад, когда мирно цвела наша Родина, в тихом зеленом Путивле Ковпак занимался скромными и будничными исполкомовскими делами. Он любил «Слово о полку Игореве» и гордился своим древним городом. И когда война разразилась, он, Ковпак, знал, что делать. И вскоре имя путивльского гражданина Сидора Ковпака загремело на Украине.

Шумят леса. Теряются в чащах таинственные тропы, по которым идут партизанские отряды. Они ведут по узеньким дорожкам оседланных лошадей с ногами, обмотанными войлоком, и завязанными мордами, тянут орудия, идут через непроходимые топи. А некоторое время спустя уже полнится слухом земля, уже говорят в селах с любовью и надеждой:

— Ковпак пришел!

И несутся по немецким проводам шифровки, и снова диктуются приказы: окружить Ковпака. Назначаются баснословные цены за живого или мертвого. А генерал Ковпак читает немецкие посулы за свою голову и смеется. Он ведет свой счет мести немецким палачам и помогает Красной Армии бить немцев. Многие из его отрядов в походах. А тем, которым приказано возвращаться на родные места, неохота уходить от своего генерала и боевых друзей.

Эти простые, различных профессий люди, ставшие народными мстителями, готовы на любой подвиг во имя счастья своей Родины. Велика их любовь к своему народу, и страшна их всеокрушающая ненависть к врагу.

В этом источник их силы и непобедимости.

Полны степи и города Украины великой славы партизанской.

Июль 1944 года

Вадим КОЖЕВНИКОВ

НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

На каменном спуске севастопольского Приморского бульвара, у самого зеленого моря, опустив в воду босые натруженные, уставшие ноги, сидел запыленный боец. На разостланной шинели его — автомат, пустые расстрелянные диски. Трудно сказать, сколько лет этому солдату: брови его седы от пыли, лицо в сухих морщинах.

Небо над городом еще черно от нарастающей тучи дыма — дыхания недавней битвы. У причалов пристаней полузатопленные, пробитые снарядами суда, на которых враг искал спасения в море.

Но солдат не смотрит на изрешеченные посудины, не смотрит на вражеские трупы, — взор его устремлен в море, словно что-то необыкновенное видит он в его глубине.

— Отдыхаете?

Боец повернулся и тихо сказал:

— Вот, знаете, о чем я сейчас думаю... Пришел я сейчас к самому краешку нашей земли. А позади меня — огромное пространство, и все это пространство я со своей ротой с боями прошел. И были у нас такие крайности в боях, я так полагал, что выше сделанного человеческим силам совершить больше невозможно. То, как Сталинград отбили, навсегда меркой солдатского духа будет. На всю историю измерение. Я человек спокойный, воевал вдумчиво и с оглядкой, а вот на заводе тракторном здание вроде конторы было, так мы в нем с немцами дрались без календаря — то мы на верхнем этаже сутки, то они. Когда у меня автомат повредили, я куском доски бился, а когда на меня один фашист лег, я вцепился зубами в руку, которой он пистолет держал. Прикололи фашиста ребята, а я не могу зубы разжать, судорога меня всего свела.

Когда бои смолкли и наступила в городе тишина, вышли мы на вольный воздух, взглянули на разбитые камни города и вот вдруг эту тишину почувствовали. Только тогда дошло, что мы пережили, что сделали, против какой страшной силы выстояли. От тишины это до нас дошло.

Вот и сейчас от этой тишины я словно заново бой переживаю сегодняшний. Я вас, верно, разговором задерживаю, а рассказать хочется... Закурите трофейную. Верно, табак у них дрянь, копать во рту одна... Так, если время вам позволяет, я еще доложу. Пришли мы к Сивашу. Это такое море, гнилое и ядовитое. Его вода словно кислотой обувь ест. Очень скверная, извините за грубое слово, вода. Не стынет она, как прочие воды, не мерзнет зимой, все без льда, — ну, яд, словом, и мороз не берет ее. По этой проклятой воде мы вброд под огнем шли в атаку. Тело болело в холоде, ну, хуже, чем от ранения, а шли под огнем, и кто раненый был — тоже шел; знал — упадет, добьет вода, — и только на берегу позволял себе упасть или помереть.

Столкнули мы фашистов с небольшого кусочка земли, и прозвали ее все «Малой землей». А земля эта была неприютная, сырая, даже холод ее не брал, вроде как больная земля, ее соль

разъедала, потому она такая. Ну, бомбил он нас, навывлет всю эту «Малую землю» простреливал. Страдали мы без воды очень. Гнилой-то ее много было, а вот глоток простой и сладкой, ну прямо дорожке последней закрутки считался.

Соберемся в траншее на ротное партийное собрание — парторг вопрос: как, мол, настроение? Некоторые даже обижались: какое такое может быть настроение, когда мы и на Волге сражались! Я вам правду скажу, мы все очень гордые считаемся. И на «Малой земле» мы все гордились и высоко свою марку ставили.

А когда мы с «Малой земли» по приказу командования на Крым ринулись, тут чего было — трудно описать. Какой-нибудь специальный человек — он бы выразил, а я не могу всего доложить. Одним словом, действовали с душой. А на душе одно было — изничтожить гадов, которые в Крыму, как гадюки под камнем, засели. Били в Джанкое, Симферополе, Бахчисарае и прочих населенных пунктах. Но сберегли гады себе последнюю точку — вот этот город, где каждый камень совестливый боец целовать готов, потому здесь каждый камень знаменитый.

Мы с ходу позиции заняли у подножия гор. Неловкая позиция. Гитлеровцы на горах, горы эти пушками утыканы, камень весь изрыт, доты, дзоты, траншеи. Доты бетонные. Дзоты под навесными скалами. Траншеи в полный рост. Нам все это командир роты доложил, старший лейтенант Самошин, может, встречали, — три ордена. Спокойный человек, бесстрашный. Заявил он нам так: «Вот глядите, товарищи бойцы, на то, что нам предстоит сделать. Горы эти, конечно, неприступные. А самая главная из них — Сапун-гора, и взять ее — значит войти в Севастополь».

Мы, конечно, всякое видали, но после Сиваша гордости у нас еще прибавилось. А тут, у гор, мы без задора глядели на крутые скалы и знали, что пройти по ним живому все равно что сквозь чугунную струю, когда ее из летки выпускают. Знали, что восемь месяцев высоты эти держали наши люди дорогие, герои наши бессмертные. Ведь враг каждую щель, которую они нарыли, использовал да два года еще строил, население наше сгонял и оставшуюся артиллерию на эти горы со всего Крыма натащил. И опять же, ведь это горы! А мы все в степи дрались, на гладком пространстве. Скребло это все, честно скажу.

А надо командиру ответить. Встал Баранов. Есть такой у нас, очень аккуратный пулеметчик. Когда он тебя огнем прикрывает, идешь в атаку с полным спокойствием, словно отец за спиной стоит. Такое чувствовали все, когда Баранов у пулемета работал.

Выступил этот самый Баранов и сказал: «Я так думаю, това-

рищи. Те люди наши, которые до последней возможности своих сил Севастополь защищали, в мысли своей самой последней держали, что придут сюда несколько погоды снова советские люди — и такие придут, которые все могут. Они такую мысль держали потому, что свой народ знали, потому, что сами они были такими. Кто чего соображает — я за всех не знаю. Вот гляжу всем в глаза, и вы мне все в глаза глядите, я сейчас клятву скажу перед теми, которых сейчас нет».

Тут все вскочили и начали говорить без записи. Просто как-то от сердца получилось. И сказали мы: «Клянемся!» Я подробностей всех слов не помню. Знаете, такой момент был, сказал бы командир: «Вперед!» — пошли бы, куда хочешь пошли.

...И боец этот, сидевший у берега моря, зачерпнул горстью воду, солено-горькую воду, отпил ее, не заметив, что она горько-соленая, помолчал, затягиваясь папиросой так, что огонь ее полз, шипя, словно по бикфордову шнуру, и потом вдруг окрепшим голосом продолжал:

— Назначили штурм. Вышли мы на исходные. Рань такая, туман, утро тихое. Солнце чуть еще где-то теплится, тишина, дышать бы только и дышать. Ждем сигнала. Кто автомат трогает, гранаты заряжает. Лица у всех такие, ну, одним словом, понимаете: не всем солнце-то сегодня в полном свете увидеть, а жить-то сейчас, понимаете, как хочется. Сейчас особенно охота жить, когда мы столько земли своей прошли, и чует ведь праздник наш человек, чует всем сердцем: он ведь скоро придет, окончательный праздник... А впереди Сапун-гора, и льдинка в сердце входит. Льдинка эта всегда перед атакой в сердце входит и дыхание теснит. И глядим мы в небо, где так хорошо, и вроде оно садом пахнет. Такая привычка у каждого — на небушко взглянуть, словно сладкой воды отпить, когда все в груди стесняет перед атакой.

И тут, понимаете, вдруг словно оно загудело, все небо: сначала так, исподволь, а потом все гуще, словно туча какая-то каменная по нему катилась. Сидим мы в окопах, знаете, такие удивленные, и потом увидели, что это в небе так гудело. Я всякое видел, я в Сталинграде под немецкими самолетами, лицом в землю уткнувшись, по десять часов лежал. Я знаю, что такое самолеты. Но, поймите, товарищ, это же наши самолеты шли, и столько, сколько я их никогда не видел. Вот как с того времени встала черная туча над немецкими укреплениями, так она еще, видите, до сего часа висит и все не расходитя. Это не бомбежка была, это что-то такое невообразимое! А самолеты все идут и идут, конвейером идут. А мы глядим, как на горе камень пере-

ворачивается, трескается, раскалывается в пыль, и давно эта самая льдинка холодная под сердцем растаяла, горит сердце, и нет больше терпения ждать.

Командир говорит: «Спокойнее, ребята. Придет время — пойдете», — и на часы, которые у него на руке, смотрит.

А тут какие такие могут быть часы, когда вся душа горит! Сигнал был, но мы его не слышали, мы его почуяли, душой поняли и поднялись. Но не одни мы, дорогой товарищ, шли. Впереди нас каток катился, из огня каток. То артиллерия наша его выставила. Бежим, кричим и голоса своего не слышим. Осколки свистят, а мы на них внимания не держим, — это же наш огонь, к нему жмемся, словно он и ранить не имеет права.

Первые траншеи дрались долго. Гранатами мы бились. Пачку проволокой обвяжешь — и в блиндаж. Подносчики нам в мешках гранаты носили. Когда на вторые траншеи пошли, немец весь оставшийся огонь из уцелевших дотов и дзотов на нас бросил. Но мы пушки с собой тянули на руках в гору. Не знаю, может, четверку коней впрячь — и они бы через минуту из сил выбились, а мы от пушек руки не отрывали, откуда сила бралась! Если бы попросили просто так, для интереса, в другое время хоть метров на пятнадцать по такой крутизне орудие дотащить, — прямо доложу: нет к этому человеческой возможности. А тут ведь подняли до самой высоты, вон они и сейчас стоят там. Из этих пушек мы прямой наводкой чуть не впритык к дзоту били, гасили гнезда. Били, как ломом.

Третья линия у самого гребня высоты была. Нам тогда казалось, что мы бежали к ней тоже полным ходом, но вот теперь, на отдохнувшую голову, скажу: ползли мы, а кто на четвереньках, — ведь гора эта тысяча сто метров высоты, и на каждом метре бой. Под конец одурел враг. Дымом все поднято было, и камни, которые наша артиллерия на вершине горы вверх подняла, казалось нам тогда, висели в небе и упасть не могли, их взрывами все время вверх подбрасывало, словно они не камни, а вроде кустов перекасти-поля (видели во время бурана в степи?).

Стали фашисты из окопов выскакивать, из дзотов, из каменных пещер, чтобы бежать. Но мы их достигали. Зубами прямо за камень хватались, на локтях ползли. Как вырвались на вершину Сапун-горы — не помню.

Не знали мы, что такое произошло. Только увидели — внизу лежит небо чистое, а там, впереди, какой-то город красоты необыкновенной и море зеленое. Не подумали мы, что это Севастополь, не решались так сразу подумать. Вот только после того, как флаги увидели на концах горы зазубренной, поняли,

чего мы достигли. Эти флаги мы заранее на каждую роту подготовили и договорились: кто первый достигнет, тот на вершине горы имеет знаменитое право его поставить. И как увидели мы много флагов на гребне, поняли, что не одни мы, не одна наша рота, а много таких и что город этот, — не просто так показалось, — он и есть Севастополь! И побежали мы к городу.

Ну, там еще бои были. На Английском кладбище сражались. Seriously пришлось. Когда окраины города достигли, тут опять немножко остановились. В домах там гитлеровцы нам стали под ногами путаться, но для нас в домах драться — это же наше старое занятие, сталинградское. Накидали мы, как полагается, гранат фрицам в форточку. Которых в переулках, на улицах достигли. Кто желал сдаться — тех миловали.

И когда потом стало вдруг нечего делать, оглянулись мы, и как-то нам всем чудно стало. Вроде как это мы и не мы, смотрим и даже радоваться не смеем.

Спрашиваю: «Ты жив, Васильчиков?»

Это моя фамилия — Васильчиков, Алексей Леонидович.

«Вроде как да», — отвечаю, а до самого не доходит, что жив.

Стали город смотреть. И все не верится, что это Севастополь. Кто на исторические места пошел, чтобы убедиться, а я вот сюда, к морю, думал к самому краю подойти, чтобы фактически убедиться. Я эту мысль берег, когда еще на исходных стояли, думал — к самому морю подойду и ногами туда стану. Ну вот, ноги помыл и сейчас думаю с вами вслух.

Я, может, сейчас немного не при себе — после боя все-таки. Говорю вам и знаю, что каждому слову нужно совесть иметь, а я так без разбору и сыплю, хочу сдержаться и не могу. Может, самое главное, что у меня вот тут, в сердце, есть, я вам и не проговорил как следует. Но вы же сами гору видели, как наша сила истолкла ее всю в порошок. Ехали ведь через нее, по белой пыли у вас вижу, что ехали. Так объясните вы мне, — может, знаете, — где есть еще такое место, которое вот эти солдаты — они сейчас по улицам ходят, все на Севастополь удивляются — пройти не смогут?

Я вам и свой и ихний путь объяснил. Есть у меня такая вера, что нет теперь такого места на земле, чтобы мы его насквозь пройти не могли! И решил я сейчас так: как то самое главное, последнее место пройду, сяду на самом последнем краю, все припомню — где прошел, как прошел...

Васильчиков помолчал, снова закурил, поглядел на море, потом вытер полый шинели ноги, обулся, встал, поправил на плече ремень автомата и вдруг застенчиво попросил:

— Только вы про меня чего-нибудь особенного не подумайте. Я даже не в первых рядах шел, только иногда выскакивал. Вы бы других послушали, настоящих ребят, — есть у нас такие, — только разве они будут рассказывать! Это я так вот тут, для разговора, на ветерке посидел, ну вот, значит, и отдохнул. Счастливо оставаться!

Попрощавшись, Васильчиков поднялся по нагретому солнцем камню набережной и скоро скрылся из глаз в гуще идущих по севастопольской улице таких же, как он, опаленных, покрытых пылью бойцов.

1944 год

Илья ЭРЕНБУРГ

ПРОСЛАВЬТЕ НАШЕГО ПЕХОТИНЦА

Трудными лесными дорожками понеслись к Минску, обгоняя врага, танкисты-тащинцы. Партизаны им указывали путь, строили мосты. Полковник Лосик говорит: «Шли мы там, где только зайцы ходят». Работали над дорогой все, от бойцов до генерала. В одни сутки прошли 120 километров; вышли в тыл к отступавшим немцам: началось великое побоище. Свыше трех тысяч немецких машин с танками и самоходками шли по дороге в четыре ряда. Они не ушли: ни танки, ни машины, ни солдаты.

Когда наши танкисты ворвались с северо-востока в Минск, немцев было в городе больше, нежели наших, но эти немцы были уже деморализованы: блуждающие солдаты успели заразить паникой минский гарнизон, и город был быстро очищен от врага.

Когда я приехал в Минск, город горел. Взрывались дома. А жители уже выходили из подвалов, приветствуя освободителей. Кажется, нигде я не видел такой радости, как в Минске. Кто скажет, что значит пережить три года фашистского ига?.. А танкисты уже были далеко на западе. Еще не успели убрать у Толочина мешанину из железа и трупов, как началось новое побоище между Минском и Ракувом. Там я видал тысячи и тысячи машин, искромсанных танками и авиацией. Клубы пыли были начинены немецкими приказами, письмами, фотографиями голых женщин — всей той бумажной дрянью, которую таскали с собой недавние завоеватели.

А танкисты неслись дальше, и с трудом я их догнал по дороге в Лиду.

С завистью сказал мне капитан Мюнхарт, старый немецкий штабист: «Взаимодействие всех видов оружия обеспечило вашу победу». Это не был «фриц-капутник», нет, капитан еще пытался себя утешать надеждой если не на победу, то на какой-то «компромиссный исход», но о нашем военном искусстве он говорил, как будто изучил наши передовицы. Он, бесспорно, был прав. Могли ли танкисты пройти от Орши до Немана без нашей авиации? Командиры авиачастей находились в танках. Летчики были глазами наступающей армии. Прекрасные перспективные фотоснимки ежедневно показывали пути отступления немцев. Огромную роль сыграли «ИЛы», они сразу нарушили связь врага, уничтожили его радиостанции. Гитлеровский солдат особенно нуждается в управлении, предоставленный себе, он мгновенно превращается из дисциплинированного солдата в босняка. Немецкие офицеры и генералы, потеряв связь со своим командованием, окончательно растерялись: Минск был давно в наших руках, а они еще пытались прорваться к Минску.

Как всегда, самое трудное выпало на долю пехоты, и справедливо говорит генерал Глаголев, старый русский солдат: «Прославьте нашего пехотинца». Его прославят историки и поэты. Сейчас я коротко скажу, что наша пехота шла по сорок километров в сутки, что протопали солдатские ноги от Днепра до Немана, что пехотинцы выбивали немцев из дзотов, гнали болотами и лесами, штурмовали тюрьму Вильнюса, от стен которой отскакивали снаряды, и, не передохнув, пошли дальше.

Что вело их? Что гонит вперед? Я слышал, как запыленные, измученные люди спрашивали у крестьянок: «Милая, далеко ли отсюда до Германии?» Бойцы говорили мне: «Хорошо бы в армейской газете каждый день печатать, сколько еще километров до немецкой границы». Сколько? Недавно отвечали: двести. Потом полтора ста, сто. Потом... И со вздохом облегчения шептал при мне старшина: «Подходим...» Кроме техники, кроме стратегии, есть сердца, и для сердца не было еще такой неотразимой цели — это главное направление возмущенной совести.

Нужно пройти или проехать по длинной дороге от Москвы до Минска и дальше до Вильнюса, чтобы понять тоску солдатского сердца. Мертва земля между Уваровом и Гжатском: ни человека, ни скотины, ни птицы. Потом начинается «зона пустыни»: сожженные и взорванные немцами Гжатск, Вязьма, Смоленск. Снова поля боя и могилы, мины, проволока. Потом скелет Орши, развалины Борисова и разоренный, изуродованный

Минск. И дальше все то же: пепелища Ракува, Молодечно, Сморгони. Но есть нечто страшнее и развалин, и обугленных камней, и самой пустыни: путь гитлеровцев — это путь страшных злодеяний.

Когда наши вошли в Борисов, они увидели гору обугленных трупов. Это было в лагере СД. Там фашисты держали полторы тысячи жителей — мужчин и женщин, стариков и детей. 28 июня, накануне отступления, палачи сожгли обреченных. Часть они погнали к Березине, на баржу, и баржу, облив бензином, подожгли: преступники еще развлекались накануне своей гибели. Чудом спасся инвалид с деревяшкой вместо ноги Василий Везелев: он выкарабкался из-под трупов. Он рассказал проходящим бойцам о трагедии Борисова. И, слушая, бойцы говорили: «Скорей бы в Германию...»

В Борисове бойцы шли мимо Разуваевки, где гитлеровцы в течение трех дней расстреляли десять тысяч евреев — женщин с детьми и старух. Дойдя до Минска, бойцы увидели лагерь для советских военнопленных в Комаровке; там немцы убили четыре тысячи человек. Минчанин, танкист Белькевич узнал в Минске, что фашисты накануне убили его сестру, семнадцатилетнюю Танию. Нужно ли говорить о том, что чувствует Белькевич? Вот деревня Брусы. Была деревня: теперь пепел. Бойцы обступили старика Алексея Петровича Малько. Он рассказывает: «Вчера... Сожгли, проклятые... Двух дочек сожгли — Лену и Глашу». У Ильи Шкленникова гитлеровцы, убегая, сожгли мать и четырехлетнюю дочь. И снова угрюмо спрашивают бойцы: далеко ли до Германии?

Возле Минска есть страшное место — Большой Тростянец. Там гитлеровцы сожгли трупы свыше ста тысяч удушенных евреев. Их привозили в душегубках. Немцы называют эти машины сокращенно «ге-ваген». Недавно немецкие инженеры усовершенствовали душегубку: «ге-кипваген» — кузов для быстроты опрокидывается, выбрасывая трупы удушенных. Желая скрыть следы преступлений, палачи в Большом Тростянце жгли трупы, вырывали закопанных и жгли. Убегая, они убили последнюю партию, сожгли и, спеша, недожгли. Я видел полуобугленные тела — голову девочки, женское тело и сотни, сотни трупов, сложенных, как дрова...

Я много видел в жизни, но не скрою — я не мог шелохнуться от горя и гнева. Сказать, о чем думали бойцы в Тростянце? Была здесь справедливость: на Могилевское шоссе прорывались окруженные немцы. Рассвирепев, наши бойцы дрались с особенной яростью. Гитлеровцы не ушли от расплаты: снаряды, мины,

авиабомбы, пули настигали палачей. Был жаркий день, и нельзя было дышать от трупного смрада. Быстро передвигаются танки и мотопехота, но всех быстрее идет Справедливость: это она привела нашу армию к Неману и за Неман — к окрестностям границы.

18 июля 1944 года

Михаил ДУДИН

И НЕТ БЕЗЫМЯННЫХ СОЛДАТ

Гремят над землею раскаты,
Идет за раскатом раскат.
Лежат под землею солдаты,
И нет безымянных солдат.

Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За горькую землю свою.

В родимую землю зарыты,
Там самые храбрые спят.
Глаза их Победой закрыты,
Их подвиг прекрасен и свят.

Зарница вечерняя меркнет.
В казарме стоит тишина.
Солдат на вечерней поверке
В лицо узнает старшина.

У каждого личное имя,
Какое с рожденья дают.
Равнясь незримо с живыми,
Погибшие рядом встают.

Одна у нас в жизни Присяга,
И Родина тоже одна.
Солдатского сердца отвага
И верность любви отдана.

Летят из далекого края,
Как ласточки, письма любви.
Ты вспомни меня, дорогая,
Ты имя мое назови.

Играют горнисты тревогу.
Тревогу горнисты трубят.
Уходят солдаты в дорогу.
И нет безымянных солдат.

1969 год

Сергей БОРЗЕНКО

НА ТОМ БЕРЕГУ

С высокого правого берега, куда только достает глаз, виден розовый свет подожженных гитлеровцами пылающих деревень и над ними белый дым горящих лесов. Два цвета — красный с белым — флаг Польши, возрождающейся из пепла.

Невольно задерживаемся на изрытом снарядами берегу Вислы. Вражеская артиллерия бьет по переправам. Осколки, словно косою, режут прутья зеленой ивы, но трудно уйти с берега, с которого хорошо видна вся великая слава нашей победы.

Впереди много дела: надо осмотреть занятый на той стороне плацдарм, побывать в ротах, первыми форсировавших широкий водный рубеж. Но мы стоим и смотрим, как переправляются наши солдаты на левый берег. В быстрых волнах плывут испуганные водным простором кони, на переполненных паромках — танки, пушки, ящики со снарядами. На самодельных, наспех сколоченных плотках и в узеньких лодочках-душегубках — пехота, которая тут же смыкает с себя пыль польских дорог и моет натруженные ноги в воде. Саперы — эти неистовые труженики войны — уже вбивают сваи моста в каменистый грунт реки.

Сходим на скользкий от крови и конского навоза паром и отплываем в шумной, тесной и веселой толпе солдат. Кто-то весело запекает, его подхватывают, и вот уже несется русская песня над широкой польской рекой. В реке плывут, переворачиваясь, трупы вражеских солдат, от которых шарахаются напуганные мертвечиной кони. Темнеет, и пламя пожаров как бы разгорается на той стороне.

— Прилетят еще или нет? — спрашивает старый паромщик-поляк, поглядывая на небо.

— Обязательно сделают последний заход, — отвечает юный разведчик Соболев, с двумя спаренными вишнями, словно серга, повешенными за ухо. Со своим другом Виктором Марининым он первым ночью вплавь достиг того берега, выбрал место для переправы, вернулся обратно. Им помогали польские партизаны.

Через несколько минут ударили наши зенитки: сверху один за одним пять «мессершмиттов» пошли в пике. Они валились прямо на нас, и все бойцы, находящиеся на пароме, встретили их огнем из винтовок и автоматов. Я стоял возле лошадей, видел, как они прижали уши, приседая на задние ноги, и мне показалось, что, если бы лошади могли стрелять, и они бы стреляли в фашистов — столько злости зажглось в их умных глазах.

Не знаю, то ли вражеский летчик просчитался, то ли в его самолет попал снаряд зенитки — все произошло в какое-то мгновение, — «мессершмитт» врезался перед нами в реку, обдав всех масляными брызгами. Его тотчас поглотила холодная вода.

Долго блуждали мы в темноте за Вислой, перебирались через противотанковые рвы и проволочные заборы в поисках Ф. Барбасова, чье подразделение первым с боя форсировало реку. Искали его и не находили, наткнулись на артиллерийские и минометные батареи и, наконец, решили идти на звук пулеметных и автоматных очередей, туда, где закипал бой и наши минометы чертили огненные трассы, как бы указывая путь вперед.

Встретили Барбасова в канаве, поросшей крапивой, во время отражения седьмой в этот день контратаки. Гитлеровцы бросили против наших воинов крупные силы и ценою любых потерь пытались сбросить в воду или задержать переправившиеся части, ибо Висла была барьером, на который враг возлагал так много надежд.

Среди копен ржи черным огнем горели четыре только что подожженных бронетранспортера и один танк. Бой понемногу затихал, и только долго еще с опушки леса бил «максим».

— Никак не может остановиться Авдошкин, — сказал Виктор Якушев.

— Ненависть не остановишь, — ответил ему Гайнулин.

Капитаны Якушев и Гайнулин — командиры батальонов, форсировавшие реку и обеспечивавшие захват плацдарма.

Разгоряченный боем Барбасов сел на землю. Срывая стебли жгучей крапивы и не замечая этого, он начал рассказ. Его дивизия, сделав за сутки пятидесятикилометровый марш по непролазной грязи, с ходу устремилась через реку, опередив

оступающего противника, не успевшего занять подготовленную оборону. Гитлеровцы переправлялись через Вислу одновременно с нашими справа и слева, и на реке разгорелось жаркое сражение. Авиация противника бесилась над ней, не в силах разобратся, где свои, где чужие.

С сыновней любовью говорил Барбасов о своем генерале:

— Он меня еще на Сане благословил, сказал: «Можешь, бери Вислу с ходу».

Невдалеке светились жаркие угли догорающего села. В заре-ве кружились черные тени аистов. Польские крестьяне, потерявшие все добро, смотрели на птиц: они жалели не только сгоревших лошадей и коров, но и аистов, которые всю жизнь жили у них на соломенных крышах.

На рассвете мы пошли на переправу. Навстречу спешили польские крестьяне с серпами в руках.

— Куда вы? Там убьют!

— Что делать, хлеб осыпается!

Поднялись на паром. На нем были четыре гитлеровца, взятых в плен бойцом Шморгуном. Находилась тут и молоденькая санитарка. Она везла с собой в госпиталь польку, у которой прежде-временно, от страха, родился ребенок, он лежал сейчас на руках санитарки, завернутый в вату.

Когда паром достиг середины реки, снова налетели самолеты. Крупнокалиберная пуля ранила одного нашего бойца. Кровь из его головы пролилась в реку. Молодая полька поглядела на алые капли, сказала:

— Русская кровь, пролитая в польскую реку, снова породни-ла нас!

Над Вислой рассеивался густой туман, над дымящейся Поль-шей всходило радостное солнце нового дня.

7 августа 1944 года

Вера ИНБЕР

СТИХИЯМ ВОПРЕКИ

Еще одна победная страница,
Написанная сталью и огнем:
Мы вышли к государственной границе.
Вот-вот, и мы ее перешагнем.

Какая в мире армия другая —
По бездорожью, по волнам реки —
Была бы в состоянии, так шагая,
Идти вперед, стихиям вопреки!..

1944 год

С. С. СМЕРНОВ

ПОД ЯССАМИ И КИШИНЕВОМ

Румыния, втянутая фашистским правительством Антонеску в союз с гитлеровской Германией, переживала летом 1944 года глубокий кризис. Поражения румынской армии на Восточном фронте, вступление советских войск на территорию Румынии, сознание бесперспективности войны на стороне Гитлера способствовали широкому распространению антивоенных настроений в народе. Экономика страны была расшатана, резко выросли цены, положение трудящихся ухудшалось с каждым днем. Все чаще вспыхивали забастовки, демонстрации, открытые выступления против войны. Активную работу вела в подполье Коммунистическая партия Румынии. По ее инициативе антифашистские силы объединились в национально-демократический фронт, были созданы боевые отряды и началась подготовка к вооруженному восстанию. Но силы фашизма в Румынии еще были значительными, и в стране находились германские войска, фактически оккупировавшие ее. Восстание могло быть успешным лишь при условии широкого наступления Красной Армии на румынской земле.

Весной 1944 года войска 2-го Украинского фронта, форсировавшие реку Прут, вступили на территорию Румынии и заняли обширный плацдарм севернее города Яссы. Здесь все лето шли бои местного значения. Дальше к югу еще оставались не освобожденными от врага земли Молдавской ССР и по берегу Днестра стояли войска 3-го Украинского фронта, у которых в центре их расположения, близ Тирасполя, был также заднестровский плацдарм. Этим двум фронтам противостояла гитлеровская группа армий «Южная Украина», состоявшая из 47 дивизий, 25 из которых были немецкими. И хотя наши войска превосходили противника и по численности, и по боевой технике, все же враг имел тут весьма значительные силы и победа над ним была нелегким делом.

20 августа 1944 года с рассветом на всем южном фланге советско-германского фронта началась мощная артиллерийская подготовка. Вслед за ней войска обоих Украинских фронтов двинулись в наступление. На севере оборона противника была сразу же прорвана. Пали Яссы, и части 2-го Украинского фронта стали продвигаться на запад и на юг в глубь Румынии. В то же время своим левым крылом этот фронт обходил с юга район столицы Молдавии Кишинева, где сосредоточились силы 6-й немецкой армии. Наступающие с тираспольского плацдарма войска 3-го Украинского фронта частью своих сил двигались им навстречу, беря в клещи кишиневскую группировку противника. А на крайнем южном участке в такие же клещи попала 3-я румынская армия. Здесь с помощью кораблей Дунайской военной флотилии наша пехота форсировала Днестровский лиман и, освободив на молдавской земле город Белгород-Днестровский, охватила восточный фланг этой румынской армии, в то время как другие наши части обошли ее с запада. 3-я румынская армия была окружена и 23 августа сложила оружие. 24 августа наши танковые и мотомеханизированные соединения встретились на берегах Прута в тылу 6-й немецкой армии, которая также оказалась в кольце. Враг отклонил наш ультиматум и продолжал сражаться, стараясь вырваться из окружения. Сделать это не удалось, и к 7 сентября окруженные войска были разгромлены и пленены. Молдавия и ее столица Кишинев были освобождены.

Тем временем основные силы обоих фронтов продвигались в глубину Румынии. Вслед за Яссами были заняты Тыргу-Фрумос, на юге пал крупный порт Констанца. К концу августа советские войска вышли на подступы к Бухаресту и Плоешти и подходили на юге к румыно-болгарской границе.

Уже в первые дни нашего наступления в Бухаресте произошли важные события. 23 августа король и его приближенные, видя неминуемость поражения, арестовали фашистского диктатора Антонеску и его министров. Было создано новое правительство, в котором, однако, преобладали реакционеры. Но уже вспыхнуло широкое антифашистское движение в народе и Коммунистическая партия Румынии отдала приказ о начале восстания. Начались бои между патриотическими отрядами и немецкими войсками на улицах Бухареста, и 28 августа народ одержал победу. А три дня спустя войска 2-го Украинского фронта вошли в румынскую столицу, приветствуемые ее жителями. Вместе с ними вошла в Бухарест и румынская дивизия имени Тудора Владимиреску, сформированная в Советском Союзе из патриотически настроенных военнопленных румын.

В первых числах сентября 3-й Украинский фронт на большом протяжении вышел к границе Румынии и Болгарии, а западнее наши войска подошли к румыно-югославской границе. Несколько позже была достигнута и граница с Венгрией. Лишь на северо-западе, куда противник подтянул свежие силы, шли упорные бои близ Турды, на подступах к центру Трансильвании — Клужу. Преодолевая упорное сопротивление врага, наши части постепенно освободили и северо-западные районы страны.

Ясско-Кишиневская операция была важной победой советских войск. В результате ее было завершено освобождение Советской Молдавии. С 20 августа по 24 сентября советские части разгромили основные силы группы армий «Южная Украина» и продвинулись на запад на 750 километров. Румыния была освобождена от гитлеровской оккупации и вышла из войны. 12 сентября ее представители подписали в Москве соглашение о перемирии с Советским Союзом и другими странами антигитлеровской коалиции. Румыния объявила войну фашистской Германии, и ее войска сражались в дальнейшем вместе с Красной Армией на земле Венгрии.

Важные перемены произошли во внутренней жизни страны. Реакционное правительство, созданное под эгидой короля, напрасно пыталось подавить революционное движение народа, требующего демократических преобразований. Народ сверг это правительство, и в марте 1945 года к власти пришли демократические партии и организации, объединившиеся в национально-демократический фронт.

Чувства глубокой дружбы, искреннего братства всегда связывали болгар с русским народом. Помощь России в освобождении Болгарии от турецкого ига, кровь, совместно пролитая русскими и болгарями в борьбе с турецкими поработителями, навсегда и нерасторжимо скрепили эту братскую дружбу. И хотя монархо-фашистские правители Болгарии стали верными союзниками Гитлера и предоставили германским войскам территорию своей страны, порты, аэродромы и пути сообщения, они все же не осмелились формально объявить войну Советскому Союзу, зная, что это вызвало бы глубокое возмущение народа.

Экономическое положение Болгарии было очень тяжелым — военные расходы истощали бюджет, выросли цены, и народ терпел все более жестокие лишения. Все чаще в стране происходили открытые выступления против германских оккупантов и гибельной политики монархо-фашистов.

Уже давно и активно работала в подполье Болгарская рабочая партия, возглавившая антифашистскую борьбу народа. В стране действовали многочисленные отряды партизан, насчитывавшие около 20 тысяч человек, и подпольные боевые группы. В некоторых районах Болгарии им даже удавалось установить народную власть. И, несмотря на жестокий террор гестапо и болгарской полиции, патриоты под руководством коммунистов упорно готовили вооруженное восстание. Оно должно было по времени совпасть с подходом к Болгарии советских войск.

Еще весной и летом 1944 года Советское правительство обратилось к болгарским правителям с призывом разорвать союз с гитлеровской Германией. Этот призыв не подействовал, и Болгария по-прежнему оставалась военной базой Гитлера. Когда же началась Ясско-Кишиневская операция и войска 3-го Украинского фронта стали приближаться к болгарской границе, монархо-фашистское правительство поспешило заявить о своем «полном нейтралитете». Это были только слова — гитлеровцы по-прежнему хозяйничали в стране.

5 сентября Советское правительство в своем заявлении разоблачило это двуличие болгарских правителей и приказало войскам 3-го Украинского фронта и Черноморскому флоту вступить на территорию Болгарии. 8 сентября наши танки и мотопехота вошли на болгарскую землю, а десантные части и корабли нашего флота заняли крупные порты страны — Варну и Бургас. Болгарская армия и флот не оказали никакого сопротивления, а население повсюду встречало советских воинов, как освободителей.

А в это время Центральный комитет Болгарской рабочей партии дал указание о начале вооруженного восстания. 6 сентября повсеместно вспыхнули политические стачки и забастовки, переросшие в широкое всенародное движение против оккупантов и монархо-фашистских властей. 9 сентября началось вооруженное восстание в столице Болгарии Софии. Были арестованы королевские регенты и министры и образовано правительство Отечественного фронта. Болгарская армия не выступила против народа и во многих местах перешла на его сторону. Новое правительство объявило войну гитлеровской Германии, предприняло чистку государственного аппарата, искореняя остатки фашизма, и начало проводить в жизнь важные демократические преобразования. Болгария стала страной народной демократии, где прочно была установлена власть рабочих и крестьян.

Поход советских войск через Болгарию вылился в волнующий народный праздник. В городах и селах, через которые проходили наши части, их встречали как дорогих братьев-освободителей.

Андрей МАЛЫШКО,
Александр ВЕРХОЛЕТОВ

ХОЗЯИН НЕБА — АЛЕКСАНДР ПОКРЫШКИН

Воздух имеет свои законы борьбы. Орел делает крутые повороты правого и левого крыла, когда нападает. Он безукоризненно режет крыльями воздух на вертикалях и делает полет по кругу, защищая себя спереди и сзади. Александр Покрышкин до мельчайших подробностей изучил законы воздуха. Он работает в небе почти инстинктивно. Этот человек — орел, не в пышном, аллегорическом значении этого слова, а в обыкновенном, будничном, деловом.

Сейчас мы все знаем: Александр Покрышкин сбил 59 самолетов, не считая групповых. Это значит, человек 59 раз встречался с врагом лицом к лицу и побеждал его. Враг был вооружен крупнокалиберными пулеметами, пушкой, покрыт броней. Но советский летчик искал слабые места у врага и находил их, и пятьдесят девять раз расстреливал его. В таких поединках рождается бессмертие. Александр Покрышкин многое видел и пережил. Посмотрите на его лицо — суровое, мало когда улыбающееся, даже жесткое, — и вы скажете то же самое.

Признание Александра Покрышкина началось на Кубани и выросло в яркую славу на Висле. Где-то в полынных кубанских степях, с запахом чебреца и сожженной травы, над обуглившимися белыми хатами и вишнями станиц Крымской, Ниберджаевской, Адагума, над «голубой линией» немецкой обороны звенело имя молодого летчика. А над польскими фольварками и замками, над тихими берегами Вислы оно засветилось грозное, как молния.

...Кубань, луга, сады, лиманы, вся земля в предрассветной дымке. Солнце едва поднимается над степью, а самолет Покрышкина уже на старте.

Еще мощнее заревел мотор, под винтами волнами заметалась трава. Старт дан. Вихрем взмыл вверх Покрышкин. За ним 8 «ястребков», курс на Крымскую, за наш передний край.

А навстречу ему уже шла группа немецких истребителей. Тяжелые были тогда дни на Кубани, большие воздушные бои. Против наших летчиков брошены отборные немецкие эскадрильи — «Удет», «Мельдерс», «Бриллиантовая».

Покрышкин тогда часто забавляли спесь и гонор, с каким они вели себя в воздухе.

Вот и на этот раз ведущий немец бросился на него в атаку.

С первых же минут боя Покрышкин понял, что перед ним опытный фашистский ас.

После серии бешеных атак, которые спокойно и уверенно отразил Покрышкин, немец почувствовал, что не на такого напал. Перед ним был виртуоз воздуха, прирожденный талант — советский ас Александр Покрышкин.

Куда девалась немецкая наглость и уверенность. Немец перешел к обороне. Но Покрышкин тоже не спешил. Его товарищи недоумевали: что Александр надумал?

Немец сделает маневр. Покрышкин его повторит. Немец попытается вести бой на горизонталях. Покрышкин тоже ведет бой на горизонталях. Немец снова сделает маневр. Покрышкин его повторит. Уже более десяти минут прошло, а Покрышкин все продолжал дразнить немца. Фашистский ас начал нервничать. Он, очевидно, понял, что советский летчик изматывает и его самого, и мотор немецкой машины.

Александр Покрышкин до мельчайших подробностей знает недостатки не только в тактике воздушного противника, но и в конструкциях немецких самолетов.

Мотор машины, на которой дрался немец, обычно на высотах перегревается и начинает плохо тянуть.

Немец пошел вверх. Пошел быстро, а потом все медленнее и медленнее. Со страшной силой Покрышкин бросил вдогонку свой истребитель. Взмыл вверх.

Немецкий ас пытался было отвалить, но поздно...

Пехота с земли слышала, как гукнула где-то высоко пушка, а потом мелькнул пылающий факел. Это рухнул вниз немецкий ас.

Немцы не раз меняли свою тактику. Ходили парами, а потом четверками; бомбардировщики, например, применяют оборонительный круг, прикрываясь истребителями. Попробуй, подступись к такому огненному ежу! А вот летчики Покрышкина знают подступы, умеют найти слабое место. Они прорываются внутрь и раздирают на части этот круг, ломают оборону и бьют немцев поодиночке.

Когда противник менял тактику, Покрышкин тоже вносил

коррективы в свою тактику. Он эшелонирует свои силы и по высоте и в глубину. Он хорошо пользуется резервом в бою, любит хитрить, преподносить немцам «сюрпризы» в воздухе. Он учит своих товарищей воевать без потерь. Покрышкин провел не менее сотни воздушных боев, совершил 600 вылетов — и невредим. Что это — случайность, удача, счастье? Нет. Это воинское мастерство. Так воюют и все его питомцы. Летчики Покрышкина во время Великой Отечественной войны сбили свыше 500 самолетов врага.

Каждый одаренный летчик имеет свой, только ему одному присущий почерк боевого полета. Он пишет пулями и снарядами. Боевой почерк Александра Покрышкина знают в воздухе и друзья, и враги.

Утром, на зорьке, загудят моторы, заколышется трава под пропеллерами. Первая тройка выруливает на старт, поднимается в небо.

— Пошли наши голубчики! — скажет тихо кто-нибудь на посадочной площадке. А немецкая станция наведения уже кричит во все печенки:

— Ахтунг! Ахтунг! (Внимание! Внимание!) В воздухе Покрышкин!

Немцы остерегаются его машины в воздухе.

Последний бой произошел несколько дней тому назад в 19 часов 40 минут над Вислой.

Пехота глубже зарывалась в землю. Пыль от разрывов бомб ползла по земле на правом берегу, как густая, темная завеса. Солнце падало за горизонт красное и тяжелое, уставшее за горячий боевой день.

«Юнкеры» и «хейнкели» шли в пыльном небе ровными четверками. Их было немало. 37 «юнкеров», 4 «хейнкеля» и 8 «фокке-вульфов». Еще минута, и бомбы полетят на головы нашей пехоты, разрушая переправы, разрывая землю в клочья, обугливая деревья, технику, людей.

Наши самолеты появились из-за леса неожиданно. Четыре. Еще четыре. И еще четыре.

Немцы узнали Покрышкина.

— Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин!

Да, это был он. Но не один. С ним летели его лучшие боевые друзья. Как говорится, кровные друзья: капитан Речкалов, Андрей Труд, Клубов, Федоров, Вахненко и верный «щит» Покрышкина — Голубев. «Юнкеры» стали в свой традиционный круг.

Истребители ушли выше, в потолок неба над бомбардировщиками, как коршуны, высматривающие свою добычу.

— Речкалов! Бери «юнкеры» с запада, Я пойду в лоб, — передает по радио командир. И четверка Речкалова обошла «юнкеры» с запада. Третья четверка взяла на себя потолок, где засели истребители. Начался бой. Заработали крупнокалиберные пулеметы речкаловской четверки.

Ударил пушка. Тяжело груженный бомбами «юнкерс» неуклюже дал крен на правое крыло и пошел вниз. Взрыв. И еще один взрыв. Дым и пламя поползли по земле.

— Давай, Речкалов! Давай!

— Покрышкин? Ты есть? Саша, ты есть?

«Хейнкель», вырвавшись из высоты неба, пошел на самолет Покрышкина. Это заметил Голубев и преградил ему дорогу. И закрутились в смертельном кругу «хейнкель» и Александр Покрышкин.

И на этот раз вся сила огня самолета Покрышкина впиалась в мотор «хейнкеля»!

— Готово! — прошептал Покрышкин.

Сбитый самолет запылал и пошел к земле.

— Разве он стреляет? — говорят о нем друзья. — Он наваливается всем огнем, сжигает, как доменная печь.

И это правда. Бой над Вислой закончился.

На земле догорали семь «юнкерсов», один «хейнкель». Все наши двенадцать самолетов вышли из боя и ровными четверками поплыли к родному аэродрому.

— Хороший у нас сегодня счет, можно сказать, — круглые двойки, — пошутил на аэродроме Речкалов, встретив Покрышкина.

— Ты сбил — два, Клубов — два.

— А себя что, забыл?

— Ну и я — два, — засмеялся Речкалов.

Позавчера в полку был вечер, посвященный Александру Покрышкину в связи с награждением его третьей медалью «Золотая Звезда».

За столом сидели его лучшие друзья: дважды Герой Советского Союза капитан Речкалов, гвардии майор Фигичев, подполковник Крюков, Герой Советского Союза Андрей Труд, Герой Советского Союза Клубов, Герой Советского Союза Федоров. Все молодые, смуглые, крепкие, овеванные горячей боевой славой. Одна семья. Одна когорта воинов. Одно орлиное гнездо. Десятки телеграмм и сердечных приветствий получил в этот день Александр Покрышкин. Перед этим за несколько дней из далекого родного Новосибирска, из домика на улице Лескова, пришла ему посылка от матери Аксины Степановны. В посылке баночка

варенья, теплые шерстяные носки, вязанные заботливыми материнскими руками.

«Ты, Сашенька, варенье съешь, а носки надевай, когда лежишь, в воздухе ведь холодно, я знаю».

Да, в воздухе бывает холодно и жарко, и даже смертельно тяжело приходится. На то война.

Но когда весь народ согревает человека своей любовью, тогда ничего не страшно. Тогда человек расправляет крылья и летит, как птица, в бой, в опасность, в завесу огня и стали, думает только о победе.

Таков и Александр Покрышкин.

23 августа 1944 года

А. СКЛЕЗНЕВ В БЕЛГРАДЕ

Среди немцев в Белграде царил в последние дни неопишущая паника. Члены многочисленных гитлеровских «комиссий», представители немецких фирм, которые были учреждены специально для ограбления Югославии, колонисты штурмом брали вагоны поездов, шедших на Вену.

Немецкий гарнизон Белграда получил от командования строжайший приказ ни в коем случае города не сдавать. Уже на подступах к столице Югославии наступающие столкнулись с ожесточенным противодействием противника. Главные пункты сопротивления немцев были сосредоточены в районе старой белградской крепости и моста. Действия частей Красной Армии и пехотинцев маршала Тито были в этом районе поддержаны мощным огнем советской артиллерии и минометов, а также танковыми ударами.

На совещании представители командования Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии разработали план совместной операции. Было решено, что позиции немцев будут охвачены с флангов, а затем советские танки нанесут по ним удар в центре.

План был выполнен блестяще. Атаки нашей мотопехоты на правом фланге и югославских воинов на левом отвлекли внимание немцев от дороги, вдоль которой сосредоточились танки полковника Сергеевко. Саперы в это время бросились к противо-

танковому рву, и скоро проход для наших машин был готов. Смяв батареи и проутюжив окопы противника, танки устремились к городу. За ними широким потоком двинулись советская мотопехота и солдаты маршала Тито.

Белград расположен в том месте, где река Сава почти под прямым углом впадает в Дунай. С юга на путях к городу нет естественных преград. Поэтому немцы, постоянно опасавшиеся партизан, постарались особенно сильно укрепить южные окраины Белграда. Целые кварталы здесь они опутали колючей проволокой, окна домов использовали в качестве амбразур, сады и огороды изрыли окопами, построили много дотов и блиндажей.

...На рассвете из города возвратились разведчики. Тесным кругом стояли они у входа в штаб, где склонились над планом города молодой советский офицер — командир танкового полка и бывший сельский кузнец из Западной Сербии — командир одной из частей Народно-освободительной армии Югославии.

— Немцы навязывают нам уличные бои. Что ж, улицы Белграда станут их могилой! — патетически воскликнул серб.

Многое из того, о чем доложили югославские разведчики, было уже известно. Стоило только подняться на соседний холм, чтобы увидеть, какое огромное количество орудий и минометов стянули к Белграду немцы. Огонь вражеской артиллерии покрывал все ведущие в город дороги. Ценным явилось сообщение разведки о том, что немцы сосредоточили в городских садах около 50 танков. Кроме того, выяснилось, что теми тайными путями, по которым прошли в город разведчики, могли пройти целые подразделения.

В штабе были получены первые донесения: «Заняли на холме зеленый дом с двумя балконами на юг. Прошу огонька по северному склону холма и саду». Вдоль обширной дуги городских предместий вспыхнула оживленная автоматная и пулеметная стрельба. Отдельным группам автоматчиков удалось просочиться глубоко в расположение немцев. Линия этого боя на окраинах, если ее нанести на карту, напоминала бы нарисованную детской рукой пилу. Одни из ее зубьев выглядели бы совсем короткими, другие удивительно острыми и длинными. Эта «пила» врезалась в тело вражеской обороны.

Противник бросил в контратаку встык между нашими частями и югославской пехотой два своих полка из резерва. Впереди, прикрывая их, шли танки. Очевидец этого боя, югославский автоматчик Милан Юрич, с восхищением рассказывал потом о

мужестве и воинском искусстве русских артиллеристов и танкистов.

Немецкие танки двигались прямым курсом на батарею лейтенанта Лазарева. Расстояние быстро сокращалось. Юрич хотел предупредить лейтенанта об опасности. Но советский офицер знал об опасности и сохранял спокойствие. Пушки заговорили, когда головной немецкий танк приблизился настолько, что можно было бить почти в упор. Вспыхнул головной танк, черным дымом окутался второй, третий со сбитой гусеницей завертелся на месте.

Немецкие машины повернули назад, продолжая стрелять во все стороны. Наперерез им из засады вырвались советские танки. Они громили вражескую технику, втаптывали в землю вражескую пехоту и, опередив противника, захватили проходы в минных полях. Зажатые между нашими танками и артиллерией, немецкие танкисты подрывались на собственных минах.

Советские танки и пехота вместе с югославскими стрелками ворвались на улицы Белграда. Начались бои за каждый перекресток, за каждый дом. Пятясь к Дунаю, немцы минировали все по дороге отступления. Но солдаты маршала Тито оказались превосходными саперами. Они быстро и умело обезвреживали немецкие мины. Так, например, бывший горняк Велемир один разминировал за ночь несколько зданий.

В разгар боя к командиру советских автоматчиков подбежала пожилая женщина — прачка. Она пробралась сквозь завесу огня, чтобы сообщить о существовании известного только ей пути на соседнюю улицу. Женщина пользовалась этим проходом, когда ей нужно было спешно доставить белье заказчикам. Теперь она рассказала о нем офицеру Красной Армии, стремясь помочь воинам-освободителям скорее выгнать оккупантов из города.

Недалеко от площади, где происходили публичные казни югославских патриотов, еще дымятся развалины дома. В этом доме советский автоматчик и два солдата из армии маршала Тито самоотверженно сражались с двумя взводами немцев. Храбрецы пробрались сюда, в тыл врага, и почти сутки вели неравный, но ожесточенный бой, преграждая немецким резервам пути подхода. Немцы подожгли дом, но герои продолжали стрелять из объятых пламенем здания.

Напряженные уличные бои в Белграде продолжались ряд дней. Немцам удалось прибегнуть здесь к своему излюбленному приему — стрельбе по наступающим войскам с крыш и чердаков. Врага опередили скрывавшиеся в городе бойцы маршала

Тито. С верхних этажей зданий, с кровель домов они поливали немцев свинцовым дождем. Не удавалось противнику также закупорить улицы города. Баррикады разносились в щепы огнем и гусеницами советских танков.

Шаг за шагом очищали советские и югославские бойцы улицы Белграда. После упорных боев были взяты здания почтамта и телефонной станции. Немцам не удалось их разрушить. В доме германского посольства засела группа эсэсовцев. Все они были истреблены. В районе консерватории находилось до 1500 немцев. Большая часть их была уничтожена, остальные выкинули белый флаг.

Наступавшие все плотнее прижимали немцев к Саве и Дунаю. 20 октября Белград был полностью освобожден от немецких захватчиков.

На улицах Белграда множество людей. Старые и малые вышли приветствовать воинов, принесших свободу истрадавшемуся городу. Советских бойцов и командиров и солдат маршала Тито окружают толпы белградцев. Женщины и дети сыпят цветы и фрукты прямо в люки танков, вручают букеты пехотинцам.

Многие бойцы Народно-освободительной армии Югославии встречают среди горожан своих родных. На улицах происходят трогательные сцены. Вот седая женщина узнала сына, которого не видела три с лишним года. Все это время юноша дрался с немцами в горах. Мать бросается ему на шею. Рядом стоит автоматчик из соединения генерала Жданова. Югославский солдат берет мать за руку и говорит:

— Мама, поцелуй его так же, как ты целуешь меня! Он — мой брат. Сегодня ночью он спас мне жизнь.

И старушка по-матерински обнимает русского бойца.

— Сегодня у нас самый большой в нашей жизни и самый счастливый день,— говорит советскому офицеру-танкисту пожилой серб.— Кончились наши мучения! Белград освобожден, и это залог скорого освобождения всей нашей страны.

22 октября 1944 года

СТАРШИНА ЕРЕЩЕНКО

Это было здесь же, в Белграде. На четвертый день.

Уже сравнительно близко к концу. Наша рота находилась в театре. Здание сильно разбитое, и из-за стрельбы прохода по улице не было — пробирались по дворам, через крышу соседнего дома по пожарной лестнице и опять вниз.

Утром мы пошли с бойцом за завтраком, только вернулись — приказ: наступать на другой квартал. Пошли в наступление.

По улице бьют два крупнокалиберных пулемета. Мы вдвоем с Абдулаевым перебежали через улицу. Обоих ранило в ноги, его сильно, меня легко и еще немножко по голове царапнуло.

Перебежали. Ворота во двор закрыты. Мы спрыгнули в подвал. Там темно. Я засветил фопарь. Было восемь утра.

Абдулаев дальше идти не мог. Совсем ногу перебило. Я его сам стащил в подвал. Его ранило выше колена. Я снял два брючных ремня — с себя и с него — и перетянул ему ляжку. Говорю ему: «Не кричи, тише, здесь немцы. Убьют».

И пошел наверх.

Вижу, проблескивает свет. Дверь на двор. И стоит пулемет, направленный прямо на закрытые ворота, и два немца у пулемета.

Тут у меня мечта, что если я их не убью, то они меня убьют. Убил их с автомата, с расстояния метров пяти и обратно пошел в подвал.

А там Абдулаев просит пить.

«Откуда я тебе возьму? Подожди, полежи, сейчас найду вход в дом, достану тебе воды».

Пошел искать. Верно, это был завод: узкоколейка уходила в подвал. А вверх шли ступеньки. Чисто, пусто. Коридор поворачивает направо, а налево оказываются две комнаты. Зашел в них. Слышу, кто-то идет по коридору. Скрылся за стену, держу автомат наготове. Подходит женщина, говорит:

«Здесь немцев нет».

Старая женщина, уборщица.

«А где немцы?»

«Сейчас поведу».

И пошли по коридору. Она меня довела до окна. Там, снаружи, перед окном, огражденные камнями, лежат три немца. И опять пулемет. Старуха показала и ушла от греха.

Я бросил гранату в окно и взорвал пулемет и их убил двоих, а третий уполз.

Стал я выходить из комнаты. В это время в коридор по лестнице бросил гранату немец со второго этажа, но она меня не повредила. Я стал за выступ. Она прокатилась по ступенькам мимо меня и разорвалась ниже. Только все дымом заволгло по коридору.

Я побежал быстро через коридор и открыл крючок на воротах. Когда я открыл их, через улицу видны наши. Командует старший лейтенант Киселев.

Я кричу им:

«Дайте подмогу, я один остался, кругом немцы!»

Ко мне перебежал пулеметчик второй номер и стрелок, но его ранило. Добежал и лег. Мы его подняли и сразу в первый этаж перенесли.

Как они двое перебежали, больше никто не может — сильный огонь. Мы пошли по коридору налево, в те комнаты, откуда виден дом, из которого немцы обстреливали всю улицу. Нам было видно, что на третьем этаже приподнят железный занавес и оттуда бьет ручной пулемет.

Мы дали по ним две короткие очереди, и они замолчали. Но тут же в другое наше окно бросили снизу, с улицы, гранату. В комнате у нас были нары с матрацами. Граната разорвалась на матрацах, но пулеметчика все-таки ранило в плечо.

Я поверху, не снимая рубашки, перевязал его бинтом.

Потом спустился снова к Абдулаеву. Говорю:

«Абдулаев!»

Он просит:

«Воды мне!»

«Сейчас отнесу тебя наверх. Берись за мои плечи».

Он взялся за мои плечи, обнял меня сзади, но не мог держаться и упал.

«Я, — говорит, — погибаю».

Я бегу наверх и говорю пулеметчику:

«Там человек пропадает, пойдем».

Он говорит:

«Я тоже раненый».

Я ему говорю:

«Это неважно, все мы тут раненые. Пойдем!»

Мы с ним взяли матрац и пошли снова вниз за Абдулаевым. Так мы его и вынесли вверх на матраце. Сказали ему:

«Сейчас мы принесем тебе воды».

И пошли осматривать комнаты.

Всюду тишина. Дошли до последнего окна. Тут из противоположного здания по нас из пулемета. Мы скрылись за стенку. Я выдернул кольцо — и гранату туда, но она не долетела и взорвалась под домом. Я вторую. Она влетела в окно, и больше мы ничего оттуда не слышали.

Теперь уже свободно прошли мимо окна и в кухню. Там варилась фасоль, грелся чай и было ведро воды.

Я говорю товарищу:

«Смотри кругом, пока я напьюсь воды и налью фляжку».

Потом он также напился.

Вернулись к Абдулаеву, дали ему воды наконец.

Стало смеркаться. На улице мотор слышен — или танк идет, или машина.

Смотрим, подошла немецкая самоходка и стала против нашего окна, — а гранат противотанковых у нас нет.

Я говорю пулеметчику:

«Я сейчас побегу за гранатами и возьму».

А самоходка подошла и начала стрелять вдоль по улице.

Я вернулся к воротам. Пулемет вдоль улицы бьет, и самоходка стреляет. Пройти нельзя. Кричу через улицу нашим:

«Дайте гранату!»

А они не слышат за грохотом.

Потом, как затихло между двумя выстрелами, я опять закричал:

«Киньте мне гранату!»

«Ну ладно, бросим, только, — кричат, — лови. Сначала один запал».

Завернули в бумажку и бросили мне запал. Два метра не докинули.

Я по-пластунски подполз, взял, потом отполз. Тогда они прямо в ворота кинули гранату уже без запала.

Я поймал ее и бросился обратно по коридору в ту комнату, против которой стоит немецкая самоходка, вложил запал, дернул кольцо, кинул в переднюю гусеницу, а сам лег под окно.

Получился через три секунды взрыв. Я сразу поднялся. Два немца соскочили с пушки. Я выстрелил — одного убил, другой заполз за пушку. Пушка встала. Поставил пулеметчика наблюдать, а сам вернулся вниз, дал двум раненым воды. Потом выбежал через двор к воротам. Вдоль улицы бьет еще пулемет, но уже в темноте. Даст очередь и молчит. Все-таки легче.

С той стороны улицы, в парадном, наши сидят, но перейти

ко мне нельзя. А у меня трое раненых, потому что пулеметчик тоже лег без сил — у него слишком много крови из плеча вышло.

Тогда я вынес из комнаты, где были нары, три матраца на двор к воротам. И Абдулаева и другого раненого снес вниз и положил на матрацы. Пулеметчик, правда, сам пошел и лег.

Я с кухни взял веревки — там веревок много было — и ковшик, тяжелый, железный.

Пулеметчик меня спрашивает:

«Что ты делаешь?»

Но я ничего не сказал, времени не было с ним разговаривать.

Взял нож, проткнул в двух местах матрац, где Абдулаев лежал, веревку продел — и на два узла, покрепче. Потом к другому концу веревки ковшик привязал и к нашим в парадное через улицу кинул.

Они сначала испугались, думали — граната, а потом поняли, взяли ковшик и с ним конец веревки.

Я кричу им:

«Давай теперь быстрее тяни!»

А Абдулаеву говорю:

«Ты хоть зубами за матрац возмись, если руки не дернутся, а то свалишься, пропадешь среди улицы».

Они натянули веревку и в одну секунду перетаскивали матрац через улицу. Быстро, как на салазках.

Потом отвязали веревку и вместе с ковшиком мне обратно вернули.

Так я всех трех раненых переправил и остался один на весь дом, как хозяин. Когда совсем темно стало, мне через улицу подкрепление подошло, и мы пошли другой дом занимать...

А так на веревке через улицу переправу делать — это я не в первый раз. Мы так и раньше — и боеприпасы, и пищу в термосах переправляли...

На этом обрывается рассказ Ерещенко.

Остается сказать, как и где я встретил самого Ерещенко.

Было раннее утро. За ночь наши и югославские части, очистив район вокзала, наконец прорвались через реку Саву, и бой шел на той стороне, в Земуне, в последнем, еще не взятом предместье Белграда.

Несмотря на ранний час, разбитые, почерневшие и кое-где еще дымившиеся улицы Белграда были полны народом.

Люди шли по тротуарам и мостовым, наступая на хрустящие осколки стекол, шагая через сорванные провода.

И все-таки город имел праздничный вид: такое количество красно-бело-синих — югославских и красных — наших флагов свешивалось со всех крыш, окон и балконов.

Мое внимание привлекла картина, неожиданная в своем сочетании печального и смешного.

По мостовой медленно двигалась телега. Она была доверху нагружена домашним скарбом, покрытым пылью и обсыпанным известкой. На передке телеги, рядом с равнодушным хмурым возчиком, неловко скорчившись, сидел седой генерал в форме старой югославской армии, в высокой круглой генеральской шапке французского образца.

Все это было такое же выцветшее и пыльное, как вещи, громоздившиеся позади генерала на телеге, — и потертая шапка, и мундир с поперечными складками, видимо только что вынутый из нафталина, и увядшие позументы на штанах. Куда он ехал, почему ехал с вещами и на телеге — я не знал. Но одно было ясно при взгляде на этого человека: все эти годы он наверняка сидел в своем углу, равнодушный ко всему, кроме сохранения собственной жизни.

И сейчас он так же равнодушно ехал по освобожденному Белграду со своими вещами, по каким-то своим делам.

Все встречные тоже платили ему равнодушием, окидывая его короткими, то презрительными, то насмешливо-сочувственными взглядами, и шли дальше.

Он не существовал для них. Только какой-то партизан, столкнувшись с телегой, вдруг отковырял генералу. Тот неловко и поспешно ответил на приветствие и зыбким движением надвинул на уши шапку, еще больше, словно от холода, съежившись на передке.

В эту самую минуту я и увидел шедшего по тротуару старшину. Он шел, сильно прихрамывая на раненую ногу. На нем была выгоревшая добела гимнастерка с двумя орденами, разбитые кирзовые сапоги и засаленная, выслужившая срок пилотка, из-под которой белели бинты.

Рядом с ним шли двое влюбленно смотревших на него партизан.

Встречные снимали перед ним шапки, хлопали его по плечу, что-то радостно по-своему говорили ему и, долго не выпуская, трясали ему руку.

У старшины было красивое, еще совсем молодое лицо. Он шел смущенный и в то же время гордый вниманием к себе, скромно улыбаясь людям. Вскоре он поравнялся с телегой, везшей генерала, и, не оглянувшись, обогнал ее своей широкой прихрамывающей походкой.

18 декабря 1944 года

Геннадий ФИШ

В СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ

Горят деревни, хутора, поселки Северной Норвегии, подожженные фашистами. С высоких вершин скалистых гряд видят советские бойцы пламя пожарищ, отражаемых ровной гладью фиордов, и у всех, кто видит это пламя, одна мысль, одно стремление — вперед!

Казалось бы, люди могли устать от трудных переходов, от ночевок без костров под Полярной звездой, от секущих холодных ветров, от непрерывных боев. Но с каждым днем становятся радостнее лица бойцов, все больший подъем овладевает войсками, растет их наступательный порыв.

По трем дорогам — из Никеля, из Петсамо, с юга — с непрерывными боями спешили вперед советские части, наступая на Киркенес, порт и фабричный город Северной Норвегии, крупнейшую базу и опорный пункт врага.

На дорогах — разбитые машины со знаком горноегерских дивизий. Около шоссе — столбы недостроенной подвесной дороги от Никеля до Киркенеса. По обочинам — трупы фашистов, и всюду запах гари, всюду дым пожарищ, и всюду сквозь дым спокойно и уверенно шагает вперед наша заполярная пехота.

Противник оборонял северную дорогу с помощью береговых батарей Киркенеса. Чтобы зайти с фланга, нашим подразделениям требовалось переправиться через фиорд — 1700 метров. В дело вступили автомобили-амфибии. А вскоре во тьме осенней северной ночи появились два норвежских мотобота. Команды их — норвежские рыбаки — знаками пригласили бойцов к себе на борт. Советские воины не знали норвежского языка, норвежские рыбаки не знали русского, но сердца их бились в унисон, и они отлично поняли друг друга.

На маленьком мотоботе «Фрам» капитан Мортен Генсен —

старик; на большом мотоботе «Фиск» капитан Турольф Пало — совсем еще молодой парень. Но старые и молодые рыбаки работали не отдыхая, всю ночь и весь день, доставляя через фиорд наших бойцов. Утром из-за мыса выскочил еще один маленький мотобот и тоже немедленно приступил к перевозке.

Рядом рвались снаряды и мины, с горы по фиорду гитлеровцы строчили из станковых пулеметов, но норвежские рыбаки продолжали свое дело. Когда я спросил у рыбаков Пера Нильсена и Мортена Генсена, в чем они нуждаются, они в один голос ответили:

— Дайте горючего, чтобы дальше работать!..

— Они почти целиком переправили наш полк, — сказал капитан Артемьев. — Отличные ребята!

Жестоким был бой у переправы через Эльвеносский фиорд. Гитлеровцы взорвали мосты и минировали подходы к ним. Снова появились амфибии. Ночью подразделения форсировали фиорд и высадились на западном берегу. Рота гвардии капитана Реклицкого немедленно бросилась вперед, к городу. Стремительный рывок ее был поддержан другими ротами батальона. Под огнем, от которого, казалось, закипала вода, амфибии перевезли несколько тысяч человек.

Город горел. В огне — бумажная фабрика, консервный завод, школы, баня, больница. От кварталов жилых домов остались только печи да трубы.

Еще стреляли из-за углов вражеские автоматчики, когда на улице показались несколько юношей и девушек в гражданской одежде, с повязками Красного Креста на рукавах. Они стали перевязывать наших раненых бойцов. Через час я встретил двоих из них: Гаральда Стаугнера и Одда Антонсена. Они повели нас в бомбоубежище. Пройдя катакомбы, мы вошли в уютную комнату. Здесь было до двадцати юношей и девушек.

— Мы прятались тут во время боев. Ждали русских. Мы решили вам помогать, — говорит Гаральд Стаугнер.

— А где остальные жители Киркенеса?

— Спрятались в большом туннеле в горах. Несколько тысяч человек. Теперь они скоро выйдут!

Эти юноши и девушки хотят сфотографироваться обязательно рядом с нашими танками. К танкам же подходят две женщины в косынках. Обе говорят по-русски: оказывается, наши, угнанные гитлеровцами.

— Фашисты бросили нас в концлагерь, но удалось убежать и спрятаться в бункере. Мы ждали вас и дождались!

27 октября 1944 года

ГЕРОИ «НОРМАНДИИ»

Есть теперь на свете два француза, которые, если их спросят, кто они, смогут ответить: «Мы Герои Советского Союза». Это радость для французов, это радость для нас. Два народа, преданные свободе, народ Вальми и Вердена, народ Перекопа и Сталинграда, равно гордятся отважными солдатами Марселем Альбером и Роланом де ля Пуапом.

Теперь у нас очень много друзей: тесно за столом победителей. Летчики «Нормандии» приехали к нам осенью 1942 года. Нас тогда не было в Восточной Пруссии, гитлеровцы были тогда у Волги. Мы отчаянно сражались, зная, что дальше отступать нельзя. А за границей гадали: сколько недель мы еще продержимся? И вот в ту темную осень наши друзья, французские летчики, приехали к нам. Они поняли нашу силу и поверили в нашу дружбу. Когда немецкие фашисты еще были на Кавказе, французские патриоты поняли, что битва России — это также битва Франции, что можно в русском небе сражаться за французскую землю. Среди первых были Марсель Альбер и Ролан де ля Пуап. Они пришли к нам до Сталинграда, и этого мы не забудем.

Франция теперь освобождена от захватчиков. И в боях за Эльзас французская армия покрыла себя славой. В 1942 году Франция молчала: ей зажимали рот гитлеровцы. Но и тогда мы верили в звезду Франции, но и тогда с уважением, больше того, с любовью говорили воины Красной Армии об этой прекрасной стране. Теперь Францию признают все. Но мы ее признали, когда она еще была в цепях. И французы этого не забудут.

Марсель Альбер сбил на наших фронтах 23 вражеских самолета. Это первый ас французской армии. Россия ему дала чудесный самолет. Франция вложила в него сердце героя. Фашистская Германия родила в нем великую ненависть. И вот этот веселый француз, парижанин из парижан, сын рабочего, стал Героем Советского Союза. Их было трое, боевых друзей: Лефевр, Дюран и Альбер. Втроем они передетели из Северной Африки, захваченной фашистами, в Гибралтар. Втроем заявили: «Мы хотим сражаться в России». Они были неразлучны, и товарищи шутя называли их «тремя мушкетерами». Дюран, а потом Лефевр погибли в бою. Марсель Альбер продолжает бить врага.

Велико единство французского народа в борьбе против

захватчиков: если Марсель Альбер — сын рабочего, то де ля Пуап — представитель старой аристократии, и если бы он хотел, он мог бы кичиться своими титулами. Но это подлинный демократ, влюбленный в свободу, и гордится он одним: сбитыми самолетами. Когда немецкие фашисты захватили Францию, де ля Пуап не задумываясь уехал на суденышке в Англию и там продолжал сражаться против захватчиков. Узнав, что группа летчиков хочет ехать в Советский Союз, де ля Пуап заявил: «Прошу отправить меня на Восток, чтобы сражаться вместе с Красной Армией». Он сбил 16 гитлеровцев.

Искусство летчика трудно поддается описанию. Это поэзия. Кто расскажет, почему большой поэт пишет хорошие стихи? Я не осмелюсь говорить о воздушных победах двух французских героев. Я только напому, что они принимали участие в тех операциях, из которых каждая открывала новую главу войны: Орел, Смоленск, Орша, Неман, Восточная Пруссия. Эти названия говорят нам больше, чем толстые тома. И во всех этих битвах пролилась кровь французских летчиков, во всех этих битвах разили врага Марсель Альбер и Ролан де ля Пуап.

Они страстно любят Францию. Это понятно без долгих слов. Любят ее виноградники, ее сады, ее седые камни, ее веселых девушек, ее вольности, ее историю. Я скажу сейчас о другом: они полюбили нашу Родину. Они не только научились понимать русский язык, они научились понимать то, о чем не сказано ни в словарях, ни в грамматике: русское сердце. Они увидели пепел наших сожженных городов и горе наших женщин, они увидели мужество Красной Армии, ее путь от Орла до Восточной Пруссии, и каждый из них связан с нами не словами — кровью. И когда-нибудь в Пью-де-Доме, среди зеленых пастбищ и нежной ольхи, Ролан де ля Пуап будет рассказывать детям о стране больших просторов и большого сердца, о далекой, но близкой России. И когда-нибудь веселый Марсель Альбер среди шума Парижа, который никогда не замолкает, как морской прибой, вдруг вспомнит тишину смоленских лесов и скажет: «Там я узнал меру человеческого горя и крепость человеческого сердца».

Воины Красной Армии приветствуют своих испытанных друзей, героев Франции, ныне Героев Советского Союза. Если дружба проверяется на страшном огне, дружба Советской Республики и Французской Республики проверена. Она пережила горе, она переживает и радость.

29 ноября 1944 года

Сергей ОРЛОВ

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

ЗАВЕЩАНИЕ ЗАЩИТНИКА ЛЕНИНГРАДА КАПИТАНА Г. П. МАСЛОВСКОГО СЫНУ

Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание, выполняя которое живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умирать за Родину. Приму все меры, чтобы это письмо переслали тебе, а ты с ним будь осторожнее, не пугай свою бабуся.

Славному городу Ленина — колыбели революции — грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови. Отказаться от такого задания я не собирался, наоборот, горю желанием, как бы скорее приступить к выполнению. В ожидании машины роюсь в неутомных мыслях, с молниеносной скоростью задаю сам себе вопросы и тут же даю ответ.

Одним из первых вопросов будет такой: какие силы помогают мне совершить мужественный поступок? Воинская дисциплина и партийный долг. Правильно говорят: от дисциплины до героизма — один шаг. Это, сын, запомни раз и навсегда. А пока есть время, надо отвинтить от кителя орден, поцеловать их по своей гвардейской привычке. Рассказываю тебе обо всем подробно, хочу, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь.

Вырастешь большим — осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной.

У меня есть сын. Жизнь моя продолжается, вот почему мне легко умереть. Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение. Сын, ты в каждом письме просил и ждал моего возвращения домой с фронта. Без обмана: его больше не жди и не огорчайся, ты не один. При жизни нам, сынка, мало пришлось жить вместе, но я на расстоянии любил тебя и жил только тобой. Вот и сейчас думается, хоть я буду мертвый, но сердце продолжает жить тобой, даже смерть не вытеснит тебя из моего скупого сердца...

Прощай, мой сын, прощай, дорогая жена!

Поля, Юра! Жена, сын! Радость вы моя, кровь моя, жизнь моя! Люблю, люблю до последней капли крови!

Выполняйте мое завещание.

Целую, искренне любящий Гавриил.

4 января 1944 года

ГРАМОТА ЛЕНИНГРАДУ

От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированы захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холодов, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода с 8 сентября 1941 года до 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии.

Франклин Д. Рузвельт

17 мая 1944 года
Вашингтон

ЕЕ ПОДВИГ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТ НАРОД

*Письмо Председателя Президиума Верховного Совета СССР
М. И. Калинина отцу Марите Мельникайте*

Уважаемый товарищ Юозанас Мельникас!

По сообщению военного командования, Ваша дочь Мария Юозановна Мельникайте погибла за Советскую Родину смертью храбрых. За героический подвиг, совершенный Вашей дочерью Марией Мельникайте в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 22 марта 1944 года присвоил ей высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашей дочери звания Героя Советского Союза для хранения, как память о дочери-герос, подвиг которой никогда не забудется нашим народом.

М. КАЛИНИН

В Белоруссии гитлеровцы уничтожили свыше 2 миллионов 230 тысяч человек, или четвертую часть населения республики. Оккупанты сожгли и разорили свыше 200 городов, населенных пунктов, рабочих поселков, 9 тысяч 200 сел и деревень, три четверти промышленных зданий, производственных сооружений.

БЫЛО СЫНУ ПЯТНАДЦАТЬ

В пятнадцать мальчишеских лет мой единственный сын Женя добровольно ушел защищать Родину от фашистских захватчиков. Окончил школу юнг на Соловецких островах, затем служил на катере «Морской охотник». И вот получили мы известие: проявив отвагу и мужество, сын погиб 24 июня 1944 года; по обычаю, его тело предали морю.

Тяжело сознавать, что не могу поклониться могиле своего

мальчика. Но память о нем чтят на его родине. В Пермском ГПТУ № 16 есть музей боевой и трудовой славы, там на стенде — фотография Жени. Несмотря на свои немолодые годы, стараюсь чаще бывать в училище, среди нынешних сверстников сына. И это прибавляет мне сил. В селе Калинино Кунгурского района нашей области имя моего сына носит школа-интернат, а в Перми — школа № 132.

Не знаю имен и фамилий юных моряков, товарищей Жени, с которыми он вместе учился в школе юнг. Но если война уберегла их, быть может, прочтут эти строки. Их рассказ о совместной учебе и службе с сыном дорог и мне, и тем ребятам, которые учатся в школах имени Жени Григорьева, в профтехучилище № 16.

М. Григорьева

г. Пермь

Из всех операций... самой трудной была Уманско-Ботошанская. История войн не знает более широкой... операции, которая была бы осуществлена в условиях полного бездорожья и весеннего разлива рек.

В моей памяти неизгладимы картины преодоления солдатами, офицерами и генералами непролазной липкой грязи. Я помню, с каким невероятным трудом вытаскивали бойцы застрявшие по самые кузова автомобили, утонувшие по лафеты в грязи пушки, надсадно ревущие, облепленные черноземом танки. В то время главной силой была сила человеческая.

...Мы мобилизовали для продвижения автотранспорта все... На отдельных участках для проталкивания машин создавались бригады из местного населения... Мы были вынуждены выделять специальные команды для переноса груза на руках. Только в 27-й армии... 5 400 человек подносили грузы вручную. Таков был труд и героика войны.

Маршал Советского Союза И. С. Конев
Из книги «Записки командующего фронтом»

ИЗ ПРИКАЗА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

ВОЙСКА 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА... РАЗВИВАЯ НАСТУПЛЕНИЕ, ВЫШЛИ НА НАШУ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ — РЕКУ ПРУТ — НА ФРОНТЕ ПРОТЯЖЕНИЕМ В 85 КИЛОМЕТРОВ.

...СЕГОДНЯ, 26 МАРТА, В 21 ЧАС СТОЛИЦА НАШЕЙ РОДИНЫ МОСКВА ОТ ИМЕНИ РОДИНЫ САЛЮТУЕТ ДОБЛЕСТНЫМ ВОЙСКАМ 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ФОРСИРОВАВШИМ РЕКУ ДНЕСТР И ВЫШЕДШИМ НА НАШУ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ, — ДВАДЦАТЬЮ ЧЕТЫРЬМЯ АРТИЛЛЕРИЙСКИМИ ЗАЛПАМИ ИЗ ТРЕХСОТ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ ОРУДИЙ.

1944 год

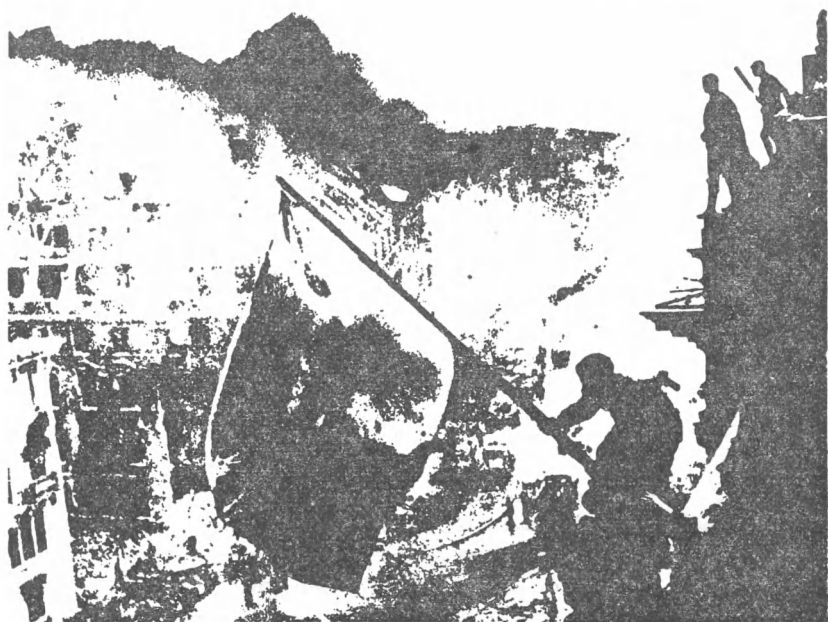
Приказывая своим войскам 22 июня 1941 года перейти советскую государственную границу, Гитлер думал, что подписывает смертный приговор свободе, независимости и единству народов Советского Союза, в действительности же в тот день был подписан смертный приговор гитлеровской Германии. Этот приговор выполняется. Он будет выполнен до конца.

«Правда», 27 марта 1944 года

За первое полугодие 1944 года труженики тыла выпустили 61,6 тысячи орудий, 19,6 тысячи самолетов, 8,1 тысячи танков, 230,5 тысячи пулеметов, 73,9 миллиона снарядов и других видов вооружения, боевой техники и боеприпасов.

Соотношение сил на советско-германском фронте к лету 1944 года еще более изменилось в пользу СССР. В июне в составе действующей Красной Армии насчитывалось 6,6 миллиона человек, 98,1 тысячи орудий и минометов, 7,1 тысячи танков, самоходно-артиллерийских установок, около 12,9 тысячи боевых самолетов. Им противостояли 4,3 миллиона солдат и офицеров противника, имевших 59 тысяч орудий и минометов, 7,8 тысячи танков и штурмовых орудий, 3,2 тысячи боевых самолетов.

1945

Александр ТВАРДОВСКИЙ
ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

Отрывок из поэмы

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы

И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня!

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки,—
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку,
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью неожиданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца, —
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым — солдат;

Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!» —
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
Скажет важно генерал, —
Он-то скажет непременно, —
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Повесть памятной години,
Эту книгу про бойца,

Я и начал с середины,
И закончил без конца

С мыслью, может, дерзновенной,
Посвятить любимый труд
Павших памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

Николай ТИХОНОВ

АРМИЯ-ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦА

Темное зимнее небо, обледенелые холмы с высокими ржавыми соснами, пустынные, сожженные города, колючая проволока бывших загонов для рабов, мрачные дома рабовладельцев с накраденными со всей Европы вещами — проклятая земля. Восточная Пруссия — гнездо прусских юнкеров и помещиков, притон фашистских сиятельных гангстеров — она слышит грохот наших пушек, шум моторов наших танков и самоходных орудий. Она видит бесконечный поток наших войск. Это Красная Армия — Армия справедливости и возмездия идет по ее дорогам, уничтожает очаги фашизма, гитлеровскую вооруженную машину истребления, уничтожает навсегда.

И навстречу славным полкам идет человеческий поток, идет день и ночь шествие освобожденных, вырванных нашим победным оружием из рук смерти. Мужчины, женщины, дети. Они идут и едут, они радостно приветствуют на всех языках своих освободителей — великую Красную Армию.

Идут все народы Европы навстречу новым частям, движущимся на запад. Гитлеровская тюрьма соединила людей всех наций в одно сборище угнетенных, одетых в лохмотья людей. Они несут бирки, которые им дал рабовладелец нового порядка. Этот проклятый новый порядок они запомнят на всю жизнь. Он написан у них на спине, на плечах, на груди и на шее кровавыми полосами бичей и кнутов. На руках у них следы кандалов, в сердце непреходящая ненависть.

Это идут не только усталые, измученные люди. Это идут спасенные для жизни. И спасла их Красная Армия — Армия-освободительница. Во все углы Европы разнесут они весть о том,

как пасмурным зимним днем им блеснуло солнце весны. Как упали стены их тюрем, как разорвались цепи. Как понесли наказание их палачи. В рощах Италии, в виноградниках Франции, под оливами Греции, в полях Польши, в скалах Норвегии, в городах Бельгии и Голландии, в горах Югославии эти люди будут рассказывать близким и друзьям о своей страшной жизни в Германии.

И еще они расскажут о тех замечательных людях, о тех непобедимых воинах, которые принесли им свободу. О Красной Армии сложат они песни и о ее маршалах, каких не видел мир. Они сломали все укрепленные линии, взяли все крепости, разбили все гитлеровские силы, стоявшие в полной уверенности в своей непобедимости на рубежах разбойничьей страны.

Никакие преграды не могут остановить могучий натиск Красной Армии. Она перешла зимние Карпаты, чтобы чехи и словаки могли плакать слезами радости впервые за семь лет каторжной жизни, похожей на черный сон. Она форсировала Вислу, чтобы поляки Варшавы могли выйти из подвалов к солнечному свету. Она освободила всю польскую землю, чтобы никогда больше не смел топтать эти многострадальные поля сапог немецкого насильника. Она прошла по скалам и льдам Севера, чтобы в Киркенесе норвежцы обняли друг друга, поздравляя с наступлением дня посреди немецкой ночи, перед которой полярная ночь кажется радостным видением.

Красная Армия освободила всю родную землю, истребив и сокрушив силу Гитлера, которая всем народам казалась несокрушимой.

Она сокрушила предателей, продавших Гитлеру свои народы. Она вывела из войны Румынию, Финляндию, Венгрию и дала возможность их народам направить свое оружие против немецких наймитов, против Гитлера.

Еще пять лет назад никто не сомневался в Европе, что Красная Армия — сильная Армия. Но когда сравнивали ее с германской армией, то самые опытные военные наблюдатели относились скептически к силе Красной Армии. Гитлер знал, что его блицкриг только тогда имеет шансы на успех, если он один на один бросит силы всей своей Германии и всей подвластной Европы против Красной Армии. И он бросил. Это были титанические битвы, когда мир содрогался перед ужасным ожесточением и небывалым масштабом происходящего.

И вот пришло время — и рассеялся дым гигантского столкновения. И весь мир увидел с радостью, что не Гитлер победил Красную Армию, а Красная Армия вдребезги разнесла его чер-

ные легионы и остатки их отбросила за свой рубеж. А отбросив, пошла штурмовать самое его логово. То логово, которое гордилось своей неприступностью, где каждый метр был приспособлен для сопротивления по последнему слову техники, где немцы сражались, как обреченные, как смертники. И здесь Красная Армия сокрушила и продолжает сокрушать это отчаянное сопротивление палачей, боящихся справедливого суда.

Одер не мог остановить натиск наших полков, сплошная крепость Восточной Пруссии доживает последние дни. В Дрездене и Штеттине паника охватила тех, кто еще недавно осмеливался изображать красноармейца как отсталого человека, которому до современной техники, как до неба. А сегодня эти же немцы завопили о превосходстве русской техники, о превосходстве русской стратегии.

Да, приходит последний час гитлеризма. Приходит час суда и возмездия. По земле, где родились чудовищные преступные замыслы, по земле, рождавшей так долго палачей и убийц, идет Армия Правды — Армия Справедливости — Красная Армия.

16 февраля 1945 года

Леонид СОБОЛЕВ

ТАК РОЖДАЛАСЬ ПОБЕДА

Варшава провожала нас печальным бледным рассветом и медленным дождем.

Низко склонившись над задымленным скелетом прекрасного когда-то города, плакало польское небо. Капли дождя падали на обгорелые камни, как слезы безмолвного горя: тихие и неостановимые. Широкая Висла поблескивала тусклым позументом траурного убранства. Улицы были пустынные — варшавяне, ютившиеся где-то в подвалах или на втором, третьем этаже полуобвалившегося дома, еще спали. Вид огромного города — разрушенного, безлюдного, погруженного в скорбное молчание — щемил сердце. Мертвые, расщепленные деревья Саксонского сада. Пустые пьедесталы памятников. Разваленные дворцы, театры, костелы. Широкий пустырь в самом центре города, означающий место, где стоял пышный Венский вокзал. Взрытые бомбами площади, вздыбленные над Вислой мосты...

Трагична судьба этой столицы. Она испытала на себе первый удар гитлеровских армий, которые тогда — пять с половиной лет назад — были во всей злой и страшной мощи зверя, только что выпущенного из клетки и дорвавшегося до вкуса человеческой крови. Пять с половиной лет она жила в фашистском плену, задыхаясь в дыму Треблинки, Освенцима, Майданека, — связанная беспомощная мать, на глазах у которой жгут ее детей. Даже когда пришла с востока светлая человеческая сила, чтобы выгнать из Варшавы немецкого зверя, — и тогда он, уползая, все рвал и рвал в слепой ярости предсмертных судорог ее прекрасное изуродованное тело последними ударами притупившихся когтей.

Лишь увидев своими глазами Варшаву, растерзанную и скорбную, можно понять ту глубокую ненависть, которая вспыхивает в глазах каждого поляка, когда он произносит имя Гитлера.

...Машина вышла на бетонное шоссе, повинувшись указателю «Берлин — 561 км». Из столицы, где Гитлер начинал войну, мы помчались в столицу, где он бесславно ее заканчивал.

Чем дальше на запад, тем теплее становился воздух, ярче зелень трав, гуще молодая листва деревьев, обступивших шоссе высокой нескончаемой аллеей. Машина как будто догоняла весну: скоро в заброшенных садах запестрели одичавшие цветы, огромными пышными букетами нарядно заблестели груши и яблони, и апрельское солнце — веселое, вымытое недавним теплым дождем — засияло на голубом небе, забывшем о самолетах. Чернели по сторонам свежей вспашки поля. Люди на них шли за плугами, подгоняя лошадей, как бы торопясь скорее вернуть эту землю, столько лет мучимую войной, к ее естественному мирному делу. Крупные сырые комья, вздымаемые плугом, заваливали щели, вырытые у шоссе с немецкой аккуратностью — через каждые пятьдесят метров: дорога эта четыре года служила главной артерией для немецких войск и техники, шедших из Германии на советский фронт, и этот непрерывный поток был обеспечен укрытиями на случай бомбежки.

Теперь по ней навстречу нам шли бесконечные караваны телег, шарабанов, фургонов, автоприцепов, запряженных лошадьми или коровами, целые колонны детских колясок, ручных тележек, спаренных велосипедов, нагруженных скрбom и влекомых людьми, — великий исход тысяч поляков, освобожденных благословенной силой Советской Армии. Весенний поток, свежий и вольный, как сама возвращенная им свобода, развеивал над ними бело-красные польские флаги, привязан-

ные к каждому возу, каждой детской коляске, — и те же флаги встречали их в каждом городке, в каждой деревне, трепеща на домах, мостах, костелах, празднуя освобождение Польши. На площади небольшого городка за Познанью, где мы остановились взять горючее, эти флаги склонились над пятью могилами советских офицеров, свидетельствуя о благодарности польского народа, почтившего этим безмолвным салютом тех, кто погиб за его свободу.

Здесь, в этом городке, мы узнали сводку Совинформбюро. Советские армии, нацеленные для последнего удара, уже двинулись на штурм Берлина. А это означало, неопровержимо и непреложно, что падение Берлина — вопрос решенный.

Жизнь нашей страны с великого переворота 1917 года научила меня, что история не творится сама собой. Историю делаем мы, люди: народ, его организаторы, а вместе со всеми — и мы с вами, читатель, нашим малым, незаметным, но упорным и честным трудом во имя общенародных, общечеловеческих целей. Разгром фашистской Германии и падение Берлина — дело наших собственных рук.

Но это не только результат нашего длительного военного напряжения. Корни нашей победы уходят в даль советских десятилетий нашей страны.

Произошла и закончилась битва двух систем — двух разных, прямо противоположных взглядов на человечество и его судьбы. Как на концах двух электродов накапливаются разные электрические заряды, рождающие огненную силу вольтовой дуги, — так и в нашей стране и в стране фашизма годами накапливались непримиримые, взаимно отрицающие друг друга силы. На одном полюсе — жажда сделать счастливыми всех людей, живущих трудом: мысль, продиктованная любовью к человечеству. На другом — стремление сделать лишь одну его часть — германскую расу — сытыми хозяевами за счет мук, бедствий и рабства остальных, — мысль, продиктованная ненавистью и презрением к огромному большинству человечества. И когда 22 июня 1941 года электроды сблизились, пылающая дуга войны зажглась на долгие тысячу четыреста восемнадцать дней.

В вольтовой дуге, как известно, горят оба электрода, но один из них сжигает другой дотла, теряя сам лишь часть своего крепкого тела. В начале войны иным сторонним наблюдателям казалось, что наш горит быстрее: пламя войны все глубже вгрызалось в тело Советского Союза — пылала вся Белоруссия и Украина, занялась огнем Россия, от жара закипала Волга и тре-

скались скалы Кавказского хребта. Но мудрое сердце советских народов чуяло, что нет в этом фашистском фейерверке настоящей силы огня и что гитлеровский вермахт на Волге — лишь обманный призрак, способный напугать только малодушных: оно знало, что мы победим.

Победа наша была заложена в самой правоте нашего взгляда на устройство человеческой жизни. Поэтому из двух пылающих электродов сильнее, устойчивее, сжигающее оказался наш. Иначе и не могло быть: пламя его было пламенем Прометея — тысячелетней мечтой человечества о счастье. В нем сосредоточилась воля миллионов людей, которые за годы Советской власти вплотную приблизились к осуществлению этой мечты.

Непобедим народ, сплоченный вокруг великой идеи.

Нас — миллионы советских людей — сплотила великая цель. Впервые в истории такое огромное количество людей с таким единством мыслей и стремлений, с такой убежденностью в своей правоте защищало передовую идею. В этом одна — если не главнейшая — причина нашей победы.

В свете этой победы, озаряющей сокровенные причины исторических событий, благодарно вспомним Ленина, друзья. Это он раскрыл для нас великую идею, понятную миллионам и поэтому защищаемую миллионами. Это он взамен родины-мачехи дал нам Советскую Родину-мать — оплот и крепость этой великой идеи.

Мы защищали нашу Родину — а сражались за все человечество. Мы отстояли Москву — а спасли колыбель человеческого счастья. Мы бились за Одессу, Севастополь, Ленинград, Кавказ, Заполярье — а освободили Чехословакию, Польшу, Австрию, Болгарию, Венгрию, Румынию, Югославию. Наши люди умирали за один сталинградский дом — а решали судьбы целого мира: там, в Сталинграде, мы наотмашь занесли тяжелый наш бердыш — и опускаем его в Берлине, чтобы раздавить фашизм — проповедь зверя, самое черное, подлое и чело-веконенавистническое учение, которое когда-либо знавала история.

Но сколько бы нас ни было и какие бы самые передовые мысли ни объединяли нас — без оружия, без угля, без металла и хлеба мы не сумели бы отстоять свою идею от сильного, организованного, жестокого и вооруженного до зубов врага.

Победа наша была подготовлена упорным и беззаветным трудом советских людей в течение всего существования Советского Союза. Победа рождалась на заре нашей четверти века.

Долгие годы мы отказывали себе во многом во имя создания нашей экономической и военной мощи. Мы жили в старых, тесных домах, но строили Магнитогорски и Кузбассы. Мы порой недооценивали — но домны наши всегда были сыты рудой и углем. Мы носили плохую одежду — но одевали Красную Армию в отличную сталь танков и сверкающие крылья самолетов.

Лишь теперь, в ярком свете победы, мы видим подлинный смысл и цену наших добровольных лишений в великом и в малом.

Полтора десятка лет тому назад на Урале, в Сибири, в холодном Заполярье и в знойных пустынях Средней Азии зародились заводы, которые ныне спасли нашу страну от фашизма, кинувшегося на нас во всей мощи немецкой техники, во всей силе завоевателя почти целой Европы.

Далеко впереди на шоссе, упирающемся в лес, показалась большая арка, украшенная советскими флагами и зеленью. Волнение перехватило горло: очевидно, тут и был германский рубеж. И, подтверждая это, справа у шоссе возник полосатый столб, и на нем мы прочли надпись, сделанную кем-то на куске фанеры: «Вот она, проклятая!»

Мгновенный вихрь чувств и мыслей заслонил от меня действительность.

Бывают в жизни человека моменты, когда все его существо испытывает сильнейшее потрясение, вызванное каким-либо поразившим его известием или зрелищем. Этот миг полного напряжения всех душевных сил краток, как зигзаг молнии, разом озаряющей всю округу, — от зазубренных краев далеких гор до мельчайших прожилок на листке, гонимом ветром. И как не в силах человеческий глаз охватить всего озаренного вспышкой молнии — так человеческое сознание не может удержать в памяти всех чувств и мыслей, пронесшихся в нем за краткий и плотный миг этого потрясения, и выразить их словами, слишком медлительными и неповоротливыми.

Смутно, как сон, вспоминается, что у шоссе стояло немецки аккуратное, чистенькое здание с ярко-красной черепичной крышей, полосатые будки и шлагбаум, что площадка возле них была подметена, что от шоссе отходили в лес какие-то рвы и укрепления; помню также, что все это было в полной неприкосновенности и сохранности, словно те советские войска, которые прорывались здесь, нарочно оставили немецкий пограничный кордон в его прежнем виде, как музейный экспонат, пронеся свой справедливый гнев мимо него — в глубь Германии,

в Берлин. Помнится еще, что к машине подошел старшина с монгольским складом лица и что я спросил его, не казах ли он, а он, блеснув ровными крепкими зубами, ответил, что дошел сюда от самого Сталинграда. И еще отложилось в памяти лицо женщины на ручной тележке с польским флагом: странным, неподвижным взглядом она смотрела через шлабаум на родную землю, от которой ее отделяло несколько шагов, а мужчина у дышла тележки, отдав документы красноармейцу, повернул почерневшее, осунувшееся лицо и, сняв шапку, уставился таким же неподвижным взглядом на зеленую листву деревьев, растущих на его родине, достигнутой наконец.

Но и это все воспринималось как-то механически, постороннее, запечатляясь в сознании, как на фото пленке, которую проявят после. Все заслонила собой эта торжествующая надпись: «Вот она, проклятая!» Предельно выразительная и краткая, итог грандиозных событий, она даже не считала нужным называть путнику имя страны, породившей столько бедствий и смертей. Да и к чему?.. Русские, французы, англичане, украинцы, чехословаки, норвежцы — все, кому принесла она эти бедствия и смерти, называли ее по-разному: Германия, Неметчина, Джермани, Швабия, Пруссия, Тюскланд, Аллемань... Но проклятой они называли ее все.

Трагично и ужасно для сотен тысяч, для миллионов немцев слышать это слово в применении к своей стране. Но дал его стране Шиллера и Гете, Лейбница и Шумана, Энгельса и Маркса, Гуттенберга и Гегеля, Коха и Либкнехта, Эйнштейна и Томаса Манна, — дал это ужасное слово тысячекратно проклятый человечеством гитлеровский фашизм. Свой окаянный грех он свалил на плечи немецкого народа, который стал жертвой человеконенавистнического учения.

Миллионы предсмертных стонов, хрипов, воплей в концлагерях и тюрьмах, в душегубках и на кострах, в газовых камерах и комендатурах, миллионы рыданий, криков, беззвучных шепотов, разноязычно звучащих на норвежских скалах и голландских дюнах, на болгарских полях и в украинской степи; в киевском Бабьем Яру и в белорусской Масюковщине, в польской Треблинке и в чехословацкой Лидице, в разграбляемом Париже и голодающем Ленинграде, в порабожденном Белграде и в дымящемся Севастополе, — все неперечислимое, нерассказываемое, невообразимое человеческое страдание этих страшных пяти с половиной лет собралось и втиснулось в одно это короткое слово, написанное неизвестным русским воином на пограничном столбе.

Если бы каждое из проклятий, вырывавшихся из груди женщин, детей, юношей, стариков. почти на всем пространстве Европы, имело бы силу уничтожения, равную хотя бы одной пуле, — давно бы не осталось в Германии ни одного живого фашиста. Но слово — только слово, какая бы ненависть ни была вложена в него.

Понадобились огромные усилия огромного советского народа, чтобы сперва остановить фашистские армии, ринувшиеся на нас из завоеванной ими Европы, потом вытеснить их назад — сначала медленно, шаг за шагом, после все быстрее — салют за салютом, затем вышвырнуть их из пределов нашей Родины, прогнать без отдыха и задержки по многим европейским государствам и затравить, наконец, в их собственных немецких лесах.

Множеству наших юношей и мужчин, девушек и женщин пришлось пролить драгоценную свою кровь, чтобы проклятия миллионов людей приобрели убийственную силу и достигли палачей.

И почудилось мне, что стоят на германской границе эти множества наших людей, погибших ради победы, — стоят и смотрят на рубеж, который всегда был их заветной целью. Где бы и когда бы ни застала их внезапная военная смерть — в самое ли тяжкое время войны, на заре ли победы или перед самым восходом ее, слепительным и благословенным, — они умирали, твердо зная, что день победы настанет, как твердо знает человек, что не может не взойти солнце, какой бы черной и долгой ни казалась ночь. И загораются потухшие очи, и шевелятся улыбкой бледные губы, и одобрительно кивают головой герои, с гордостью и удовлетворением прислушиваясь к гулу советских орудий там, впереди, под Берлином.

В их тесных рядах я различаю дорогие мне лица товарищей моих, с кем в Одессе и в Севастополе, под Москвой и на Кавказе, на Балтике и на Черном море связала меня фронтовая дружба и с кем не поспел я повстречаться, но чью бессмертную душу передали мне в рассказах схоронившие их друзья. Сдержанно улыбается майор Цезарь Куников — тот, кто в ночь своей дерзкой высадки в кварталы Новороссийска сказал своим матросам: «Помните, друзья: Станичка — это калиточка в Берлин...» Довольно крикает при каждом залпе старый гангутский матрос, полковник Яков Иванович Осипов, отец одесской морской пехоты, как, бывало, покрикивал он при каждом залпе наших кораблей, расчищавших его морскому полку дорогу для атаки — стремительной и яростной самозабвенной атаки

«черных дьяволов», «черной тучи». Поднял к небу свои прищуренные умные глаза Николай Алексеевич Остряков, тридцатидвухлетний генерал, следя, как проносятся над берлинскими домами штурмовики, на каких и сам он, командующий черноморской авиацией, три года тому назад каждый день перед обедом снимался с осыпаемого снарядами херсонесского аэродрома, чтобы «для аппетита» покрестить немцев в Инкермане или на Итальянском кладбище. И Николай Иванович Сипягин, командир Новороссийского дивизиона сторожевых катеров, моряк многих талантов и большого ума, подтянутый и щеголеватый, каким видал его я всегда до тех пор, пока немецкая мина не разорвала под Керчью стройное его и красивое тело, вслушивается в гул моторов днепровских катеров, рвущихся по Одеру и Шпрее, и негромко роняет любимую свою похвалу: «Так — порядок!» — и севастопольский «Федя с наганом» наклонился вперед своей узкой мальчишеской грудью, как бы стремясь первым ворваться в Берлин, как в миг своей вдохновенной смерти первым вскочил он в немецкий окоп на Мекензиевых горах...

И десятки, сотни моряков-героев, оживших в моей памяти, нетерпеливо вглядываются в германскую землю, досадуя, что сковывает их ноги холодная смертная тягота, и завидуя живым, кто нынче на катерах Днепровской флотилии рейс за рейсом гоняет по Шпрее, дерзким флотским набегом, прямо в лоб на пулеметы и орудия, выбрасывая десант в центральные кварталы фашистской столицы.

Товарищи мои, сыны мои и братья, погибшие наши любимцы, знаемые мною и неизвестные, чем воздадим мы вам за верность и мужество ваше?

Бессмертие — не на небесах. Оно — на земле: в бесконечной смене благодарных поколений, в народной памяти — вечной, как сама жизнь мира. В ней будете жить вы, погибшие за счастье и покой миллионов людей, — и нас, живущих ныне, и внуков наших, еще не родившихся.

Вырастут внуки, оглянутся на великое прошлое своей Родины, поймут все безмерное величие вашего подвига — и расскажут о нем детям своим, повторяя ваши имена. И подивятся правнуки наши — какая чистая и верная сила, какая мужественная красота, какая светлая человеческая мощь жила в советских людях сороковых годов двадцатого столетия!

1 июня 1945 года

ОСАДА

Полтора месяца весь мир следил за осадой Будапешта.

Здесь столкнулись огромные массы войск. В жесточайшем поединке решалась судьба одного из крупнейших европейских городов. Здесь во всем блеске проявилось мастерство наших солдат, офицеров и генералов, пришедших на улицы Будапешта от берегов Волги, от донских степей и предгорий Кавказа.

Будапештская битва началась еще на дальних подступах к городу. Немцы возлагали большие надежды на оборонительные укрепления глубиной до тридцати километров. После упорных боев наши войска прорвали внешний оборонительный обвод Будапешта юго-западнее и севернее города и прорвались непосредственно к городским предместьям. Вскоре наши войска расчленили будапештскую группировку на две части: одна была закрыта в городе, другая окружена в излучине Дуная. Советские части перерезали все 19 железных и шоссейных дорог, выходивших из Будапешта на запад, и обложили город плотным стальным кольцом.

26 декабря 1944 года войсками 3-го и 2-го Украинских фронтов было завершено окружение Будапешта. На другой день завязались бои на окраинах города. В то же время наши войска продолжали наступление на запад от Будапешта, продвинулись вперед на 60 километров и лишили немецкий гарнизон города возможности получить подкрепление.

Советское командование, руководствуясь гуманными целями, в соответствии с международными правилами и обычаями ведения войны, 29 декабря направило окруженной будапештской группировке противника ультиматум с предложением сложить оружие, прекратить бесполезное сопротивление и тем самым предотвратить разрушение столицы Венгрии с ее историческими ценностями, избавить мирное население города от страданий и жертв.

Немцы ответили на этот ультиматум провокационным и злодейским убийством советских парламентариев.

Советское командование последовало бессмертной заповеди: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Полтора месяца ни на минуту не затихал грохот сражения. Наши войска обладают опытом уличных боев в Сталинграде, Мелитополе, Ржеве, Тернополе. Но здесь, в Будапеште, советским воинам пришлось столкнуться с несколько необычным видом

уличных боев. Это сражение отличалось не только размером территории. Немцы предприняли отчаянные попытки прорваться к своей окруженной группировке. Это создавало дополнительные трудности для наших штурмовых соединений. Да и сам город представляет собой огромную крепость, которая в свою очередь состояла из многих цитаделей. Тысячи кварталов Будапешта — это тысячи крепостей, каждый из десятков тысяч городских домов — бастион. Будапешт — старинный город с узкими улицами, огромными домами, массивными глыбами заводских корпусов. Каменными зданиями заводов и фабрик, как огромной стеной, идущей по окраинам города, был огорожен аристократический центр Будапешта. Подвалы и чердаки, сады и колокольни были превращены немцами в сильные огневые точки. Бой зачастую начинался в подвале и заканчивался на крыше здания. Схватки шли даже в туннелях городского метро. Бои за Будапешт велись, если можно так выразиться, в трех измерениях: на земле, под землей, над землей.

Каждый метр земли давался с боем.

И этот метр был тем более труден, что он вырастал ввысь на пять-шесть метров.

Пройти километр за день считалось в Будапеште большим успехом. Батальон капитана Шумченко, который в разгар уличных боев прошел за один день к центру города два километра, поставил своеобразный «рекорд».

Трудность осады Будапешта заключалась и в другом. Будапешт, город-завод, представлял отличную материальную базу для окруженной группировки противника.

Понимая значение Будапешта как важного стратегического пункта на путях советских войск к южным границам Германии, немецкое командование всячески пыталось внудить своим солдатам необходимость драться за город до последнего патрона.

Советские войска, воодушевленные одним стремлением — разбить гитлеровскую нечисть, — с каждым днем приближались к центру Будапешта. Один за другим уничтожались городские бастионы. Герои Сталинграда и Мелитополя, Ржева и Тернополя шли вперед, упорно, шаг за шагом штурмуя немецкие укрепления, и никакие ухищрения врага не могли изменить положения. Все роды наших войск действовали исключительно организованно.

В уличных будапештских боях ярко проявилась новая тактика наших артиллеристов, основанная на мужестве, смелости и мастерстве воинов. В уличном бою пехота — штурмовые группы — и артиллерия являются основной силой штурма. Без

артиллерии нельзя сделать ни шагу, тем более в таком городе, как Будапешт, где каждый дом представлял собой каменную цитадель.

Советские артиллеристы показали здесь беспримерное мужество и мастерство, помогая пехотинцам продвигаться вперед. Орудия большой мощности, которым подобает стрелять с дистанции минимум 5—6 километров, били по будапештским цитаделям с расстояния 500—700 метров, а то и меньше. Так же смело и мастерски действовали советские танкисты.

Очищая дом за домом, квартал за кварталом, наши войска все более приближались к центральным улицам города. Скоро были захвачены электростанции, водонасосные станции, питавшие окруженный гарнизон противника, а также ряд заводов и предприятий, изготовлявших и ремонтировавших немецкие танки, пушки, самолеты.

Все посадочные площадки немецкой транспортной авиации в Будапеште находились под обстрелом нашей артиллерии. Артиллеристы по гулу моторов угадывали, когда «юнкеры» садились на аэродромы, и открывали по ним ураганный огонь. Все аэродромы противника были захламлены сгоревшими самолетами. Немцы пробовали сбрасывать боеприпасы своему окруженному гарнизону на парашютах, но это с каждым днем становилось все труднее, так как все меньше кварталов оставалось в руках противника.

Немецкое командование, чувствуя смертельную угрозу, нависшую над своей группировкой в Будапеште, пыталось пробиться к городу. С этой целью в январе западнее и северо-западнее Будапешта немцы предприняли сильные контратаки пехоты и танков при поддержке авиации, стремясь пробиться в город. Борьба носила здесь ожесточенный характер, то затухая, то вновь разгораясь.

Наши героические пехотинцы, танкисты, артиллеристы, летчики приняли на себя удар немецкой группировки и в самоотверженной борьбе не пропустили ее к Будапешту.

Много страданий перенесло население Будапешта. Наше командование, предъявляя ультиматум немецким войскам в Будапеште, пыталось избавить мирных граждан города от этих страданий. Но немцы предпочли подвергнуть мукам граждан Будапешта. После того как были освобождены первые городские районы, наше командование оказало помощь голодным жителям и эвакуировало их в безопасные места.

День за днем советские воины приближались к центральным улицам восточной части города — Пешту. Окруженному

гарнизону не помогала теперь даже помощь с воздуха: только пятая часть грузов, сброшенных немцами на парашютах, попала по назначению. 9 января нашим командованием была захвачена шифротелеграмма немецкого командования в городе: «В течение трех суток вас не слышу. В отчаянии, так как все время нахожусь под угрозой смерти... Положение отчаянное».

Через несколько дней наши войска закончили очищение от противника восточной половины города — Пешта и вышли к Дунаю. В этот день было захвачено 20 тысяч пленных.

В руках немцев оставалась западная часть города — Буда. Если стать в центре Будапешта лицом на запад, вы увидите огромную гору, на которой ступенями громоздятся огромные дома, дворцы, церкви.

Здесь, в старинной части города, бывшей когда-то венгерской столицей, находились многие правительственные учреждения: министерства иностранных и внутренних дел, министерство финансов, государственный архив и другие. Самый рельеф Буды, холмистый, пересеченный оврагами, представлял большую выгоду для обороняющихся. Здесь несколько дней шли ожесточенные бои, не менее сильные, чем в восточной части города. Два дня назад, сломив сопротивление немцев в Буде, наши войска захватили более 2000 кварталов, в том числе королевский замок и старую крепость, взяв при этом в плен более 30 тысяч немецких солдат и офицеров. К концу дня 13 февраля наши части завершили очищение Буды от остатков немецкого гарнизона. Взято в плен более 110 тысяч немецких солдат и офицеров, в том числе командующий будапештской группировкой противника генерал-полковник Пффеффер Вильденбрух.

Битва за Будапешт явилась новым торжеством советского оружия, новой победой доблестных войск Красной Армии.

14 февраля 1945 года

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

ОСВОБОЖДЕННАЯ ВЕНА

Красный флажок в руке регулировщика взвился вверх, затем плавно опустился, предлагая нам остановиться. К машине подошел рослый старший лейтенант в синей пилотке, перетянутый ремнями, пыльный и возбужденный, и радостно откозырял:

— Контрольный пункт комендатуры города Вены... Предъявите ваши документы.

В городе еще шел бой. В центральные кварталы спешили грузовики с боеприпасами, шли пешие бойцы, проходили танки, пролетали связные офицеры в стрекочущих мотоциклах. Навстречу двигался венский люд, скрывавшийся от опасного обстрела, — женщины в мужских пиджаках и фуражках, рабочие в синих длинных блузах и комбинезонах, старухи с детьми. Они поднимали на уровень плеча сжатые кулаки, приветствуя нас старым, давно запрещенным здесь, но не забытым приветствием.

Был сияющий апрельский день. Небо улыбалось всей своей синевой, и ощущения весенней взволнованности, которая, помимо желаний, соединялась с чувством новой победы, ничто не могло затмить, как не могли затмить весеннего голубого неба облачка зенитных разрывов и клубы темного, густого дыма, застилавшего полгоризонта справа от дороги. Это горели какие-то склады, подожженные немцами.

В каждой новой победе, как бы предвидена она ни была, есть радующий сердце человека момент полного ее свершения. В нем заключается законная гордость закаленного солдата, который, не жалея ни сил, ни крови своей, шел к этой победе сквозь все невзгоды, тяготы, лишения и опасности, пренебрегая этими невзгодами, тяготами, лишениями и опасностями, — все для той минуты, когда он сможет остановиться и сказать, вытирая рукой обильный пот с лица:

— Славно потрудились... Еще победу одержали!

Солдатское слово всегда метко определяет сущность вещей. Победа не дается сама в руки, ее берут с боя, ее готовят трудом тысяч и тысяч людей, знающих, что они сражаются и трудятся для победы. Так сегодня в Австрии слились воедино труд уральского рабочего, строящего тяжелые танки, громящих по венским улицам, крестьянская забота украинского колхозника, запахавшего освобожденную от немцев землю, и подвиг гвардейца Владимира Иванова, жителя Бузулука, уничтожившего 18 фашистов на подступах к австрийской столице.

Первый раз я въезжал в Вену с юга.

Справа от нас уже были очищены предместья Швехат, Кайзерэберсдорф и городской район Зиммеринг. Слева лежало огромное городское кладбище, где похоронены Бетховен, Глюк и Иоганн Штраус. Наши войска к этому времени очистили от противника венский арсенал, где было захвачено около 250 орудий, 100 танков и 1500 железнодорожных вагонов. Бой шел в Швейценгартене. Противник вел сильный артиллерийский

огонь по наступающим частям. В воздухе то и дело появлялись наши штурмовики и обрушивались на немецкие позиции. Были явно слышны автоматная дробь и частые пулеметные очереди.

В другой раз я въезжал в город через Венский лес. Он выглядит сейчас не так идиллически, как во времена Иоганна Штрауса, несмотря на то что солнечные лучи, просеянные через густые кроны деревьев, так же лежат на его дорогах и несмотря на то, что в нем и сегодня раздается веселый птичий щебет и свежая апрельская зелень радует глаз. Лес перегорожен завалами: вековые дубы, липы и вязы срублены и брошены поперек дороги. Толстые бревна десятками вбиты стоймя в землю в качестве дополнительных препятствий в наиболее узких проездах, на опасных спусках и неожиданных поворотах.

Венский лес, как и другие подступы к австрийской столице, немцы пытались превратить в предполье своей обороны. Наше наступление развивалось так стремительно, что они не смогли использовать преимуществ, которые им давала местность, и вынуждены были откатиться к городу под ударами наших войск.

...На ярко-зеленой поляне в тени больших деревьев стоит несколько повозок с армейским имуществом. Лошади мирно пощипывают траву, ездовые отдыхают, лежа вверх лицом, положив руки под голову и прикрыв от солнечного света пилотками глаза.

В стороне две девушки варят пищу на костре.

— Маруся, — говорит одна из них, рыженькая, со вздернутым носиком и множеством мелких кудряшек, — а скажи, Маруся, ты «Большой вальс» в кино смотрела?

— Смотрела. Ну так что? — лениво отвечает Маруся, мешая ложкой в котелке.

— Чудачка ты, Маруся, так это же мы в том самом Венском лесу суп варим!

— Ну? В том самом? — оживляется Маруся и начинает осматриваться вокруг. — Ничего особенного, обыкновенный лес...

Невозможно, находясь в одном пункте наступления, охватить картину боев, происходящих в огромном городе, расположенном на берегах широкой и глубоководной реки, перерезанном каналом, загромажденном фабричными зданиями, вокзалами, железнодорожными путями и парками, представляющими собой гигантский лабиринт площадей, улиц и переулков.

Эта картина станет ясной позже, когда из всех частей и подразделений, штурмовавших Вену, прибудет подробное донесение, когда эти донесения будут разобраны и обобщены. Сейчас бросается в глаза тот неоспоримый факт, что попытка немцев оборонять в Вене южные ворота в Германию с треском провалилась.

Немцы не сумели и не способны были организовать в Вене такое сопротивление, как, скажем, в Будапеште. Действия отдельных немецких частей производят впечатление растерянности и неуправляемости.

Это — результат поражений, нанесенных Красной Армией немецким войскам в районе озера Балатон, в Западной Венгрии, на подступах к Вене. Сломив сопротивление врага, советские войска шли к Вене.

Гвардейцы капитан Бикс и старший лейтенант Долицкий с телефонной станции местечка Поттендорф вызвали Вену и в течение 40 минут вели разговор сначала с телефонисткой, затем со случайно подключившимися городскими абонентами и наконец с главным управляющим городской телефонной станцией Вены.

Сначала венцы не поверили, что с ними говорят русские, и попросили подтверждения у австрийской телефонистки Поттендорфа.

— У нас все благополучно, — ответила она. — Рядом со мной стоят два русских офицера.

Наши бойцы ворвались в Вену почти одновременно с востока, юга и запада.

...На венской улице стоит большой зеленый автобус. Дверцы его раскрыты, на крыше видны рупоры. Это передвижная радиовещательная установка. Вокруг автобуса — большая толпа жителей Вены. Диктор отчетливо произносит слова заявления Советского правительства об Австрии и обращение маршала Толбухина к жителям Вены. Советское правительство стоит на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии. Оно будет проводить в жизнь эту декларацию, оно будет содействовать ликвидации режимов немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений. Верховным главнокомандующим дан приказ войскам оказать свое содействие в этом австрийскому населению.

Эти слова покрываются громкими аплодисментами, одобрительными возгласами и криками «ура!». На минуту воцаряется тишина. Толпа не расходится. И вдруг из рупоров раздается

легкая и радостно волнующая мелодия штраусовского вальса. На лицах венцев расцветают улыбки. Еще минута, и девушки поднимают руки на плечи случайных партнеров. И венская улица кружится среди еще дымящихся зданий под звуки вальса, как в день большого, наконец наступившего праздника.

14 апреля 1945 года

Павел ТРОЯНОВСКИЙ

В БЕРЛИНЕ

В четвертом часу дня 21 апреля 1945 года генерал Переверткин перешел на новый наблюдательный пункт, выбранный на окраине берлинского пригорода Вейсензее.

— Ну вот и Берлин, любуйтесь,— сказал генерал своим помощникам, открывая окно маленькой комнаты на чердаке.

Уже не нужно было бинокля, чтобы увидеть широкую бескрайнюю панораму германской столицы. От горизонта до горизонта громоздились дома, сады, корпуса и трубы заводов, многочисленные кирпичи вздымали свои высокие и острые шпили, в нескольких местах блестела на солнце узкая лента Шпрее.

Огромный Берлин лежал перед наступающей Красной Армией — город, где была задумана и подготовлена война, город, который осенью 1941 года с часу на час ждал сообщения о взятии Москвы, а до этого ликовал по поводу падения Вены, Праги, Варшавы, Парижа, Брюсселя, Амстердама, Афин, Киева...

Клубы черного дыма поднимались отовсюду и собирались над Берлином в громадное тяжелое облако. Немецкая столица горела. Гром артиллерийской канонады сотрясал воздух, землю, дома. По Берлину били многие тысячи пушек, и Берлин отвечал тысячами снарядов и мин.

Через тридцать минут генерал Переверткин вынужден был покинуть чердак. Два неприятельских снаряда один за другим ударили в крышу дома, три снаряда пробили стену второго этажа.

— Огрызается,— заметил генерал.

Дом закачался. Две минуты продолжался вражеский артиллерийский налет.

А когда генерал спустился в подвальное помещение, ему доложили сообщения из частей:

«Вступили на Берлинераллею. Движение прекратили. Стреляет каждый дом, каждое окно. Подтягиваем артиллерию».

«Роты залегли. Продвигаться вперед невозможно, сильный

огонь со всех сторон. Ждем танки и самоходные орудия...»

К ночи артиллерийские разведчики и звукобатарей корпусной артиллерийского полка только на участке наступления одной дивизии засекли четырнадцать вражеских батарей, в том числе три батареи зенитной артиллерии, два тяжелых полевых дивизиона и подразделение шестиствольных минометов.

За ночь соединение продвинулось вперед на восемьсот метров. И это было совсем немало!

Так шли дела не только на северной окраине, куда вступили полки генерала Переверткина. Так встретил Берлин наши войска на восточной, юго-восточной, на южной окраинах.

Немецкая столица отчаянно сопротивлялась.

Казалось, перед нашими бойцами и офицерами был не просто город, а чудовище, начиненное огнем и сталью, что дома в нем сложены не из кирпича, а из динамитных плит, что нет в нем площадей и скверов, а есть одни огневые позиции артиллерии и минометов.

Удары по районам немецкой столицы наносились строго по плану. Прежде всего они нацеливались на такие места, потеря которых расшатывала систему обороны противника. В первые же дни боев был занят район Тегель, где расположены главные станции водоснабжения Берлина. Наши войска быстро овладели аэропортами Адлерсхоф и Тельтов, лишив остатки немецкой авиации возможности базироваться у Берлина. Были заняты все радиостанции, все электростанции и главные газовые заводы в Сименсштадте.

В разгар уличных боев Берлин остался без воды, без света, без посадочных площадок для самолетов, без радиостанций. 25 апреля германская столица была полностью окружена и отрезана от всей страны.

На улицах Берлина замерли трамваи, остановились поезда метро, потухли лампочки; берлинцы спешно копали колодцы, ходили за водой на Шпрее.

Аэропорт Темпельхоф, оставшийся в руках врага, нейтрализовала наша артиллерия. Это была замечательная работа. Однажды вечером артиллеристы одного советского соединения подняли в воздух аэростат. Корректировщик майор Филиппов увидел в бинокль взлетные площадки центрального берлинского аэропорта, ангары, много самолетов самых различных систем.

— Прошу огня! — сказал Филиппов по телефону в штаб.

Ударили пушки. Филиппов наблюдал разрывы снарядов и сообщал по телефону поправки.

Немцы на аэродроме засуетились. Многие самолеты начали

рулить к старту. Вражеские зенитки открыли огонь по аэростату.

— Спустите меня ниже! — скомандовал Филиппов.

Немецкие снаряды начали рваться высоко над ним, а наши пушки, пристрелявшись, перешли на поражение. Филиппов сообщал:

— Горят три самолета.

— Подбит истребитель!

— Вспыхнули две автоцистерны...

За два часа непрерывного огня наша артиллерия сожгла и подбила двадцать два немецких самолета, из них четыре загорелись на взлете.

Ночью советская артиллерия обрушила на Темпельхоф новый удар. После него, вплоть до занятия аэропорта нашей пехотой, ни один немецкий самолет не поднимался отсюда в воздух и не садился здесь.

Все время боев неослабную и неопенимую помощь наземным войскам оказывала советская авиация. Сотни, тысячи самолетов день и ночь кружились над немецкой столицей. Немцы встречали наши самолеты неистовым зенитным огнем. Но это не снижало активности авиации.

Мы были свидетелями удивительного случая. Часть подполковника Утихеева вела бой за банк на Гамбургерааллее. Со двора банка злобно и часто били неприятельские шестиствольные минометы. Обработка двора артиллерией ничего не дала, и подполковник Утихеев обратился к представителю авиационного штаба за помощью. Вскоре над банком появилась пятерка наших истребителей. Банк загорелся, окутался дымом. Один наш самолет был подбит немецкой зениткой. Летчик и стрелок выбросились с парашютами.

Вот они плавно стали опускаться на землю. Но ветер дул в сторону немцев и, к горечи всех нас, наблюдавших с земли, летчиков стало относить к противнику.

И вдруг у банка раздалось «ура». Пехота бросилась вперед. Рванулись вперед танки.

Через несколько минут подполковнику Утихееву донесли из первого батальона:

— Летчики приземлились на территории второй роты. Сержанты Батюков и Смолин вынесли их из-под огня.

Выяснилось, что пехота бросилась в атаку, чтобы спасти летчиков — лейтенанта Иволгина и старшину Возницина.

Так герои земли соревновались в отваге и смелости с героями воздуха.

Разве мог сдержать напор этих героев надломленный и окруженный Берлин!

Днем 30 апреля и в ночь на 1 мая бои за Берлин достигли наивысшего напряжения. Наши части вонзили глубокие клинья в центр немецкой столицы. От рейхстага советские подразделения проникли к Бранденбургским воротам и через трехметровую баррикаду, сооруженную немцами, стали простреливать Унтерден-Линден. Шпрее перешли танки. Они с ходу вступили в огневой бой с вражеской артиллерией, расположенной в парке Тиргартен. Пехота подходила к Зоологическому саду. Бои гремели на Вильгельмштрассе, у Потсдамского вокзала.

Берлин стал тесен для наших войск. Улицы были забиты танками, самоходными орудиями, автомашинами, обозами; площади, пустыри и развалины не вмещали артиллерию. Срочно растаскивались завалы кирпича и железа; на улицах делались проходы; дорожные батальоны устанавливали маршруты одностороннего движения. Убиралась разбитая вражеская техника — изуродованные «тигры» и «пантеры», длинноствольные зенитки, неуклюжие бронетранспортеры, минометы, машины.

Жители Берлина с тревогой и удивлением смотрели на нескончаемые массы русских войск. Наиболее смелые и любопытные берлинцы подходили к нашим танкам и спрашивали:

— Из Америки?

Танкисты не без удовольствия отвечали:

— Нет, это из России, с Урала...

Немцы качали головами и обращались к артиллеристам:

— Английские?

Командир тяжелого орудия, которое тащили два мощных трактора, строго говорил:

— Нам таких красавиц Урал присылает...

Особенно удивляла немцев «катюша». Три года с лишним в письмах и рассказах фронтовиков они слышали жалобы на этот странный и страшный вид оружия. Сейчас они его увидели и далеко обходили каждую машину, шепотом передавая друг другу пугающее слово «катюша».

Штурм последних очагов сопротивления врага продолжался всю ночь. По темным дымным улицам Берлина потянулись колонны пленных немецких солдат и офицеров. Пленные показывали, что оборона иссякает, ощущается недостаток в снарядах и патронах, что нет сил выдержать напряжение боя, которое росло с каждой минутой. Среди ста тридцати немцев, взятых в плен, в подвалах и убежищах министерства авиации советские военные врачи обнаружили семнадцать сумасшедших.

Окруженный гарнизон станции метрополитена против Потсдамского вокзала в четвертом часу утра побросал оружие и поднял руки вверх.

В эти критические для Берлина минуты на участке части полковника Смолина вдруг появился немецкий автомобиль с большим белым флагом на радиаторе. Наши бойцы прекратили огонь. Из машины вышел немецкий офицер и сказал одно слово:

— Капитуляция...

Его поняли, приняли и проводили в штаб. Офицер заявил, что вновь назначенный начальник германского генерального штаба генерал Кребс готов явиться к советскому командованию, чтобы договориться о капитуляции берлинского гарнизона немецких войск.

Советское командование согласилось принять Кребса, и он вскоре приехал к генерал-полковнику Чуйкову. Тут же был представлен Ставки генерал армии Соколовский.

Высокий, с утомленным бледным лицом, Кребс громко стукнул каблуками, поклонился нашим генералам и сказал:

— Я уполномочен известить советское командование и через него Советское правительство, что вчера, тридцатого апреля, германский фюрер Адольф Гитлер добровольно покинул этот свет...

Кребс помолчал, на секунду опустил голову, потом выпрямился и продолжал:

— Своим преемником в завещании Гитлер оставил гросс-адмирала Деница, а руководителем нового германского правительства назначил доктора Геббельса... Я имею честь быть представителем этого нового правительства и явился к вам с личным поручением Геббельса...

— Что вы еще имеете сказать советскому командованию? — спросил Чуйков.

Кребс продолжал:

— Новое германское правительство и высшее военное командование считают бесполезным дальнейшее сопротивление в Берлине и просят советское командование объявить на одни сутки перемирие, чтобы в течение их сформулировать условия капитуляции и выяснить отношение Советского правительства и правительств ваших союзников к новому германскому правительству.

На это генералу Кребсу было отвечено:

— Советское правительство не может и не будет вести какие-либо переговоры с любым фашистским правительством Германии. Никакого перемирия на сутки или на час советское коман-

дование объявлять не будет и выработать условия капитуляции остатков берлинского гарнизона не желает. Дальнейшее ваше сопротивление бессмысленно и приведет к полному истреблению ваших солдат и офицеров. Поэтому советское командование предлагает вам отдать приказ о немедленной, полной и безоговорочной капитуляции остатков немецкого гарнизона в Берлине.

Кребс попросил разрешения съездить на доклад к Геббельсу и спросил, не сумеет ли советское командование установить со штабом обороны Берлина телефонную связь. Эти просьбы начальника немецкого генерального штаба были удовлетворены.

До линии фронта генерала Кребса сопровождали представители нашего командования, а потом в его машину сел советский связист с телефонным аппаратом и двумя катушками кабеля.

Через некоторое время в нашем штабе раздался телефонный звонок:

— Говорит штаб обороны Берлина. Генерал Кребс сделал доклад Геббельсу и просит снова его принять.

Во второй свой приезд Кребс был более многословен и настойчив. И приехал он не один, а с адъютантом, советниками, помощниками. Он заявил:

— На капитуляцию мы согласны, но мы просим Советское правительство и советское командование признать новое правительство Германии и оставить в его распоряжении ту часть Берлина, которая в настоящую минуту находится в руках немецких войск.

Ему ответили:

— Никаких условий, генерал Кребс. Безоговорочная и полная капитуляция — вот чего мы от вас ждем.

Кребс снова принялся излагать свои соображения. Между прочим, он сказал:

— Поймите, мы не можем остаться без территории. Наше правительство без территории будет похоже на польское правительство в Лондоне. Это же смешно и невозможно...

Ему опять ответили:

— Генерал Кребс, ни о каком вашем правительстве не может быть и речи. Вы должны немедленно безоговорочно капитулировать...

После этого Кребс еще раз попросил разрешения поехать в штаб обороны Берлина для доклада и консультации. Стало явным, что он стремится выиграть время и как можно дольше оттянуть сроки капитуляции. Его отпустили, но заявили:

— Если вы немедленно не отдадите приказа о полной капи-

туляции остатков немецкого гарнизона, мы начинаем последний штурм.

Кребс уехал.

Тут случилось одно событие, которое с новой силой зажгло ненависть к фашистам в сердцах наших воинов.

Генерала Кребса, как и всех немцев, сопровождали в целях безопасности советские офицеры. Машины подъехали к боевому охранению наших войск. Советские офицеры отдали распоряжение пропустить немцев дальше. Вот скрылась за поворотом последняя машина. И вдруг с немецкой стороны раздалась пулеметная очередь, потом вторая, третья. Немцы стреляли по офицерам, которые проводили генерала Кребса!

Майор Белоусов схватился за грудь. Лицо его покрылось мертвенной бледностью. Он зашатался и упал на мокрые камни. К майору бросились бойцы, офицеры.

— Вот гады... Никогда не верьте им...

Его положили на плащ-палатку и понесли в укрытие. Кровь капала на мостовую.

По смертельно раненному майору гитлеровцы дали еще несколько очередей из пулемета, и новая пуля раздробила его левую ногу.

С нашей стороны ответная стрельба возникла стихийно и мгновенно. С каждой минутой она разрасталась, усиливалась. Штаб обороны Берлина и генерал Кребс молчали.

Наш штаб отдал общий приказ:

— Огонь!

Берлин задрожал. Он уже познакомился за дни боев с мощью и силой русской артиллерии, минометов, авиации. Но то, что он услышал и пережил в минуты последнего штурма, — превзошло все. Можно себе представить, что творилось на позициях врага, если, например, только на одном километре фронта у Унтер-ден-Линден стояло свыше пятисот советских орудий!

День почернел. Дым, пыль и гарь закрыли солнце.

Через сорок пять минут наша пехота на всех участках фронта бросилась в атаку. В одном месте сержанты Иванов и Стариков увидели вдруг крадущегося вдоль каменной стены согнувшегося немецкого генерала.

— Стой, руки вверх! — закричали они ему.

Генерал выпрямился. Сержанты увидели на его груди железные кресты, а в правой руке белый флаг.

— Капитуляция! — сказал генерал.

Сержант Иванов проводил генерала в штаб полка, и там узнали, что это Вейдлинг, начальник немецкого гарнизона Бер-

лина. Вейдлинг пожаловался командиру полка на страшный огонь советской артиллерии.

— Тридцать минут я не мог сделать ни одного шага,— заявил он.— У меня заболели уши, и я плохо слышу...

Спустя несколько минут Вейдлинг сидел уже в штабе генерала Чуйкова. Он сообщил, что Геббельс и генерал Кребс покончили с собой, и добавил:

— А я и мои войска готовы капитулировать...

В ожидании машинистки генерал Вейдлинг молча ходил взад и вперед по просторному и светлому кабинету нашего командующего. Чуйков стоял у окна и тоже молчал. Вейдлинг вдруг остановился и сказал:

— Вы знаете, генерал, в чьем доме размещен штаб вашей дивизии, куда я доставлен был сегодня утром?

— Не знаю,— ответил Чуйков,— не интересовался.

— В моем родовом доме. Ваш полковник сидит в моем кабинете, за моим столом...

Вейдлинг снова помолчал, а потом добавил:

— Это настоящий крах... Судьба...

В кабинет вошла машинистка. Вейдлинг подошел к ней и спросил Чуйкова:

— Разрешите?

— Пожалуйста,— ответил Чуйков.

— Приказ по войскам берлинского гарнизона...— начал диктовать Вейдлинг.

— Солдаты, офицеры, генералы!

Тридцатого апреля фюрер покончил с собой, предоставив нас, давших ему присягу, самим себе.

Вы думаете, что согласно приказу фюрера все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на то, что недостаток тяжелого оружия, боеприпасов и общее положение делают дальнейшую борьбу бессмысленной.

Каждый час нашей борьбы увеличивает ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто гибнет сейчас за Берлин, приносит напрасную жертву.

Поэтому, в согласии с Верховным Командованием советских войск, я призываю вас немедленно прекратить сопротивление.

Подпись: Вейдлинг — генерал артиллерии и командующий обороной Берлина. 2 мая 1945 года.

В центре Берлина в это время уже шла массовая капитуляция немецких частей и подразделений. Некоторые из них приняли решение о капитуляции самостоятельно, многие подчинились

устному приказу Вейдлинга, переданному из штаба обороны Берлина по телефону и радио, а иные части складывали оружие по примеру соседей.

В места, где немцы продолжали сопротивляться, поехали на мощных радиомашинах офицеры германского генерального штаба и штаба обороны Берлина с письменным приказом Вейдлинга.

Стрельба в Берлине начала стихать.

Из подвалов, из развалин домов, из тоннелей метрополитена, из окопов и траншей Тиргартена и Зоологического сада выходили немецкие офицеры с белыми флагами и спрашивали у наших офицеров, где сдавать оружие. Около приемных пунктов образовались длинные очереди. Штабеля винтовок, автоматов, пулеметов, кучи патронов, лент росли с каждой минутой.

— Двадцатая тысяча, — устало говорил старшина Ведерников соседу, но внимательно и придирчиво осматривал двадцатитысячный автомат, который подал ему рыжеватый, с очками, немецкий ефрейтор.

— Глазу за вами не было, — продолжал Ведерников, — сколько грязи... А ну-ка почистить его здесь, вот тряпки возьми...

Немецкий ефрейтор без переводчика понял старшину и опустил на землю, чтобы почистить автомат.

Артиллеристы сдавали пушки, танкисты — танки, минометчики — минометы, связисты — средства связи, шоферы — машины. Сдавали продовольственные, артиллерийские, санитарные и другие склады, госпитали, оружейные мастерские, гауптвахты.

Приемщики — артиллеристы дивизии полковника Смолина обратили внимание на одну немецкую гаубицу. На ее стальном зеленом щите была нарисована карта с датами и надписями.

— Музейная? — спросил лейтенант Перегудов у командира немецкой батареи.

— Историческая, — ответил немец.

Наши артиллеристы рассмотрели карту. Она отмечала путь этой немецкой гаубицы: вышла она из Берлина и побывала в Париже, в Афинах, под Москвой, на Кавказе.

— Обер-лейтенант, — обратился к немцу Перегудов, — мы вам дадим краску и кисточку. Напишите последний пункт, где стреляла ваша гаубица: Берлин. Мы ее в Москву на выставку отправим.

Немец с неохотой, но все-таки написал: «Берлин. 20 апреля — 2 мая 1945 г.».

По улицам немецкой столицы потянулись длинные колонны

капитулировавших фашистских войск. Пленные шли по Унтерден-Линден, по Фридрихштрассе, по улице Вильгельма, по улице Геринга. Впереди каждой дивизионной колонны шагали генералы и офицеры.

Толпы женщин, стариков и детей выстроились у домов, на площадях, у мостов. Тысячи глаз были устремлены на капитулировавшее войско Гитлера. Часто раздавались крики:

— Герман!

— Пауль!

— Генрих!

Это женщины узнавали своих мужей, сыновей, отцов.

Берлин никогда не забудет своеобразного и последнего «парада» германских войск.

Дымились дома. На мостовых валялись камни, стекла, арматура. Маленькие, большие и совсем огромные воронки чернели на асфальте. В дырявых стенах свистел ветер. С неба падал не по-весеннему холодный и мелкий дождь.

По улицам шли кривые шатающиеся ряды черных, грязных, закопченных и ободранных немецких солдат. Лица худые, изможденные, ноги еле двигаются; руки или заложены за согнутую спину, или устало болтаются у карманов. Ни один солдат не смотрел в глаза берлинцам.

Заслуженный позор немецкой фашистской армии, позор поверженной германской столицы! С гордостью победителей смотрели советские воины на врагов, сокрушенных в бою, на черную силу фашизма, сломленную и раздавленную нашей Красной Армией. И не было жалости к этим вереницам согбенных скелетов в мутно-зеленых мундирах, к дымящимся развалинам вражеской столицы. Слишком много зла принесли они в мир. Но вот теперь довоевались, «завоеватели» вселенной, «покорители» Европы, Азии, Африки!

1945 год

Борис ГОРБАТОВ

КАПИТУЛЯЦИЯ

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа.

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!

Шли к этому дню долгой дорогой. Дорогой борьбы, крови и побед. Мы ничего не жалели.

И вот он, вот этот день. Берлин в дымке, солнце над Темпельхофским аэродромом и высокое небо над головой — ждем появления самолетов в нем. Амфитеатром расположился огромный аэропорт. Его ангары разбомблены, здания сожжены. На бетонированном поле еще валяются разбитые «юнкерсы», под ногами — холодные, мертвые осколки бомб. Это поле — поле боя. Оно, как весь наш путь, — путь боев и побед. Сегодня оно будет полем встречи с друзьями и союзниками для того, чтобы вместе продиктовать свою волю побежденному врагу.

— Что же, Темпельхофский аэродром будет Компьенским лесом? — говорит кто-то.

Нет, это не Компьен. Компьена не будет. И Версаль не будет. И гитлеровского кошмара больше не будет никогда.

Ровно в 12 часов 50 минут один за другим стремительно, красиво, словно линия, поднимаются в небо наши истребители. Они делают круг над аэродромом и уходят на запад, навстречу самолетам союзников. Спустя полчаса с аэродрома в городе Штендаль поднимаются пять «дугласов» и берут курс на восток. Почетным эскортом сопровождают их наши истребители. Два из них впереди.

В 14 часов на Темпельхофский аэродром в Берлине прибывают представители командования Красной Армии во главе с генералом армии Соколовским. Затем в небе появляются «дугласы» с американскими и английскими опознавательными знаками. Самолеты слетаются и вот уже бегут по бетонной дороге.

Из самолетов выходят глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур В. Теддер, за ним генерал Карл Спаатс, адмирал сэр Гарольд Барроу, офицеры английской и американской армии и флота, корреспонденты газет и кинооператоры.

Генерал армии Соколовский здоровается с главой делегации и представляет ему начальника гарнизона и коменданта Берлина генерал-полковника Берзарина, генерал-лейтенанта Бокова. Американские и английские генералы и офицеры сердечно пожимают руки советским генералам и офицерам. Крепкое рукопожатие. Встреча союзников и победителей.

Из другого самолета выходят представители гитлеровского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Они идут молча и хмуро. Они в своих генеральских мундирах,

при орденах и крестах. Высокий худой Кейтель изредка поворачивает голову в сторону — там, в дымке, Берлин. Они проходят к машинам, ожидающим их. Сев в машину, фельдмаршал Кейтель тотчас же раскрыл папку и стал читать какой-то документ.

А по бетонным дорожкам аэропорта, мимо молодцеватого почетного караула советских воинов, идут победители — советские, американские, английские генералы и офицеры. Развешаются флаги союзных держав. Оркестр играет гимны. Церемониальным маршем, крепко вколачивая шаги в бетон, проходят русские воины. До чего же солнечно сейчас на душе у каждого!

Все чувствуют величие момента. Каждый понимает, что присутствует при акте, определяющем судьбу поколений. Глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур Теддер произносит перед микрофоном речь:

— Я являюсь представителем верховного главнокомандующего Эйзенхауэра. Он уполномочил меня работать на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад, потому что я приветствую их в Берлине. Союзники на западе и востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь передать самое теплое приветствие с Запада — Востоку.

Начальник почетного караула полковник Лебедев сообщает эти слова воинам караула и провозглашает:

— За нашу победу — ура!

Могучее «ура» победителей гремит в поверженном Берлине.

Затем члены делегаций и все присутствующие на аэродроме отправляются в Карлсхорст — пригород Берлина, где должен быть подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Путь лежит через весь Берлин — через разрушенный, побежденный Берлин, через Берлин, штурмом взятый нашими войсками.

Поток машин несется по улицам германской столицы. Дорога расчищена, но тротуары в грудах битого кирпича и мусора. Развалины — следы работы союзных летчиков и советских артиллеристов. Победители едут по Берлину. На перекрестках молча стоят жители города. Победители мчатся по Берлину, и вслед за ними следуют побежденные гитлеровские генералы, принесшие капитуляцию. О чем думают они сейчас, проезжая по улицам Берлина? Вспоминают ли плац-парады или последние дни крушения? Они посеяли ветер и теперь пожинают бурю.

Машины проходят под вздвинутой нашими бойцами аркой победы. Над ней гордо развеваются три флага и надпись: «Красной Армии — слава!» Поток машин проносится под аркой.

Вот, наконец, Карлсхорст. Карлсхорст — этот берлинский пригород — сегодня на наших глазах вошел в историю. Здесь могила гитлеровской Германии, здесь конец войне. Все здесь принадлежит истории. И это здание бывшего немецкого военно-инженерного училища, в котором состоялось подписание акта капитуляции. И этот зал офицерской столовой, эти четыре флага на стене — советский, американский, английский и французский — символ боевого сотрудничества. И эти столы, покрытые серо-зеленым сукном, и все минуты этого короткого, но преисполненного глубокого волнения и смысла заседания — все это принадлежит истории. Хочется запечатлеть каждую минуту.

В зал входят Маршал Советского Союза Жуков, главный маршал британской авиации сэр Артур В. Теддер, генерал Спаатс, адмирал сэр Гарольд Барроу, генерал Делатр де Тассиньи и члены советской, американской, английской и французской делегаций.

Историческое заседание начинается. Оно очень недолго продолжалось. Немного людей присутствует в зале, немного слов произносится. Но за этими словами — долгие годы войны. Маршал Жуков на русском языке, а затем главный маршал авиации Теддер объявляют, что для принятия условий безоговорочной капитуляции пришли уполномоченные германского верховного командования.

— Пригласите сюда представителей германского верховного командования, — говорит маршал Жуков дежурному офицеру.

В зал входят немецкие генералы. Впереди идет генерал-фельдмаршал Кейтель. Он идет, стараясь сохранить достоинство и даже гордость. Поднимает перед собой свой фельдмаршальский жезл и тут же опускает его. Он хочет быть картинным в своем позоре, но дрожащие пятна проступают на его лице. Здесь, в Берлине, сегодня его последний «плац-парад». Вслед за ним входят генерал-адмирал фон Фридебург и генерал-полковник Штумпф. Они садятся за отведенный им в стороне стол. Сзади их адъютанты.

Маршал Жуков и главный маршал авиации Теддер объявляют:

— Сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции.

Немцам переводят эти слова. Кейтель кивает головой:

— Да, да, капитуляция.

Имеют ли они полномочия немецкого верховного командования для подписания акта капитуляции?

Кейтель предъявил полномочия. Документ подписан гросс-адмиралом Деницем, уполномочивающим генерал-фельдмаршала Кейтеля подписать акт безусловной капитуляции.

— Имеют ли они на руках акт капитуляции, познакомились ли с ним, согласны ли его подписать? — спрашивают маршал Жуков и маршал Теддер.

О капитуляции, только о капитуляции — полной, безоговорочной, безусловной, идет речь в этом зале сегодня.

— Да, согласны, — отвечает Кейтель.

Он разворачивает папку с документами, вставляет монокль в глаз, берет перо и собирается подписать акт. Его останавливает маршал Жуков.

— Я предлагаю представителям главного немецкого командования, — медленно произносит маршал Жуков, — подойти сюда к столу и здесь подписать акт.

Он показывает рукой, куда надо подойти фельдмаршалу.

Кейтель встает и идет к столу. На его лице багровые пятна. Но его глаза слезятся. Он садится за стол и подписывает акт о капитуляции. Кейтель подписывает все экземпляры акта. Это длится несколько минут. Все молчат, только трещат киноаппараты. В этом зале сейчас нет равнодушных людей, нет равнодушных и во всем человечестве и тем более — в Советском Союзе. Это на нас обрушилась войной гитлеровская военная машина. Наши города жгли, наши поля топтали, наших людей убивали, у наших детей хотели украсть будущее.

Сейчас в этом зале гитлеровцев поставили на колени. Это победитель диктует свою волю побежденному. Это человечество разоружает зверя.

Фельдмаршал Кейтель подписал капитуляцию. Он встает, обводит взглядом зал. Ему нечего сказать, он ничего и не ждет. Он вдруг улыбается жалким подобием улыбки, вынимает монокль и возвращается к своему месту за столом немецкой делегации. Но прежде чем сесть, он снова вытягивает перед собой свой фельдмаршальский жезл, затем кладет его на стол. Акт о капитуляции подписывают генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф.

Все это происходит молча, без слов. Слов уже не надо. Все нужные слова сказали Красная Армия и армии наших союзников. Теперь это только безусловная, безоговорочная капитуляция. Больше от гитлеровцев ничего не требуется. Немецкие уполномоченные молча подписывают акт. Затем акт подписыва-

ют маршал Жуков и главный маршал авиации сэр Артур Теддер. Вот подписывают акт также свидетели — генерал Спаатс и представитель французской делегации генерал Делаттр де Тассиньи.

Члены немецкой делегации могут покинуть зал.

Немецкие генералы встают и уходят из зала — из истории. Все присутствующие на этом историческом заседании радостно поздравляют друг друга с победой. Война окончена. Маршал Советского Союза Жуков жмет руку маршалу английской авиации Теддеру, генералу американской армии Спаатсу и другим генералам.

Победа! Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют.

В ночь на 9 мая 1945 года

Сергей НАРОВЧАТОВ

ПОБЕДА!

Так вот он — победы гордый час,
Конец положивший огненным бурям,
Ради которого каждый из нас
Грудь открывал осколкам и пулям.

Каждый сегодня, как с братом брат,
Светлей и сердечней час от часа,
И плачет от счастья старый солдат,
Который в жизни не плакал ни разу.

На улице города — праздничный стан.
Узнав о счастливой вести мгновенно,
Целуются люди всех наций и стран,
Освобожденные нами из плена.

Такого еще не бывало встарь —
Пусть радость повсюду гремит не смолкая:
Праздником мира войдет в календарь
Праздник Победы — Девятое мая!

*Германия
Грейфсвальд
9 мая 1945 года*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ

Прага освобождена от немецко-фашистских банд! Эти слова, переданные вчера полевой рацией прославленного генерала танковых войск Лелюшенко, были приняты военными радиостанциями под утро, когда фронтовой народ, ликуя, праздновал долгожданную победу.

Освобождение Праги означало не только изгнание немецких оккупантов из столицы Чехословакии. С военной точки зрения оно означало ликвидацию последнего крупнейшего очага сопротивления немцев, где вопреки подписанному акту о капитуляции они еще пытались продолжать войну.

Вопреки этому документу большая группа немецких войск, так называемая «Митель-группа», руководимая фельдмаршалом Шернером, все еще вела активные бои.

Теснимая нашими наступающими частями, она прикрывалась сильными арьергардами и, оказывая сопротивление на каждом рубеже, начала откатываться на юг, в Чехословакию, чтобы закрепиться за высокой грядой Рудных гор. Эти отпетые гитлеровцы имели, по-видимому, своей целью соединиться с немецкими войсками, оккупировавшими Чехословакию, и развернуть бой в районе Праги.

Тогда наше командование отдало приказ преследовать и неотступно уничтожать нарушившие условия капитуляции войска «Митель-группы». Чтобы не дать им соединиться с оккупационными немецкими частями Чехословакии и предупредить занятие ими Праги, что неминуемо вызвало бы разрушение города, танкисты генералов Лелюшенко и Рыбалко получили приказ прорваться сквозь фронт отступающих неприятельских войск, оставить их в тылу и, стремительно продвигаясь на юг, освободить от оккупантов столицу Чехословакии, прежде чем в нее успеет ворваться Шернер со своими бандами.

Вот этот-то поистине молниеносный удар и был совершен нашими танкистами в историческую ночь, когда весь советский народ, а с ним вместе свободолюбивые народы всего мира праздновали победу над гитлеровской Германией. Танкистам предстояло за ночь пройти с боями почти сто километров. Но главная трудность состояла не в этом: путь наступающим преграждали высокие гряды гор, тянувшихся с запада на восток несколькими параллельными хребтами. Эти горы невысоки, но очень круты.

Дороги через них местами висят над пропастями, перевалы узки и извилисты.

И вот танковые части 1-го Украинского фронта начали эту историческую операцию.

Пока еще трудно воспроизвести ее во всех подробностях, но по отрывочным сведениям, уже поступившим по радио, и по рассказам самих танкистов, слышанным мною в Праге, картина этого ночного перехода танковых соединений через горы рисуется так. Танки рвались вперед, сметая на пути вражеские заслоны. Подчас на горных речках танкисты вылезали из машин и вместе с мотопехотинцами, которые ехали на броне, превращались в саперов, наводя мосты и выкладывая деревянные гати.

В топких лощинах, на перевалах и узких горных дорогах немцы успели устроить труднопреодолимые завалы. Огромные срубленные сосны были опутаны проволокой и заминированы. Каждая минута стоила выигранного боя, и танкисты разметывали эти завалы сокрушающим огнем своих пушек и шли дальше по узким, витым дорогам, пробираясь там, где обычно ездили только всадники.

Ночью, отбросив в бою последние вражеские заслоны, стальная лавина перевалила через хребты и сразу хлынула вниз, в долину. Внезапное появление наших танков ночью, за горными хребтами, было настолько неожиданным для командования «Митль-группы», что в долине немецкие засады порой даже не оказывали сопротивления и разбегались, бросая противотанковые пушки и не успевая убрать предупреждающие таблички с минных полей.

Под утро наши танки, еще раз опрокинув немецкие заслоны в предместьях Праги, ворвались в чехословацкую столицу и освободили ее.

Мы летим в освобожденную столицу Чехословакии, и под крылом самолета видны следы последнего нашего удара. По всем дорогам тянутся на север бесконечные, длинные вереницы пленных. Мы видим четко обозначенные на зелени нив зигзаги окопов, вокруг деревень и городков — дзоты, огневые точки, а в городах — баррикады на перекрестках. Танковые завалы, бетонные массивные шлагбаумы на въездах.

Вереница брошенных орудий, танков, тягачей. Пролетели над большим военным аэродромом, на котором в неприкосновенности в шахматном порядке стояли «хейнкели» и «фокке-

вульфы». Все это оставлено, брошено, позабыто. Минуем город, еще дымящийся своими заводскими трубами, переваливаем через зеленые, лохматые хребты гор. И вот в сиянии великоленного весеннего дня, на фоне чистого синего южного неба по берегам извилистой и быстрой Влтавы зубцами своих башен, острыми кинжалами шпилей костелов и церковей встает чудесная, зеленая красавица — Прага.

Мы делаем над ней несколько кругов, ища место посадки, и, пока под нами, как в кино, проплывает этот великолепный город, я вспоминаю слова чешского патриота Дороша, старого пражского инженера из корпуса генерала Свободы, сказанные им далеко отсюда, в Карпатах, в первый день, когда чехословацкие солдаты вместе с Красной Армией освободили первые километры чехословацкой земли.

— Каждый из нас готов трижды умереть в бою, чтобы только дойти до Праги, поцеловать ее мостовую, выпить воду из светлой Влтавы.

И вот сбылась эта мечта. Красная Армия освободила и вернула своим славянским братьям их чудесную столицу. Даже с самолета видны на улицах и на бульварах праздничные толпы и масса чехословацких трехцветных государственных флагов, бог весть кем сохраненных в течение шести лет немецкой оккупации и вот сегодня снова вывешенных на башнях, на балконах, на окнах.

Приземление немудреного нашего самолета на аэродроме неожиданно вызывает триумф. Это первый самолет Красной Армии, севший здесь, и нам, как представителям Красной Армии, приходится принять адресованные ей восторг и уважение праздничной шумной пражской толпы, в несколько минут сбежавшейся сюда.

И уже тут, на Пражском аэродроме, ощущаешь во всей мощи и полноте то чудесное, восторженное отношение, которое питают к Красной Армии народы, освобожденные ею от немецкой оккупации, и чувством невольной гордости наполняется сердце за свое советское гражданство, за свой русский офицерский мундир. Девушки протягивают нам букеты цветов, какие-то очень солидные и радостно оживленные люди протягивают записные книжки, требуя автографов.

Нам долго, вероятно, не вырваться из окружения этой толпы, если бы не патруль из местных партизан с трехцветными повязками на рукавах. Они остановили первую же проходившую легковую машину и, объяснив ее владельцу доктору Наде-ну, кто мы, попросили его провезти нас по городу. От них мы

узнали, что, прослышав о приближении наших танков, население во многих районах столицы подняло восстание, вооружилось спрятанным до поры до времени оружием и завязало бои с немецким гарнизоном. А сейчас повстанцы взяли на себя роль охранителей порядка и, нужно сказать, справляются с этим отлично.

На стареньком докторском «фордике», построенном, вероятно, на заре автомобилестроения, объезжаем мы залитые солнцем, полные ликующей толпой улицы Праги.

Открыто и шумно, со славянской сердечностью и непосредственностью празднует Прага день своего освобождения.

У группы наших танков на улице Масарика такая большая толпа, что по ней прекратилось движение. Огромные стальные машины, как потом, покрытые маслом и пылью, украшены венками, лентами. Смущенные, улыбающиеся танкисты едва успевают отвечать на рукопожатия и принимать новые и новые букеты цветов. И тут же на гусеницах, отполированных долгими переходами, целая выставка съестного — корзиночки с яблоками и солеными помидорами, бутылками с молоком, кругленькие какие-то пирожки и зеленые сырки.

— Вот попали в окружение-то! — смеется гвардии младший лейтенант Олег Еременко. — Говорим им: не надо, сыты мы вот так. Нет, несут и несут...

Механик-водитель гвардии сержант Сережников говорит:

— Или вот цветы, алые ленты, так нешто танк невеста, чтоб его убирать. А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел.

Не хочется расставаться с веселой и солнечной Прагой. Но пора. Ведь до телеграфа добрых 300 километров. И, сделав прощальный круг над городом, мы улетаем на север, унося с собой теплоту этих пражских встреч.

11 мая 1945 года

Леонид ЛЕОНОВ

ИМЯ РАДОСТИ

Убийца на коленях. Оружие выбито из его рук. Он у ног ваших, победители. Ему хочется покоя и милосердия: Палач с вековым стажем оказывается вдобавок бесстыдником... Судите его, люди, по всем статьям своего высокого закона!

Никто не спал в эту ночь. В рассветном небе летают самолеты с фонариками. Старуха, солдатская мать, обнимает смущенного милиционера. Две девушки идут и плачут, обнявшись. Еще неизведанным волнением до отказа переполнена вселенная, и кажется, что даже солнцу тесно в ней. Трудно дышать, как на вершине горы... Так выглядел первый день Победы. Две весны слились в одну, и поэтам не дано найти слова для ее обозначенья. Мы вообще еще не способны сегодня охватить разумом весь смысл происшедшего события. Мы были храбры и справедливы в прошлом, эти битвы принесли нам зрелость для будущего. Мало прийти в землю обетованную — надо еще распахать целину, построить дом на ней и оградить себя от зверя. Мы совершили все это, первые поселенцы в стране немеркнувшего счастья. Лишь с годами возможно будет постигнуть суровое величие прожитых дней, смертельность отгремевших боев, всю глубину вашего трудового подвига, незаметные труженики Советского Союза, не уместившиеся ни в песнях, ни в обширных наградных списках: так много вас! Если донные празднуются Полтава и поле Куликово, на сколько же веков хватит нынешней нашей радости? Только она выразится потом не в торжественных сверканьях оркестров, не в радугах салютов, а в спокойном вещественном преображении страны, в цветенье духовной жизни, в долголетьи старости, в красоте быта, в творчестве инженеров и художников, садоводов и зодчих. Немыслимо в одно поколение собрать урожай такой победы.

Советские люди сеяли ее долго, каждое зернышко было опущено в почву заботливой и терпеливой рукой. В зимние ночи они своей улыбкой грели ее первые всходы, они берегли их от плевела и летучего гада, и вот под сенью первого ветвистого и плодоносного дерева собираются на пиршество воины и кузнецы оружия. Они запевают песню новой, мирной эры. И если только человечество сохранит мудрость, приобретенную в войне, как оно стремится сберечь боевую дружбу, этой величавой запевке подтянут все... а песня — как братский кубок, она сроднит народы на века! Какой нескончаемый праздник предстоит людям, если они не позволят подлым изгадить его в самом зародыше. Давайте мечтать и сообща глядеть за горизонты грядущего столетия — отныне это тоже становится умной и действенной работой. Мечтой мы победили тех, у кого ее не было вовсе: было бы кощунством считать за мечту их замысел всеобщего скотства.

Итак, пусть это будет гордый и честный, благоустроенный и строгий мир, в котором новые святыни воздвигнутся по

лицу земли взамен разрушенных варварством, потому что святыня — постоянное горение живого человеческого духа. Молодые люди, созревшие для творчества жизни, отныне не будут корчиться на колючей проволоке концлагерей. На планете станут жить только мастера вещей и мысли, подмастерья и их ученики; многообразен труд, и только руки мертвеца не умеют ничего. Стихии станут служанками человека, а недра гор — его кладовыми, а ночное небо — упоительной книгой самопознания, которую он будет читать с листа и без опаски получить за это нож между лопаток. Красота придет в мир — та самая красота, за которую бились герои и которую люди иногда стыдятся называть, ибо наивно звучит всякая вслух высказанная мечта. Но теперь эта мечта гением Ленина возведена в степень точной науки и, кроме того, если не этой, то какой иному путеводной звездой руководиться всечеловеческому кораблю в его великих океанских странствиях?! Только безумец или наследственный тунеядец, питающийся людским горем, посмеет утверждать, что люди не доросли до такого счастья, что им приличней начинать свою жизнь в бомбоубежищах и кончать ее в братских могилах, что кровавое рубище и рабская мука совершенствуют добродетели и умственные способности человечества.

Люди хотят жить иначе, их воля переходит в действие. Новая пора уже настает, и это так же верно, как то, что мы живем и побеждаем. Мы родились не для войны, и когда мы беремся за меч, то не для упражнения в человекоубийстве, не ради веселой игры в Аттилу, какую сделали войну германские фашисты. Мы люди простые, рабочие. Освободительная война для нас — почетный, но тяжкий и опасный труд, неразделимый с другой, не менее сложной и нужной работой — возмездием. Иначе к чему была бы такая свирепая трагедия, где каждый акт дилился по году, где боль и ужас были настоящие, где принимало участие все население земного шара? Мы приступаем к делу воздаяния без злорадства и с полной ответственностью перед потомками. Наш народ слывет образцом великодушия и доброты, но великодушные добрых он полагает сегодня в непримиримости к злым... Пусть невинные отойдут к сторонке. Благословенна рука, поднятая покарать преступление.

Мысленно мы проходим по оскверненной Европе. Нет в ней ни одного уцелевшего селения, где не ликовал бы сейчас народ, даже среди свежих могил и незатухенных костров. Нельзя не петь в такое утро. Радость застилает нам очи, и порой пропадают из поля зрения дымящиеся руины, которые надлежало бы сохранить навеки в качестве улик последнего фашист-

ского дикарства. Уже начинает действовать спасительная привычка забвенья, но история не хочет, чтобы мы забывали об этом. Едва стали блекнуть в памяти подробности Майданека и Бабьего Яра, она Освенцимом напомнила нам об опасности даже и поверженного злодейства. Этот документ написан человеческой кровью, и каждой буквы в нем хватило бы омрачить самый волшебный полдень.

О, эти полтора-два тысяч чьих-то матерей и невест, обриту перед сожженьем! Детские локоны и девичьи косы, которые прижимали к губам любимые, которые нежно и бережно перебирал ветер, с прядками которых на сердце дрались на фронтах сыновья, отцы и женихи. Костный суперфосфат, окровавленные лохмотья, прессованная людская зола, упакованная в тонны и ставшая сырьем для промышленности и земледелия прусских... А ведь *каждая* кричала и тоже молила о пощаде, и единственным просветом в ее черной тьме была надежда на воздаяние убийцам. Нет, пусть слезы радости не затуманят ясного взора судей.

Итак, это фашистское чудовище, замахнувшееся на человечество, сгрызло в своих пещерах, может быть, двадцать миллионов жизней. Можно исчислить сожженные деревни, даже рубли, потраченные на порох и танки, — нельзя устроить переключку мертвым. Сколько их, о которых некому не только плакать, но и вспомнить. Суд свободолюбивых народов разберется, кто повинен в содеянных мерзостях: не все, но многие. Они хотели обратить нас всех в бессловесных доноров костной муки и человеческого волоса. Но мир не пал, как Рим, который всегда любил класть свою тиару к ногам очередного Гензериха... Что ж, пришла очередь расплаты. Выходите вперед, оборотни и упыри, кладбищенские весельчаки и экзекуторы, не прячьтесь в недрах нации. Согласно параграфам германской юстиции, кара преступнику назначается за каждое преступление в отдельности: убивший троих приговаривается к смерти трижды. Всякий из вас должен был бы умереть по тысяче, по сто тысяч, по миллиону раз подряд — вы умрете по разу. Никто не упрекнет победителя в отсутствии милости. Уйдите же, перестаньте быть, истайте вместе с пороховой гарью, закройте гробовую крышкой свое поганое лицо, дайте нам улыбаться такой весне!

Радость наша больше горя, а жизнь сильнее смерти, и громче любой тишины людская песня. Ей аплодируют молодые листочки в рощах, ей вторят басовитые прибои наших морей и подголоски вешних родников. Ее содержание в том, о чем думали в годы войны все вы — наши женщины у заводских станков,

вы — осиротелые на целых четыре года ребяташки, вы — солдаты, в зябкий рассветный, перед штурмом, час!.. Только в песне все уложено плотней, заключено в едином слове — Победа, — как отдельные росинки и дождинки слиты в могучий таран океанской волны. Это песня о великой осуществленной сказке, которая однажды пройдет по земле прекрасным, в венчике из полевых цветов, ребенком... Отдайтесь же своей радости — современники, товарищи, друзья. Вы прошагали от Октября до Победы, от Сталинграда до Берлина, но вы прошли бы и вдесятеро больший путь. Всмотритесь друг в друга — как вы красивы сегодня, и не только мускулистая ваша сила, но и передовая ваша человечность отразилась в зеркале победы. Не стыдитесь: поздравьте соседа, обнимите встречного, улыбнитесь незнакомому — они, так же как и вы, не спали в эти героические ночи — машинист или врач, милиционер или академик. Нет предела нашему ликованию.

Да и отдаленные правнуки наши, отойдя на века, еще не увидят нас в полный исполинский рост. Слава наша будет жить, пока живет человеческое слово. И если всю историю земли написать на одной странице — и там будут помянуты наши великие дела. Потому что мы защитили не только наши жизни и достоинство, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм.

11 мая 1945 года

Юрий ЖУКОВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

9 мая. Ура! Войне — конец! Полная и безоговорочная капитуляция фашистской Германии! Акт подписан так, как это и должно было быть: перед Верховными командованиями всех стран антигитлеровской коалиции. И произошло это не где-нибудь, а в поверженном Берлине. И председательствовал там не кто-нибудь, а Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который оборонял Москву в 1941 году и взял Берлин в 1945-м.

Сейчас 6 часов утра. Пишу в редакции, выбежав из редакторского кабинета, который всю ночь был похож на военный командный пункт. Непрерывно говорило радио, звонили телефоны, мы то и дело по мере получения новых сообщений меняли верстку газетных полос.

Двери кабинета были распахнуты настежь, и к Борису Буркову толпой валили редакционные работники: всем хотелось хотя бы чуточку поучаствовать в этом историческом для нас событии.

Подумать только, мы выпускаем номер «Комсомольской правды», посвященный победоносному окончанию войны!

В окно уже светит солнце. Я выключаю электрическое освещение.

Все началось так. В 2 часа ночи по радио были переданы позывные; диктор торжественно сказал: «Внимание! Через десять минут будет передано важное сообщение». Все побежали к Борису Буркову. Здесь были заместители редактора, военные корреспонденты, наша активная международница Ольга Четчикина, только что вернувшийся со службы на Черноморском флоте очеркист Семен Клебанов, степенный литературный критик В. В. Жданов, веселая заведующая фотоотделом Марина Бугаева и даже наш заведующий отделом кадров Гремячкин. В кабинете пестро и шумно. Все авансом поздравляют друг друга.

Опять позывные радио... «Тихо, черти!» Все замолкают. И вот уже мы слышим: только что в Берлине гитлеровский фельдмаршал Кейтель в присутствии представителей Верховных командований союзных войск — маршала Г. К. Жукова, командующего стратегическими воздушными силами США генерала Карла Спаатса, маршала авиации Великобритании Артура В. Теддера и главнокомандующего французской армией генерала Ж. Делаттра де Тассиньи — подписал акт о безоговорочной капитуляции...

Кричим «ура!». Поздравляем друг друга. А по радио передается Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что отныне день 9 мая объявляется Днем Победы и будет отмечаться ежегодно как всенародный праздник.

Трещат телефоны.

Я сажусь за передовую статью. Волнуюсь невероятно: где взять слова, достойные этого события? А времени в обрез — до выхода номера считанные часы. Начинаю писать:

«Свершилось! Сбылось то, о чем мечтали миллионы людей в первые дни военных лет. Настал час, о котором с надеждой думали герои, обогатившие своей кровью подмосковные поля, обороняя столицу. Пришло время, о котором страстно говорили опаленные огнем, задымленные порохом защитники Сталинграда, воины Ленинграда, солдаты Севера и Юга, бойцы Заполярья и Кавказа. Фашистского зверя мы доконали. Теперь

за стальным щитом Красной Армии наш народ будет крепить могущество великой социалистической державы. Какие огромные творческие перспективы открываются перед нами сегодня! Какие великие созидательные дела нас ждут!..»

Что делается сейчас на Красной площади! Три часа ночи, а площадь уже заполнена толпами людей. Поют: «Москва моя, ты самая любимая!», пляшут «русскую».

Передовая закончена. Бежим вниз, в типографию, где заканчивается верстка номера газеты. У линотипа сгрудились рабочие: спешат первыми прочесть новости. Метранпажи работают с небывалой быстротой, они знают, что у киосков уже выстроились очереди людей, которые с нетерпением ждут газету... Последний номер газеты военного времени, первый номер газеты мирного периода...

20 часов. Продолжаю запись, опять-таки на бегу: делаем очередной номер. И в нем, как это ни покажется удивительным, опять материалы о боевых действиях. Оказывается, хотя Кейтель и подписал акт о безоговорочной капитуляции, на территории Чехословакии продолжаются бои. Обезумевшие от злобы гитлеровцы отказываются сложить оружие, и наши войска вынуждены их обуздывать — в Прагу из Дрездена примчались танкисты Конева. Население чехословацкой столицы приветствовало своих освободителей. С танкистами прибыл туда и наш вездесущий военный корреспондент Сергей Крушинский. Но Борис Полевой на сей раз его опередил: он прилетел в Прагу на связном самолете и сел... на поле стадиона.

А Москва уже живет мирной жизнью. Я только что проехал по городу. Повсюду ликование. Людей в военной форме сразу подхватывают на руки и начинают качать. Только что видел близ Красной площади знаменитого нашего летчика-истребителя Кожедуба, который сбил 62 фашистских самолета. Он веселый, раскрасневшийся, но ужасно помятый. Оказывается, ему сегодня вручили в Кремле очередную, третью по счету, Золотую Звезду. Он имел неосторожность выйти из Спасских ворот на Красную площадь, переполненную людьми. Что тут было! Летчика подхватила толпа и качала добрый час, передавая из рук в руки.

— Придерживал одной рукой Звезды, как бы не потерять, а другой — фуражку, — смеялся Кожедуб. — Ну, думаю, вытрясут из меня душу. Одних поцелуев принял миллион...

Через Красную площадь не пройти, такая теснота.

Я пробрался окольными переулками в обход ее, к Каменному мосту. В памяти у каждого из нас фильм «В шесть часов вечера после войны», герои которого давали друг другу слово встретиться в Москве на Каменном мосту именно в шесть часов вечера. Как часто в военные годы мы, прощаясь, повторяли друг другу это полюбившееся всем обращение!

Каменный мост забит людьми еще плотнее, чем Красная площадь. Многие искали и находили друзей. Другим не везло, и они печалились. И все же общее настроение было ликующим. Познакомился с тремя молодыми бравыми моряками — Николаем Хандыгой, Василием Сегуном и Александром Ромасевичем. Один был до войны учителем на Днепропетровщине, второй учился в Одессе в институте, третий работал в Умани экономистом. Они ушли воевать 22 июня 1941 года, стали военморами, прошли через самое пекло ада, были ранены, получили награды. Им повезло, что в День Победы оказались в Москве, да еще на Каменном мосту, да еще в шесть часов вечера — как в кино!

Было необыкновенно весело. Какой-то дед играл на гармошке для бравых морячков вальс «На сопках Маньчжурии», потом они втроем пели «Синий платочек». Стоявшие рядом девушки, алая от стеснения, заглядывались на них. А статный Хандыга говорил: «Ну, теперь все, поеду учить детишек!»

Из книги «Крутые ступени»

Михаил ЛУКОНИН

ПРИШЕДШИМ С ВОЙНЫ

Нам не речи хвалебные,
нам не лавры нужны,
не цветы под ногами,
нам, пришедшим с войны.
Нет, не это.
Нам надо,
чтоб ступила нога
на хлебные степи,
на цветные луга.

Не жалеите,
 не жалуйте отдыхом нас,
мы совсем не устали.
Нам — в дорогу как раз!
Не глядите на нас с умилением, не
удивляйтесь
 живым.
Жили мы на войне.
Нам не отдыха надо
и не тишины.
Не ласкайте нас званьем:
 «Участник войны»!

Нам —
 трудом обновить
 ордена и почет!
Жажда трудной работы
 нам ладони сечет.
Мы окопами землю изрыли,
 пора
нам точить лемехи
и водить трактора.
Нам пора —
 звон оружия
 на звон топора,
посвист пуль —
 на шипенье пилы
 и пера.

Ты прости меня, милая,
Ты мне жить помоги.
Сам шинель я повешу,
сам сниму сапоги.
Сам тебя поведу,
где дома и гроза.
Пальцы в пальцы вплету,
и глазами — в глаза.
Я вернулся к тебе,
но кольцо твоих рук —
не замок,
 не венок,
 не спасательный круг.

1945 год

ПАРАД БЕССМЕРТНОЙ СЛАВЫ

Осталось несколько мгновений до начала парада, несколько мгновений ожидания, ожидания яркого, пышного и сладостно-задумчивого. Нет мгновения лучше, чем ожидание этого парада, и нет счастья больше, чем видеть этот парад, великий парад бессмертной славы советского народа!

А внимание ко всему происходящему такое, что громко произносимые слова кажутся шепотом, и звуки мешаются, и звон часов на Спасской башне почти однозначим со звуком каскада, устроенного на Лобном месте. Припоминается, бежит мимо многое, и с мягкой сыновьей любовью осматриваешь нашу русскую Красную площадь, ее седовласую и в то же время вечно юную древность. И рядом с прошлым встает настоящее, то, которое никак еще не ушло в исторические книги, встает золотые картины Великой Отечественной войны, участники которой построились ныне на изжелта-красном клинкере площади. И взметываешься ты, нахмуренная сталинградская пурга, и сердитые топи под Корсунь-Шевченковским, и глубокие серебристые струи Днепра, и неистово холодные скалы Заполярья, и жаркие берега Черного моря, и тягостные леса Белоруссии, и угрюмые дамбы возле Одера, и злобные хутора Восточной Пруссии, каждый из которых — дот!..

Долго, бесконечно долго будет царить слава наших дней. Каждый человек во Вселенной отныне будет явственно видеть и осязать — как бы далеко он ни находился, на каких бы расстояниях ни жил от Советского Союза, — он будет чувствовать близость благородного, высокого мира, способного жертвовать всем, чем только может пожертвовать человек ради творчества, прогресса, цивилизации, выших устремлений гуманизма, науки и искусства. Бездна надежд отныне не существует! Никому не придется душить в себе любовь к светлому, ибо существуют и могут существовать иные отношения между людьми — вечно молодые, обаятельные и совершенно необыкновенные, отношения небывалой дружбы, героизма, взаимоуважения. Именно эти отношения осуществлены в необычайной степени, и люди, осуществившие их, стоят ныне на Красной площади.

Построены войска. Недвижно замерли знамена возле каждого сводного полка. Деловито, в своих парадных мундирах, с боевыми орденами — знаками торжества и победы — ходят вдоль рядов генералы, вглядываясь в лица солдат. Фу-

ражки, шлемы летчиков, каски с висячими каплями легкого дождя отбрасывают фосфорический отблеск на серебристо-золотые дорожки песка, пересекающие поле площади. Небо облачно, наполнено влагой, она льется на священные наши поля, торопя урожай... ну что поделаешь, если дождь! И примиренно глядишь в рассыпчатое серебро в лужичках, по которому шагают люди, и глядишь не наглядывшись в ласковые, мягкие лица вокруг, в загорелые лица солдат, прямо глядящих на Кремлевскую стену, на Мавзолей, на глубокое любимое слово, пересекающее его, — Ленин, — на багрянец нашего флага, что расплеснулся за стенами Кремля.

Жарко круглятся трубы оркестров, громкий и невыразимо знакомый марш мерещится, как эхо, которое никто не видит, но каждый слышит. И находящийся здесь, на площади, мнит себя эхом, которого не увидят потомки, но жизнь которого, подобно маршу победы, непременно услышат.

— Спасибо тебе, Отчизна, родившая меня и сохранившая до этих огненных и неописуемо прекрасных дней! — так думает каждый из нас...

— Равнение на середину-у!..

Оркестры вскидывают долгожданный марш. Круглый, красиво выгнутый, катится он по Красной площади, и под звуки его белый конь под синим чепраком скачет от Спасской башни. Маршал Г. К. Жуков, трижды Герой Советского Союза, едет принимать парад. Вороной конь под пунцовым чепраком скачет к нему навстречу. Маршал К. К. Рокоссовский, дважды Герой Советского Союза, командующий парадом, едет с рапортом.

Они объезжают войска, и пышное, стройное, заливхатское русское «ура» сопровождает их. Казалось, войска только и ждали возможности закричать это «ура», выразить в нем тот острый восторг, который они испытывают, ту любовь, святую и чистую, что заполняет их сердца, ту мучительно-сладкую радость, которой светятся их глаза. Излучистое, как река, могучее и мощное, как мысль, многозвучное и многорадостное, как жизнь, и неизбежное, как наша победа, несется это «ура» над Красной площадью, над прилегающими улицами, несется над всем миром, несется, как блестящий символ нашего счастья и торжества. С восхищением слушают это «ура» трибуны, Мавзолей; все, кто слышит его, слушают и видят что-то далекое и вместе с тем близкое, что-то горячее и творчески неожиданное: видят свою жизнь, видят воссоздание, видят новые города, заводы, дороги, машины, видят лучистые и мерцающие зарницы необыкновенного!..

И хотя «ура» уже затихло, но кажется, что оно гремит даже тогда, когда маршал Жуков произносит свою речь о победе, о том, как создавалась она, как строилась и как осуществлялась...

Словно камни какого-то грандиозного здания, ложатся один за другим залпы торжественного артиллерийского салюта, и жгущей, жаркой молнией прорезают эти салюты свободный и сильный Гимн Советского Союза. 1400 человек оркестра исполняют его. А затем беспокойный, молодой звук трубы дает сигнал к торжественному маршу.

И под жемчужную трель барабана, под голубые звуки литавр двинулись сводные полки героев.

Идет Победа.

Вы все помните эти тягостные, как мрак, слова: «На всем протяжении фронта от Баренцева до Черного моря идут ожесточенные бои». Вы помните невыносимые страдания, с которыми мы читали эти слова. Враг был силен, коварен, беспощадно жесток и вооружен могучей и современной техникой, на врага работала вся поработанная им Европа.

Народ наш не жаловался. Живой и бурный, как море, он гранитным морем застыл, встал против врага, вдохновенно и величаво опрокинул его и бил до тех пор, пока в доме врага не наступило мертвое, гробовое молчание...

«На всем протяжении фронта от Баренцева моря...»

И вот теперь великое событие, парад Победы, открывается шествием войск Карельского фронта.

Это те, кто бился у Баренцева моря, кто сквозь жестокий и ледящий мороз проносил свою горячую любовь к Родине, кто бился насмерть в тускло-сизом мраке пурги, возле глухих и ненасытных безмолвием скал, возле бездонных морей и рек.

Упорные и властительные, как мысль, вытянуты штыки. Певуче и гармонично шагают в марше бойцы. Какое дивное наслаждение — шагать по площади... Какое приподнятое и радужное настроение, раздольное и чистое, как поле! Ибо волею, жизнью и подвигами этих бойцов снято со сводки Баренцево море.

За сводным полком Карельского фронта идут ленинградцы. Великий город России, Октябрьская столица, бурный и вдохновенный, как порыв, вечно мощный и молодой, певучий и стремительный, как поток, город-поэт, он показал нам истинную правду жизни, истинный героизм, истинную и никогда не забываемую историю. Он всегда был историчен и высоко благороден.

История его защиты — это защита всей нашей страны от ига немецких захватчиков, и Ленинград показал себя как силу бурного и вечно шумного прибое, отбросившего неистовые, грабительские полчища гитлеровцев.

Идут герои Первого Прибалтийского фронта. Бледно-лазурное мечтательное море, песчаные дюны, сосны под неумолчным ветром. Здесь родились подвиги бойцов, освобождавших Прибалтику, здесь закладывались, как прочнейший фундамент эпоса, те песни, которые поют о них. Мерно и уверенно шагают они на первом параде мирного времени, того времени, которое они завоевали для Прибалтики.

Идут ветераны и молодежь Третьего Белорусского фронта. Они первыми перешагнули границу Германии, той фашистской Германии, которую они перед тем заботливо и густо били под Орлом, под Минском, под Каунасом и добивали, превращая германскую хвастливость в серую пыль, под Кенигсбергом, взяв яростным, безмерным по дерзости штурмом столицу Восточной Пруссии — Кенигсберг.

Раздольный и размашистый барабанный бой звучит особенно победно и огненно. Двести бойцов, двести героев под этот звонкий и голосистый бой несут, склоненно, знамена. По шелку и атласу их — мрачные знаки, знаки насилия, высокомерия и тупости. Это — эмблемы фашизма, свастика, эмблемы гитлеровской Германии. Среди этих знамен — знамя людоеда, тупого крикуна, личный штандарт Гитлера.

И ныне эти знамена, волочась по камням Красной площади, руками наших бойцов брошены к подножию Мавзолея.

Прекрасная, светлая и пылкая Победа принесла их сюда, бросила их к ногам советского народа, бросила с такой мощью, что никогда отныне не поднимутся они, как никогда не поднимется фашистская Германия.

Идут и идут сводные полки, идут неудержимым, размашистым и в то же время степенным шагом, шагом победителей. Алые и пылающие, как розы, веют над ними знамена; высоко и светло поет оркестр, и горящая алмазная роса дождя лежит на их оружии. Идет сводный полк Второго Белорусского фронта, идет слава взятия Гдыни, Гданьска, Штеттина и многих городов. Идет Первый Украинский фронт. Сводный полк Четвертого Украинского фронта. Второго Украинского. Третьего Украинского... Никакой буйной и вдохновенной речи не хватит для того, чтоб описать их подвиги, то, что они сделали для славы и процве-

тания нашей Родины, и много лет скромные художники и писатели нашей страны будут говорить о их деяниях, о их жизни, о том, что мы сейчас еще так кратко называем подвигом. Подвиг их раскрыт нашими сердцами, нашими думами и, несомненно, будет раскрыт красками, чтобы все человечество узнало героев полностью, со всеми их думами, заботами, чтобы полностью была раскрыта их любовь к Родине, создавшей их, любовь, благодаря которой родился их подвиг.

26 июня 1945 года

Константин СИМОНОВ

УРОКИ НА БУДУЩЕЕ

...9 мая 1945 года я имел личное удовольствие видеть своими глазами, как фельдмаршал Кейтель подошел к столу Союзного командования и подписал капитуляцию фашистской Германии. Но, как ни грустно думать об этом, к сожалению, капитуляция фашистской Германии еще не капитуляция фашизма, и я думаю, что общая ненависть к фашизму, которая заставила нас с вами плечом к плечу драться в этой войне, эта ненависть должна и сейчас сохраниться в арсенале наших чувств.

Фашизм — это человеконенавистничество.

Фашизм — это презрение к другим народам.

Фашизм — это культ грубой силы.

Фашизм — это унижение человеческой личности.

Фашизм — это идеология, при помощи которой один человек хочет поставить ногу на шею другого человека и сделать этого другого человека рабом.

Неужели же кто-нибудь думает, что вся эта идеология зачеркнута в мировом масштабе одним росчерком пера генерала, подписавшего капитуляцию германской армии? Фашизм существует до сих пор, существует в разных формах, открытых и скрытых, и эта болезнь не из тех, которые излечиваются просто солнцем и свежим воздухом...

Из речи на митинге в Сан-Франциско (США)
Май 1946 года

ПЕСНЯ

Сыновья, стали старше вы павших отцов.
Потому что на марше — любой из бойцов,
Потому что привалы годам не даны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Не чернила, а кровь запеклась на земле,
Где писала любовь свою повесть в седле.
Этой повести строки поныне красны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

В вашем возрасте мы возглавляли полки,
Отсвет звездности падал на наши клинки.
Опустили нас в землю, как в саблю ножны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Мы не знали испуга пред черной молвой
И своею за друга клялись головой.
И отцов не позорили мы седины.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Все, что мы защищали, и вам защищать.
Все, что мы завещали, и вам завещать,
Потому что свобода не знает цены.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Нужно вам, как нагорью, далёко смотреть,
Волноваться, как морю, как звездам, гореть.
Будьте долгу верны, добрым думам верны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

*Перевод с аварского
Якова Козловского*

К концу дня 1 мая гитлеровские части общим числом около 1500 человек, не выдержав борьбы, сдались. Рейхстаг был полностью очищен от противника.

Комендантом рейхстага был назначен командир полка 150-й дивизии полковник Федор Матвеевич Зинченко.

Борьба за Берлин шла не на жизнь, а на смерть. Из глубины матушки-России, из Москвы, из городов-героев Сталинграда, Ленинграда, с Украины, из Белоруссии, из прибалтийских, закавказских и других республик пришли сюда наши люди, чтобы завершить справедливую войну с теми, кто посягнул на свободу их Родины. У многих не зарубцевались еще раны от прошлых боев. Раненые не покидали строя. Все стремились вперед. Будто и не было четырех лет тяжелой войны: все воспрянули духом, чтобы совершить великое дело — водрузить Знамя Победы в Берлине.

Много вдохновения и дерзости проявили во всех действиях наши воины. Зрелость нашей армии, ее рост за годы войны полностью отразились в берлинском сражении. Солдаты, сержанты, офицеры и генералы показали себя в Берлинской операции творчески зрелыми, решительными и отчаянно смелыми людьми. Наша Коммунистическая партия в Великую Отече-

ственную войну сделала из них исключительно опытных воинов, настоящих мастеров своего дела, а опыт и знания являются самой благоприятной почвой для всестороннего развития военного искусства.

Сколько мыслей проносилось в голове в те радостные минуты! И тяжелейшая битва под Москвой, где наши войска стояли насмерть, не пропустив врага в столицу, и Сталинград в руинах, но непокоренный, и славный Ленинград, выдержавший тяжелейшую блокаду, и Севастополь, так героически сражавшийся против отборных гитлеровских войск, и торжество победы на Курской дуге, и тысячи разрушенных сел и городов, многомиллионные жертвы советского народа, героически выстоявшего в суровые годы.

И вот, наконец, самое главное, ради чего перенес великие страдания наш народ, — полный разгром фашистской Германии, торжество нашего правого дела!

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.
Из книги «Воспоминания и размышления»

Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром Берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии. Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом, 2 мая 1945 года в 15 часов прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен.

Из сообщения Совинформбюро
2 мая 1945 года

БЕРЛИН, 11 ЧАСОВ, 2 МАЯ 1945 ГОДА

...Берлинский гарнизон, а также войска СС, охраняющие имперскую канцелярию и остатки гитлеровского правительства, капитулировали. Другого выхода у них не было. Перего-

воры на КП 8-й гвардейской армии закончились подписанием приказа о капитуляции берлинского гарнизона.

И думалось мне: пройдет еще несколько дней, и будет подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии в том городе, который был штурмом занят советскими войсками.

С этими думами я вышел со своими товарищами на улицу. Вокруг тишина, от которой мы так отвыкли. С непривычки она кажется звенящей. И вдруг мы слышали, как где-то недалеко чеканит шаг строй. Даже не верится, что это наши гвардейцы уже успели приобрести такую слаженность в строю, что они могут так бодро маршировать. Но как же не быть бодрым в такой час! Усталость уступила место бодрости, радости. Строй приближается. Из парка Тиргартен идет рота 79-й гвардейской дивизии. Роту ведет гвардии капитан Н. И. Кручинин. Он только что закончил очистку восточного бункера от фашистов, пытавшихся еще сопротивляться. Там был сделан последний выстрел в полосе 8-й гвардейской армии. Последний выстрел — и гвардейцы вышли из боя на центральную улицу Берлина строевым шагом. Какая выправка, сколько радости на лицах воинов-победителей! Слышится голос запевалы, и вот уже песню дружно подхватили все:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!..

На улицах Берлина разливается русская, советская песня...

Маршал Советского Союза
В. И. Ч у й к о в

Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

Из акта о военной капитуляции
Берлин, 8 мая 1945 года

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ 9 МАЯ ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ПОБЕДОНОСНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ОДЕРЖАННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОБЕД КРАСНОЙ АРМИИ, УВЕНЧАВШИХСЯ ПОЛНЫМ РАЗГРОМом ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ, ЗАЯВИВШЕЙ О БЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ, УСТАНОВИТЬ, ЧТО 9 МАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ДНЕМ ВСЕНАРОДНОГО ТОРЖЕСТВА — П Р А З Д Н И К О М П О Б Е Д Ы.

9 мая считать нерабочим днем.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. К а л и н и н

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Г о р к и н

Москва, Кремль, 8 мая 1945 года

Великое Знамя Победы, поднятое могучей многомиллионной рукой советского народа и его славной Красной Армией, высоко и величественно развевается над освобожденной Европой. Наступил исторический день окончательного разгрома фашистской Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом... В эти дни всенародного ликования мы, бойцы, сержанты и офицеры, рапортуем своей Родине, своему народу о выполнении вашего отцовского и материнского Наказа и своей священной клятвы...

Мы дали вам тогда святую, нерушимую клятву с честью выполнить Наказ трудящихся родного края. Каждое слово этой клятвы запечатлено в наших сердцах. С нею мы учились военному делу, шли в бой и побеждали врага.

Мы шли в бой за нашу Советскую Родину с глубокой уверенностью в правоте нашего дела, в нашей победе. С каждым шагом на запад мы все больше ощущали растущую мощь советского тыла фронту, возрастающую поддержку всем советским народом Красной Армии.

Слава советскому народу — народу-победителю!

— —

Из рапорта воинов гвардейского танкового Уральского-Львовского добровольческого Краснознаменного, орденов Суворова и Кутузова корпуса трудящимся Урала

9 мая 1945 года

В период войны 3,5 миллиона комсомольцев награждены орденами и медалями, 7 тысячам комсомольцев и воспитанников комсомола присвоено звание Героя Советского Союза, 40 молодым новаторам присвоено звание Героя Социалистического Труда, более 50 тысяч молодых партизан и партизанок награждены орденами и медалями, 99 из них присвоено звание Героя Советского Союза.

Во время войны 100 тысяч девушек-комсомолок за боевые заслуги награждены орденами и медалями, 66 девушкам-партизанкам присвоено звание Героя Советского Союза.

Свыше 10 миллионов юношей и девушек вступили в годы войны в ряды ВЛКСМ.

ПИСЬМО КОМАНДИРА ТАНКОВОЙ РОТЫ ГВАРДИИ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА А. П. ДОЛГОВА МАТЕРИ

Не позднее 2 мая 1945 года

Мама!

Ты, наверное, совсем устала. Сколько тебе выпало дел, дорогая! Как ты там справляешься со всей оравой — трудно представить.

Мамочка, я прошу тебя, хоть не волнуйся за меня. У меня все хорошо. Дело простое, солдатское — воюем. Стараемся поскорее добить фашистов. Когда окончится война и мы соберемся все вместе, я расскажу тебе о себе много-много, как я здесь жил, как мы воевали.

Ты все пишешь мне, чтобы я был осторожнее. Я прошу простить, мама, но это невозможно. Я командир. А с кого же будут брать пример солдаты, если их командир в бою начнет думать не о том, как бы выиграть бой, а как бы спасти свою шкуру. Ты, мама, понимаешь, что я не могу этого делать, хотя, конечно, очень хотел бы пройти всю войну и остаться живым, чтобы снова вернуться в родной город, встретиться со всеми с вами.

*Целую.
С а ш а*

Танковая часть 1-го Белорусского фронта, в состав которой входила рота гвардии старшего лейтенанта Долгова, победоносно наступала на врага, гнала его к фашистскому логову —

Берлину. Бесстрашному командиру было дано ответственное задание — на одном из участков прорвать оборону гитлеровцев. Александр Долгов собрал танкистов, рассказал о задачах роты и призвал их драться по-гвардейски. Как всегда, первым в атаку пошел танк командира. Своим умением и бесстрашием он увлекал бойцов. И вот грозные советские танки прорвали оборону и ворвались в Берлин. Путь войскам фронта в центральный оборонительный сектор противника был открыт.

Геройски сражалась танковая рота Александра Долгова и под Бранденбургом. Но ее командиру не довелось дожить до полной победы: фашистский фауст-патрон взорвал его танк в последнем бою.

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. П. Долгову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В центре города Бранденбурга, на широкой площади, похоронен Герой Советского Союза Александр Долгов. Каждую весну 1 мая и в День Победы около обелиска русского танкиста, отдавшего жизнь за победу над фашизмом, собираются люди, чтобы почтить память погибшего, возложить венки, оставить на могиле свежие цветы. Они вспоминают войну, навязанную народам фашизмом, и павших в ней героев; они думают о мире, о светлом будущем всего человечества; они клянутся бороться за это будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге	5
-------------------------	---

1941 ГОД

<i>Степан Щипачев.</i> 22 июня 1941 года	11
<i>Илья Эренбург.</i> В первый день	12
<i>Василий Лебедев-Кумач.</i> Священная война	13
<i>Константин Симонов.</i> Части прикрытия	14
<i>Петр Павленко, П. Крылов.</i> Капитан Гастелло	18
<i>Николай Тихонов.</i> Город в броне	20
<i>Константин Симонов.</i> «Майор привез мальчишку на лафете...»	23
<i>Алексей Толстой.</i> Только победа и жизнь!	24
<i>Владимир Ставский.</i> Боевая орденосная	27
<i>Евгений Кригер.</i> У гвардейцев Доватора	32
<i>Евгений Воробьев.</i> Половодье в декабре	35
<i>Павел Антокольский.</i> Москва фронтовая	43

1942 ГОД

<i>Петр Лидов.</i> Таня	55
<i>Маргарита Алигер.</i> Зоя	63
<i>Александр Кривицкий.</i> Завещание двадцати восьми героев	65
<i>Михаил Светлов.</i> Двадцать восемь	68
<i>Александр Фадеев.</i> Дети	69
<i>Ольга Берггольц.</i> Армия	75
<i>Петр Павленко.</i> Сибиряки	76
<i>Илья Эренбург.</i> Комиссары	80
<i>Евгений Петров.</i> На Мурманском направлении	82
<i>Михаил Шолохов.</i> Наука ненависти	84

<i>Мариэтта Шагинян. Урал в обороне</i>	99
<i>Борис Горбатов. Пядь родной земли</i>	102
<i>Борис Полевой. В партизанском крае</i>	105
<i>Евгений Долматовский. Опять в Умани</i>	110
<i>Василий Гроссман. Направление главного удара</i>	111
<i>Константин Симонов. Дни и ночи</i>	122
<i>Георгий Леонидзе. Кавказ борется!</i>	129
<i>Максим Рыльский. Так будет!</i>	132
<i>Александр Межиров. Коммунисты, вперед!</i>	134

1943 ГОД

<i>Всеволод Вишневский. Битва на Неве</i>	145
<i>Евгений Кригер. Ответ Сталинграда</i>	148
<i>Маргарита Агашина. Февраль</i>	156
<i>Великий подвиг Александра Матросова</i>	—
<i>Леонид Соболев. Зубковская батарея</i>	159
<i>Михаил Шолохов. Письмо американским друзьям</i>	162
<i>Аркадий Кулешов. Березка</i>	164
<i>Андрей Платонов. Маленький солдат</i>	—
<i>Константин Федин. Музыка победы</i>	168
<i>Алексей Толстой. Русская сила</i>	169
<i>Константин Симонов. Песня</i>	171
<i>Александр Фадеев. Бессмертие</i>	177
<i>Яков Хелемский. «Сожженное селение у Сожа...»</i>	183
<i>Леонид Первомайский. Днепровская быль</i>	184
<i>Константин Ваншенкин. «...И вспять покати́лась орда...»</i>	188

1944 ГОД

<i>Николай Тихонов. Победа!</i>	197
<i>Антанас Венцлова. Мария Мельпикайте</i>	204
<i>Якуб Колас. Лагерь смерти</i>	207
<i>Наган Рыбак. Ковпак</i>	211
<i>Вадим Кожевников. На берегу Черного моря</i>	215
<i>Илья Эренбург. Прославьте нашего пехотинца</i>	221
<i>Михаил Дудин. И нет безымянных солдат</i>	224
<i>Сергей Борзенко. На том берегу</i>	225
<i>Вера Инбер. Стихиям вопреки</i>	227
<i>С. С. Смирнов. Под Яссами и Кишиневом</i>	228

<i>Андрей Малышко, Александр Верхолетов. Хозяин неба — Александр Покрышкин</i>	232
<i>А. Склезнев. В Белграде</i>	236
<i>Константин Симонов. Старшина Ерещенко</i>	240
<i>Геннадий Фиш. В Северной Норвегии</i>	245
<i>Илья Эренбург. Герои «Нормандии»</i>	247
<i>Сергей Орлов. «Его зарыли в шар земной...»</i>	249

1945 ГОД

<i>Александр Твардовский. Василий Теркин</i>	257
<i>Николай Тихонов. Армия-освободительница</i>	260
<i>Леонид Соболев. Так рождалась победа</i>	262
<i>Б. Володин. Осада</i>	270
<i>Леонид Первомайский. Освобожденная Вена</i>	273
<i>Павел Трояновский. В Берлине</i>	277
<i>Борис Горбатов. Капитуляция</i>	286
<i>Сергей Наровчатов. Победа!</i>	291
<i>Борис Полевой. Освобождение Праги</i>	292
<i>Леонид Леонов. Имя радости</i>	295
<i>Юрий Жуков. Незабываемый день</i>	299
<i>Михаил Луконин. Пришедшим с войны</i>	302
<i>Всеволод Иванов. Парад бессмертной славы</i>	304
<i>Константин Симонов. Уроки на будущее</i>	308
<i>Расул Гамзатов. Песня</i>	309

Для старшего возраста
ТОЛЬКО ПОБЕДА И ЖИЗНЬ!

Публицистика военных лет

Ответственный редактор
И. Ф. Скороходова

Художественный редактор
Е. М. Ларская

Технический редактор
Е. М. Захарова

Корректоры
В. В. Борисова и И. Б. Катунцова

ИБ № 7794

Сдано в набор 22.02.85. Подписано к печати 30.08.85. А04865. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,6. Усл. кр.-отт. 19,07. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 639. Цена 95 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушеский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Scan, DJVU: Tiger, 2014

Только победа и жизнь!: Публицистика.— М.:
Т55 Дет. лит., 1985.— 318 с., ил. (Военная библиотека
школьника).

В пер.: 95 коп.

В книгу включены отрывки из публицистических произведений, газетные статьи, очерки, корреспонденции с фронтов писателей, публицистов военных лет М. Шолохова, И. Эренбурга, К. Симонова, А. Толстого и др.

Издается в связи с 40-летием победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Т 4802010000—465 064—85
М101(03)85

ББК 9(Г)27

